

Геннадий Иванович Янаев с июля 1990-го по январь 1991 г. был членом Политбюро и секретарем Центрального Комитета КПСС. С декабря 1990 г. занимал должность вице-президента Советского Союза. Во время августовских событий 1991 г. Г.И. Янаев был назначен исполняющим обязанности президента СССР.

За участие в ГКЧП был привлечен к уголовной ответственности, 4 сентября 1991 г. освобожден от обязанностей вице-президента СССР и помещен в тюрьму «Матросская тишина»; в 1994 г. освобожден по амнистии Госдумы.

После двадцатилетнего молчания Г.И. Янаев решил выступить со своей книгой и рассказать всю правду об августе 1991 г. и о подлинной роли М. Горбачева в этих событиях. Геннадий Янаев.

-
- [ГКЧП ПРОТИВ ГОРБАЧЕВА. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ЗА СССР](#)
 - [ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ](#)
 - [Часть первая РАСПАТАННЫЕ СКРЕПЫ.](#)
 - [ТАК КРУШИЛИ СОЮЗ](#)
 - [ВОПРОСЫ POSTS SCRIPTUM](#)
 - [РЕТРОСПЕКТИВА](#)
 - [ГОЛОСА «МАТРОССКОЙ ТИШИНЫ»](#)
 - [ВОПРОСЫ POST SCRIPTUM](#)
 - [РЕТРОСПЕКТИВА](#)
 - [В ПРЕДДВЕРИИ КАТАСТРОФЫ](#)
 - [ВОПРОСЫ POST SCRIPTUM](#)
 - [РЕТРОСПЕКТИВА](#)
 - [ГОРЯЧИЙ АВГУСТ ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО](#)
 - [ВОПРОСЫ POST SCRIPTUM](#)
 - [РЕТРОСПЕКТИВА](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)
 - [Часть вторая. ГЛАЗАМИ «ПУТЧИСТА»](#)
 - [ЧТО ИМЕЕМ, НЕ ХРАНИМ, или «ДЕСЯТЬ УДАРОВ» ПО СТАЛИНУ](#)
 - [ВОПРОСЫ POST SCRIPTUM](#)
 - [КОМУ ВОЙНА, А КОМУ...](#)
 - [ВОПРОСЫ POST SCRIPTUM](#)
 - [РЕТРОСПЕКТИВА](#)
 - [СУДЬБА «МАВРА» В РОССИИ](#)
 - [ВОПРОСЫ POST SCRIPTUM](#)
 - [РЕТРОСПЕКТИВА](#)
 - [ПО НЕСВЕЖИМ СЛЕДАМ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ. Открытое письмо А.А.](#)

Проханову

- - ВОПРОСЫ POST SCRIPTUM
 - РЕТРОСПЕКТИВА
 - АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ
 - КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА
-

ГКЧП ПРОТИВ ГОРБАЧЕВА. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ЗА СССР

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Геннадий Иванович Янаев, первый и последний вице-президент СССР, руководитель Государственного комитета по чрезвычайному положению, созданного в августе 1991 года, и просуществовавшего всего три дня... Впрочем, слово «всего» вряд ли подходит для характеристики тех августовских дней, всколыхнувших наше, тогда еще советское общество в самой что ни на есть чрезвычайной форме.

На предложение написать книгу Янаев поначалу откликнулся без малейшего энтузиазма: «Ну какой из меня писатель, — сказал он при встрече в конце мая 2010-го. — Вам к Горбачеву надо обратиться. Он вам не только книгу, а многотомную эпопею запросто напишет. А потом, что я могу нового сообщить по теме, которую исследовали вдоль и поперек?»...

И все же Геннадия Ивановича удалось убедить в необходимости представить на суд читателей его ПЕРВОЕ полновесное, многостраничное произведение. Перед началом наших бесед Янаев предупредил: в конце июня ему предстоят регулярные «беседы» совсем другого рода — с врачами одной из московских клиник. На все про все у нас был один месяц. Его оказалось достаточно, чтобы появилась эта небольшая, но оттого не менее нужная книга.

В ней — записанные на диктофон и перенесенные на бумагу воспоминания Янаева, его актуальные эссе и ответы на разной сложности вопросы. Будем надеяться, что в дальнейшем Геннадий Иванович не ограничится уже высказанным и написанным. Ведь положение второго лица СССР, которое он занимал до распада Советского союзного государства, до сих пор ко многому обязывает...

Сергей Громов, публицист, составитель книги

«Вершиной русской истории был советский период. До него было хуже. И после — наступил спад, и полным ходом идет деградация. Не скажу, что советское время было хорошим, был и остаюсь его критиком. Но «на болоте и кочка высота»... Разгром советской системы — удар эпохального значения. После этого бессмысленно рассчитывать на высокое положение нашей страны в мировом сообществе, аналогичное тому, которое она занимала во времена СССР. Нынешняя социальная система (называю ее «постсоветизмом») создана — после антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы — на скорую руку, под давлением Запада и по западным образцам, с таким расчетом, чтобы Россия не поднялась больше. Эта социальная система в принципе исключает возможность для нашего государства независимого, суверенного существования. Страна деградировала во всех отношениях. Теперешняя система власти и управления не идет ни в какое сравнение с той, которая была в Советском Союзе. Экономический развал, произошедший у нас, несопоставим ни с чем. Где еще подобное наблюдалось на планете?!..»

Эти слова были сказаны А.А. Зиновьевым в одном из его последних интервью, в октябре 2005 года. Крупнейший отечественный философ и социолог, проживший более 20 лет на Западе, пожалуй, как никто другой понимал толк в социальных процессах, происходивших как в нашей стране, так и во всем мире. Наверное, с сугубо обывательской точки зрения, оценки Зиновьева представляются чистым философствованием.

«Находясь на этой «вершине русской истории», мы не могли купить себе хорошую машину, приличную одежду, съездить в дальнее зарубежье, толкались в очередях за самым необходимым, смотрели два скучных канала Центрального телевидения, читали (вернее не читали) в газетах отчеты с партийных съездов и пленумов, «вести с полей» и прочую белиберду.. Нет уж, увольте, не нужна нам такая «вершина»!..» — легко «разоблачит» зиновьевские тезисы какой-нибудь брокер или торговец китайским ширпотребом, важный чиновник или менеджер бензоколонки, популярный шоумен или успешный спортсмен. И к такому взгляду на вещи присоединятся миллионы наших сограждан. Стоит ли убеждать их в том, что они чего-то не понимают и не хотят понимать? Сегодня это практически бессмысленно. Те, кто думает, что приоритет в ракетно-космических технологиях — ничто в сравнении с производством «мерседесов» и куриных окорочков, в спорах не победимы.

А завтра? А что будет завтра, точно не знает никто... Без году два десятилетия минуло после августовских событий 1991 года. Изменились ли в российском обществе взгляды на сей счет? Почти нет. Разве что позабылось многое... Однако по-прежнему, как мне видится, превалируют крайние, весьма субъективные точки зрения, внушаемые пристрастными идеологами и обслуживающими их пропагандистскими командами.

Одни пытаются представить членов ГКЧП этакими недотепами, недоумками, предпринявшими свои действия исключительно по глупости («даже путча нормального не могли сотворить-организовать»).

Другие норовят воскресить зловещий образ-жупел, насаждавшийся когда-то доморощенными горе либералами: «путчисты» Янаев, Пуго, Крючков и Язов на фоне огромной свастики (такой коллаж в августе 1991-го публиковали многие газеты).

Третьи, напротив, склонны к некоторой идеализации людей, вошедших в состав Государственного комитета по чрезвычайному положению, и наспех сделанных ими политических шагов.

Особого желания заочно полемизировать с кем-либо на эту тему не испытываю. Усердно

оправдываться и что-то страстно доказывать тем более не стану. И все же собственное мнение как непосредственный участник тех событий изложить обязан. Что бы о них ни говорили, ни думали соотечественники или иностранцы, руководствуясь собственными симпатиями-антипатиями, этическими и «эстетическими» предпочтениями, те августовские дни стали в истории нашей страны особыми и поистине чрезвычайными.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) — создан в ночь с 18 на 19 августа 1991 г. представителями властных структур, не согласными с политикой реформ Горбачева М.С. и проектом нового Союзного договора.

В июле 1991 г. на встрече Горбачева М.С. с президентами России и Казахстана было принято решение о подписании в конце августа 1991 г. нового Союзного договора.

19 августа 1991 г., за день до его подписания СМИ сообщили, что Горбачев М.С. болен, не может исполнять президентские обязанности, и вся власть в стране переходит к Государственному комитету по чрезвычайному положению. Горбачев М.С. в это время находился на отдыхе в Крыму.

В крупные города были введены войска. Приостановлена деятельность партий, движений и объединений, оппозиционных КПСС, запрещен выпуск оппозиционных газет.

(Краткий исторический словарь, 2000 г.)

Идеализация в отношении организаторов ГКЧП (то бишь нас) неуместна хотя бы потому, что бывшие советские люди уже давно живут в стране, мало чем напоминающей их великую социалистическую Родину. Но не заслуживаем мы и огульного шельмования, будь то нарочитое «диагностирование» эдакой коллективной умственной неполноценности или настойчивые обвинения в попытке формирования своего рода пиночетовщины, да еще и под фашистскими символами. Пиночет и его хунта — совсем из другой «оперы». Ее мотивы как раз более всего созвучны деяниям наших главных идейных и политических противников, а сцены неоправданной, бесчеловечной жестокости, наглядно продемонстрированной в центре Москвы, вся страна наблюдала по телевидению не в августе 1991-го, а двумя годами позже.

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР и переходом в соответствии со статьей 127-7 Конституции СССР полномочий Президента Союза ССР к вице-президенту СССР Янаеву Геннадию Ивановичу:

в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества; исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик; руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей, заявляем:

1. В соответствии со статьей 127-3 Конституции СССР и статьей 2 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и идя навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечения законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа 1991 года.

2. Установить, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Союза ССР.

3. Для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР) в следующем составе: Бакланов О.Д. — первый заместитель председателя Совета обороны СССР, Крючков В.А. — председатель КГБ СССР, Павлов В.С. — премьер-министр СССР, Пуго Б.К. — министр внутренних дел СССР, Стародубцев В.А. — председатель Крестьянского союза СССР, Тизяков А.И. — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Язов Д.Т. — министр обороны СССР, Янаев Г. И. — и. о. Президента СССР.

4. Установить, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР.

Г. ЯНАЕВ, В. ПАВЛОВ, О. БАКЛАНОВ

18 августа 1991 года

УКАЗ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА СССР

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР на основании статьи 127-7 Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года.

Вице-президент СССР Г. И. ЯНАЕВ

УКАЗ ИСПОЛНЯЮЩЕГО ОБЯЗАННОСТИ ПРЕЗИДЕНТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК О ВВЕДЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ГОРОДЕ МОСКВЕ

В связи с обострением обстановки в г. Москве — столице Союза Советских Социалистических Республик, вызванным невыполнением постановления Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР № 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги, уличные шествия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и безопасности граждан в соответствии со статьей 127-3 Конституции СССР постановляю:

1. Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в г. Москве.

2. Комендантом города Москвы назначить командующего войсками Московского военного округа генерал-полковника Калинина Н.В., который наделяется правами издавать обязательные для исполнения приказы, регламентирующие вопросы поддержания режима чрезвычайного положения.

Исполняющий обязанности Президента Союза ССР

Г. ЯНАЕВ

Москва, Кремль. 19 августа 1991 г.

Почему создали ГКЧП? Ответ очевиден для всех, кто пытался и пытается добросовестно разобраться в том, что происходило в СССР в последние годы его существования. Мы видели: Советский Союз разваливается, гибнет. И в то же время прекрасно понимали, что эта агония началась задолго до 1991 года.

Ведь на чем держалось Советское государство? На трех основных, как раньше говорили, скрепах. Первая — 18-миллионная многонациональная партия. Вторая — также многонациональная — армия. Третья — опять же многонациональная — правоохранительная система. И вот эти скрепы год от года слабели, расшатывались, грозили окончательно отвалиться...

Здесь уместно вернуться в 1985 год. Пленум ЦК КПСС избрал Горбачева Генеральным секретарем. Вопреки сложившейся на тот момент партийно-советской традиции — вовсе не «при полном единодушии». Но афишировать разногласия в государственном руководстве тогда, мягко говоря, было не принято. Горбачев, став номинальным руководителем компартии и государства, не приобрел всеобщего непререкаемого авторитета среди коммунистов и подлинно сильной власти в огромной стране. Но поступил тактически (и, пожалуй, стратегически) верно для себя — для своей головокружительной во всех смыслах карьеры. Он начал апеллировать непосредственно к народу, впервые использовал то, что впоследствии получило у нас на звание «популизм».

На фоне публичных выступлений его предшественников, отнюдь не молодых и редко обходившихся без помощи «бумажек», горбачевские импровизации, пусть и демагогические и даже порой начисто лишённые содержательности, выглядели необычно и в силу этой необычности вполне привлекательно. Народу такая новизна явно импонировала. Особенно нравились рядовым советским гражданам пространные речи о наблевшем, о необходимости серьезных изменений во многих областях тогдашней жизни общества.

В том нашем застойном, смрадном воздухе действительно дышалось тяжело, стране крайне необходима была мощная струя свежего воздуха. Воздуха экономических перемен, разумных политических свобод, улучшений в социальной сфере...

Стагнация экономики наиболее сильно сказывалась на выпуске товаров первой необходимости — продовольствия, одежды, продукции повседневного бытового использования. Все экономические реформы, которые партийные и советские власти начинали в послевоенный период, не были доведены до конца, а следовательно и должного эффекта не принесли. Казалось бы, Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев и его ближайшие советники должны были в первую очередь детально проанализировать фундаментальные ошибки, просчеты, недоработки в экономических программах прежних руководителей государства и приступить к полномасштабной модернизации колоссального народнохозяйственного механизма. Что для этого требовалось?

Мысленно перенесемся в начало перестройки и представим себя на месте «горбачевской команды». Итак, пристально вглядываемся и видим, что в нашей стране далеко не все в порядке и что «кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет». Но мы наделены огромными полномочиями и преисполнены желания изменить жизнь народа к лучшему. Есть ли в этом что-то невероятное, фантастическое? Наверное, нет (хотя популярный анекдот того времени об инопланетянах — единственной нашей надежде на спасение от «застоя» — говорит об обратном).

Каковы будут наши первые шаги? Ну, по сложившейся традиции, конечно же, провозгласим всем понятные и приятные лозунги: «Даешь гласность, демократию и ускорение научно-технического прогресса!». А еще лучше — поставим научно-технический прогресс впереди списка, а дальше припишем остальное. У нас нет специального экономического образования, да и широким стратегическим кругозором мы не рас полагаем. Зато под нашим началом всевидящий КГБ, уникальные, самобытные мозги, разбросанные по бесчисленным НИИ и предприятиям военно-промышленного комплекса, в нашем распоряжении неисчислимы запасы энергоресурсов и гиганты тяжелой промышленности, бескрайние леса и пашни, полноводные реки и богатые рыбой моря. У нас есть все для того, чтобы без особых затруднений осуществить модернизацию производства и наполнить прилавки магазинов продовольствием и ширпотребом.

Наследники Железного Феликса, используя свои агентурные данные, расскажут нам, что у них там, на загнивающем Западе, осталось ценного, заслуживающего внимания и отчего он, сволочь, до сих пор окончательно не загнил, а все еще трепыхается. Да к тому же явно обгоняет нас в развитии научно-технического прогресса. «Так, мол, и так, — доложат нам отважные и умные чекисты, — Запад обязательно загниет и загнет, но пока у него на повестке дня переход на новые, так называемые «информационные» технологии, и это на неопределенный срок продлит его гниение. Мы тоже сможем на них перейти и заметно ускориться в плане НТП. Но для этого нам потребуется прекратить бардак и тихий саботаж в науке и промышленности, обновить повсеместно станочный парк, показательно осудить с десятков самых отъявленных воров и взяточников, находящихся у власти, — лет на 15 каждого. И, само собой, надо повсюду вовлекать в этот процесс талантливую научно-техническую и прочую молодежь, а также не менее талантливое среднее поколение...»

Сказано — сделано. Наводим порядок на предприятиях, потихоньку внедряем новые технологии, вытаскивая из-под сукна тонны спрятанных туда технологий и рационализаторских предложений, омолаживаем руководящие кадры НИИ, КБ, заводов и фабрик, даем им указание «догнать и перегнать Америку». Невероятно? Фантастично? Ничего — глаза боятся, руки делают! Собрались ускоряться, вот и ускоряемся, и никто нам в этом не помеха. И вообще, нет таких крепостей, которые бы не смогли взять большевики!..

Вместо этого горбачевское окружение несколько лет выдавало на-гора в виде законов и правительственных постановлений весьма странные (и, мягко говоря, не самые популярные) «новшества», которые только усугубляли общую экономическую и политическую ситуацию в Советском Союзе. Эти неудачи, выглядевшие порой почти катастрофическими, сделали положение генсека чрезвычайно шатким. И без того непрочный его авторитет слабел, можно сказать, день ото дня.

Тогда Горбачев, стремясь во что бы то ни стало удержать в руках высшую власть в стране, решил нанести сокрушительный удар по структуре и функционированию партии, которой он был обязан своим впечатляющим карьерным взлетом. В июле 1990 года по инициативе генсека был «реорганизован» Центральный комитет КПСС, превратившийся в невиданно аморфный и совершенно неработоспособный орган.

ЦК КПСС на своем пленуме сразу освободил 130 членов и кандидатов в члены ЦК КПСС. Ярлык «неперестроившегося» могли нацепить любому...

А.Яковлев, И.Фролов, И.Лаптев, Е.Яковлев, М.Полторанин подняли волну травли партийного руководства (за исключением Горбачева). Народу внушалось, что все беды в стране от партократов. Отсюда и быстрый путь к улучшению жизни — не высоко производительный труд, не инвестиции и техническое перевооружение, как у японцев или американцев, а разгром партократов, требование смены начальства и представителей власти. Обстановку в стране все в большей степени определяет власть толпы. Идеологами толпы становятся научные сотрудники исследовательских и образовательных институтов, журналисты, ведущие телепрограмм, юристы, такие как Г.Попов, А.Собчак, О.Лацис, А.Нуйкин, А.Аганбегян, С.Шаталин, П.Бунич и др. Все вы ступают за перестройку и под флагом перестройки. Указывают на общеизвестные истины: надо сделать жизнь лучше, ибо все устали, ибо слишком многие уже ждать не хотят и не могут...

(Г. Янаев. Август 1991: мифы и реальность)

В то же время в республиках, краях и областях все еще формально единого Союза властные и контрольные полномочия ленинской партии перераспределялись в пользу «советов». (Пишу это слово в кавычках, поскольку партия стремительно разрушалась, а полноценный институт Советов ей на смену так и не был создан.)

Помнится, уже будучи вице-президентом, я прилетел в охваченный шахтерскими забастовками Кузбасс. В кемеровском аэропорту нашу группу встречал в качестве главного руководителя региона председатель областного совета народных депутатов А.Г. Тулеев. Испытывая некоторое недоумение, спросил у Амана Гумировича: «А где первый секретарь партийного обкома?». В ответ ничего внятного не услышал. Зато несколько позже, во время большого регионального совещания, почувствовал, насколько поднялась температура во взаимоотношениях партийной и законодательно-представительной властей Кемеровской области. В общем, полным ходом и во всех направлениях шла ревизия, казалось бы незыблемых, ленинских положений о месте компартии в социалистическом государстве. И скорый конец этого социалистического государства виделся все отчетливее.

В годы перестройки «демократы» очень любили спекулировать на крылатом ленинском тезисе «Поли тика — концентрированное выражение экономики». Как они это толковали? Да как угодно, но только не в том смысле, который вкладывал в эту формулу Ильич. А смысл простой, несмотря на некоторую мудреность фразы. Мировая экономика непрерывно развивается вместе с научно-техническим прогрессом. Наша страна, несмотря на «железный занавес» (скорее мифический, чем реальный), не может жить в полном отрыве от мировой экономики. Следовательно, что? Следовательно, самые передовые достижения науки нужно повсеместно внедрять в производство, делая его рентабельным, конкурентоспособным (не забывая при этом и о повышении дисциплины на предприятиях, само собой). С развитием производительных сил меняются и производственные отношения, а те, в свою очередь влияют на общую социально-политическую обстановку в стране. Вот такие простые причинно-следственные связи, вот таким образом политика «концентрированно выражает» экономические закономерности. Другими словами, ленинский тезис обозначил необходимость эволюционного развития государства и общества при условии приоритета экономики (макроэкономики). Приоритетность, естественно, должна проявляться не в виде пустых деклараций, а в форме реальных преобразований, соответствующих общемировому уровню производительных сил. И,

конечно же, не торгово-закупочная деятельность и не сфера услуг — двигатели экономического прогресса. Настоящий локомотив экономики — базовая, индустриальная (и постиндустриальная) промышленность, и только она.

Но разве ее упорно стремились развивать «демократы», виня во всех смертных грехах «партократов»? Отнюдь. Известную формулу Ленина «перестроившиеся» обогатили посредством другой ленинской цитаты — «Учитесь торговать!», впервые прозвучавшей, как всем известно, после Гражданской войны. И вместо модернизации индустриального производства принялись повсюду насаждать в первой космической державе типично нэпманские кооперативы, выдавая это массовое «доисторическое» убожество за прогрессивное явление. В результате у нас научились-таки торговать — учителя, инженеры, рабочие, ученые, бросившие (добровольно или вынужденно) свои школы, цеха, кабинеты, лаборатории и вставшие, пряча лица от друзей и знакомых, за базарные прилавки.

А помните, как нас с телеэкранов убеждали, что мы — пещерные люди, совершенно не способные встать вровень с развитыми западными гражданами с их компьютерами и видеомагнитофонами? Для чего нам это внушали? Чтобы взбодрить наших ученых и инженеров, пробудить от спячки их руководителей? Вовсе нет. Этих дикарей впоследствии взбодрили и пробудили добрые дяди из-за рубежа, предоставив им за чем-то бункеры «силиконовых долин»...

Тем временем менялись не только роли первых секретарей республиканских, краевых и областных партийных организаций, но и сами первые секретари. Худшие уступали места лучшим? Вряд ли, скорее на оборот. Если где-то и происходило качественное улучшение кадров, то разве только в виде исключения из общего для той «судьбоносной» поры правила.

В Ленинграде в одном из своих популистских «обращений к народу» Горбачев высказался примерно так о своих партийных товарищах и высокопоставленных коллегах: вы, мол, давите их снизу, а мы станем давить сверху. Это, пожалуй, один из наиболее показательных примеров горбачевской демагогии, рассчитанной на то, чтобы его услышали простые сограждане. И они, конечно же, слышали, разве можно было пропустить мимо ушей подобное. Услышан был этот провокационный призыв и редакторами газет, журналов, радио, телевидения, пропагандистами всех мастей и рангов, активно-агрессивной (и в то же время поразительно сервильной) частью нашей интеллигенции.

Партийный механизм до поры до времени выглядел весьма мощным, но он же был неповоротливым, весьма инерционным. Перестраивать партию, безусловно, следовало. Она слишком долго жила в излишне «комфортных» условиях. Когда же обострилась политическая ситуация и потребовалось вести непростую полемику, многие партийные кадры оказались к этому абсолютно не готовы. К тому же они элементарно боялись в нее вступать, будучи ошелмленными. Ведь многие редакторы средств массовой информации и «либеральные» журналисты вовсе не по случайному недоразумению слыли креатурами серого кардинала перестройки А.Н. Яковлева.

Для нормальных — здравых и последовательных — идейно-политических преобразований партии были необходимы новые демократические принципы и правила (к примеру, в хрестоматийных взаимоотношениях «большинства и меньшинства»). Однако вместо демократизации партийных рядов и кадров происходила их деморализация. Они ничего уже не могли противопоставить развязанной против них широкомасштабной, откровенно враждебной кампании. И когда пришло время встать на защиту своих обкомов и райкомов, 18-миллионная партия сидела по домам и всевозможным укрытиям, не выделив ни единого «подразделения» для собственной обороны.

Не менее вероломным ударам подверглась армия СССР. И происходило это также при явном попустительстве или даже пособничестве со стороны ее главнокомандующего. (Горбачев

был таковым фактически еще до своего президентства, поскольку наши генсеки во всем мире считались первыми лицами Советского государства.) Многие межнациональные конфликты, происходившие на территории СССР, приводили к вмешательствам в них вооруженных сил. Армия не могла и не может отказаться от выполнения приказов военного и политического руководства страны, сколь бы антинародными эти приказы ни были. Тем не менее как только возникали и разрастались серьезные заварухи — в Фергане, Сумгаите, Вильнюсе, Тбилиси, других городах и весях — Горбачев был как бы «ни при чем», неизменно и демонстративно снимал с себя всякую ответственность, в том числе моральную. В каком положении оказывались втянутые в эти конфликты солдаты и офицеры, включая генералов? Их признавали виновными в применении военной силы против гражданского населения. Вспомним историю с генералом Родионовым, который командовал Закавказским военным округом и наводил конституционный порядок в Грузии. Его жесткие, но вполне адекватные той критической ситуации решения на всесоюзном Съезде народных депутатов некоторые парламентарии объявили во всеуслышание преступными. Одиозная комиссия во главе с Собчаком, «расследовавшая» события в Тбилиси, цинично обвинила армию во всех смертных грехах.

Незадолго до этого трагического инцидента мне, тогда еще секретарю ВЦСПС, довелось побывать в сто лице Грузии. Шла предвыборная кампания по избранию народных депутатов СССР. Я своими глазами видел, как многотысячные толпы с неистовым ревом внимали заполошным выступлениям истерично-буйного (чтобы не сказать сумасшедшего) Гамсахурдиа. Поинтересовался у тамошних партийных руководителей: мол, не боитесь выпустить ситуацию из-под контроля? Но те растерянно пожимали плечами и говорили: «А что мы можем без своей армии? Ничего...».

На армию же тем временем сыпались бесконечные и совершенно безосновательные нападки. В конечном итоге все это привело к тому, что в одно «распрекрасное» время офицеры Генштаба начали то ли стесняться, то ли просто-напросто бояться в военной форме ходить на службу. Правда, явью такая абсурдная фантазмагория стала уже после августа 1991-го. Однако шли к этому практически все годы горбачевского правления.

Нелишне вспомнить о том, как почти сразу же с наступлением «эпохи гласности» журналисты, а так же невесть откуда взявшиеся «правозащитники» стали попрекать советские вооруженные силы боевыми действиями в Афганистане. Как будто армия по своей прихоти, а не по воле политиков отправилась в 1979 году в эту страну. Однажды мы с Виктором Поляничко, советником ЦК КПСС в Афганистане, около двух часов беседовали с Наджибуллой, находясь у него в резиденции. Наджиб тогда сказал примерно следующее: «Мы понимаем, что вы переживаете непростой период. Но почему ваше общество настраивают против армии, лично я понять никак не могу».

Затем побывали в военном госпитале, где общая морально-психологическая атмосфера была, конечно же, далеко не самой оптимистической. Удручающие впечатления, как сейчас помню, на меня произвели не только жутковатые картины больничных палат с тяжело ранеными, изувеченными солдатами и офицерами, но и слова начальника того госпиталя, обронившего при нашем совместном обходе вверенного ему учреждения: «Зря, Геннадий Иванович, мы в это дело ввязались». Я не стал ничего возражать доктору, не считая уместным устраивать «политические дискуссии» в непосредственной близости от коек с искалеченными войной молодыми соотечественниками. Но в тот момент едва ли не с ужасом подумал: «Если уж повидавший виды военный врач говорит вслух подобные вещи, то каково это слышать его подопечным?!».

Вот из чего, в сущности, возник печально известный «афганский синдром». Подобный «синдрому вьетнамскому», когда-то ставшему головной болью американского общества, он был

прямым следствием предательства армии со стороны высокопоставленных политиков, их стремления свалить на нее собственную вину за тяжелые последствия глобальных военных операций. Эти «синдромы» — явления относительно новые. Разве говорили мы когда-либо, к примеру, о «синдроме Великой Отечественной войны»? А ведь она принесла нашему народу ни с чем не сравнимые трагедии. Все дело в том, что тогда возвращавшихся с фронта бойцов страна принимала достойно. Не как использованный человеческий материал, не как случайных жертв чьей-то фатальной политической ошибки, а как подлинных героев, самых заслуженных и почитаемых граждан. А что произошло с нашими «афганцами»? Многие из них с физическими или психическими (или теми и другими в страшной совокупности) увечьями приходили устраиваться на работу, оформлять положенные по закону льготы, получать необходимую медицинскую помощь, а их встречали репликами наподобие: «Что вы от нас-то хотите? Мы же вас на войну не посылали...». Кто виноват в появлении такого бесчувственно-циничного отношения общества к своим солдатам? Разумеется, те, кто формирует общественное мнение — политики, идеологи и находящиеся у них в услужении средства массовой информации.

К августу 1991 г. армия оказалась под прямым «огнем». Ее разгром, вылившийся в раздел, начинался с подписания соглашения о выводе войск из европейских стран бывшего Варшавского Договора, в котором фиксировались сроки вывода, согласовывались условия использования военной техники и другого имущества, размещения выводимых частей в места их новой дислокации. Горбачев и Шеварднадзе неоднократно слышали предупреждения советских и зарубежных специалистов о том, что в предлагаемые ими сроки нельзя вывести такой огромный контингент. Однако эти предупреждения игнорировались. В результате миллионы военнослужащих и их семей по причине предательства своего главнокомандующего вынуждены были бежать, бросать дома, технику, полигоны, аэродромы, здания и сооружения стоимостью в миллиарды долларов и располагаться на Родине в чистом поле, в палатках, либо по чужим углам. Этот «вывод войск» больше напоминал бегство армии, потерпевшей жестокое военное поражение.

На продаже и разграблении брошенного оружия и военной инфраструктуры нажились многие командиры и военачальники, но никто из них не понес никакого наказания. Следует сказать, что соглашения, которые подписывали Горбачев и Шеварднадзе от имени СССР, никогда не были результатом коллективного обсуждения высших органов законодательной и исполнительной власти. Трудно вспомнить, чтобы вопрос о том, какие экономические интересы нашей страны могли быть обеспечены путем соглашений и договоров с другими странами, обсуждался на заседании парламента или правительства.

Так было и с проведением переговоров о сокращении стратегических ядерных вооружений. Под лозунгами «нового мышления», «общечеловеческих ценностей» и якобы в целях «прорыва» в отношениях между Востоком и Западом Горбачев и Шеварднадзе подписали договор о сокращении ракет малой и средней дальности. Как справедливо указал на процессе по «делу ГКЧП» Герой Советского Союза, знаменосец легендарного Пара да Победы генерал В.И. Варенников, мы сократили ли в 2,5 раза больше своих носителей и в 3,5 раза больше боеголовок, чем США. Чем, кроме предательства национальных интересов, можно объяснить решение Горбачева включить в число подлежащих уничтожению видов оружия ультрасовременный, превосходящий все зарубежные аналоги комплекс «Ока». Ведь кроме того, что он только вошел в производство, уже на это вооружение пере шли некоторые

социалистические страны и наши военные округа на Западе, что он стоил огромного труда ученых и рабочих, что он обошелся народу в миллиарды рублей — он просто по своим параметрам не подпадал под сокращение. И не должен был быть ликвидирован. Даже у многих американских специалистов этот чудовищный предательский шаг вызвал удивление — по договору подлежали ликвидации ракеты наземного базирования с дальностью полета от 500 км и выше (кроме межконтинентальных), а у «Оки» дальность полета до 400 км...

(Г. Янаев. Август 1991: мифы и реальность)

Всем известно, что наша армия, являясь неотъемлемой частью общества с его пороками и недостатками, вовсе не блистала в годы перестройки безупречной воинской (уставной) дисциплиной и бескорыстием своего высшего руководства. Но кто мешал Горбачеву наводить там порядок, хотя бы относительный? Партократы? Враги демократических преобразований? Ну в таком случае они и сейчас вредят российским вооруженным силам. Ведь дедовщина с коррупцией никуда из нашей «модернизированной» армии не делась.

И еще одно любопытное наблюдение, связанное с армией и ее генералитетом. Даже необычайно внимательная к «путчистам» «демократическая» пресса не раз указывала на то, что среди военачальников, «замешанных в деле ГКЧП», НИ ОДИН не фигурировал в качестве героя какого-либо коррупционного скандала — в отличие от ельцинских «генералов-защитников». И это при том, что подобных скандалов в годы «демократизации», в том числе связанных с армией, было количество неисчислимо. Парадокс да и только!

Третья государственная скрепа, подвергшаяся при посредничестве Горбачева разрушительным деформациям, — советские правоохранительные органы, включающие, естественно, службу государственной безопасности. Служащие КГБ оказались в необычайно сложном положении. С одной стороны, на них, как только могли, воздействовали генсек и его приближенные с их якобы демократически-либеральной доктриной. С другой, комитетчики должны были во что бы то ни стало воспрепятствовать развитию внутривластной обстановки по самому опасному для государства сценарию, чреватому большим кровопролитием. Осуществление такого сценария было вполне возможным не только в «горячих» республиках СССР, но и в Российской Федерации. В последние месяцы работы Пятого («диссидентского») управления КГБ мы встречались с его начальником Ф.Д. Бобковым. В его глазах читалась такая безысходная тоска, какую мне в жизни доводилось видеть нечасто. «Эх, Геннадий Иванович, — сказал тогда ветеран Великой Отечественной войны и руководитель доживавшей своей век «пятки», — нам бы сейчас Всемирный молодежный фестиваль провести, а не грязной политикой заниматься».

Последний настоящий председатель Комитета госбезопасности В.А. Крючков, лишившийся своего поста за активное участие в ГКЧП, что бы ни говорили о Владимире Александровиче его недруги, был глубоко порядочным человеком. Его «не испортила» даже совместная работа в Будапеште с Ю.В. Андроповым, которого у нас считают первым и главным инициатором, подлинным идеологом «либеральной» перестройки в СССР.

Тут, наверное, не мешало бы попытаться несколько подробнее охарактеризовать личность чекиста, ставшего после смерти Брежнева главой КПСС и Советского Союза. Но едва ли такая попытка увенчается особым успехом. Андропов оставил после себя изрядное количество загадок, связанных с его деятельностью, а также планами и намерениями. Разгадки же Юрий Владимирович, по-видимому, унес с собой в могилу.

С какой стати он в конце 1970-х благоволил Горбачеву, добившись для своего протеже

места в ЦК? Каким образом это соотносилось с идеологическими установками и стратегическими целями самого Андропова? Как можно было сочетать в себе потенциального политического реформатора и жесткого консерватора, боровшегося против любых либерально-демократических течений, включая музыкальные (рок-н-ролл, на пример)?

А может, никаких политических реформ Андропов и не планировал вовсе, намереваясь ограничиться сугубо экономическими? В том-то и дело, что об истинных устремлениях этого человека, судя по всему, не ведали даже его приближенные. Во всяком случае, Владимир Крючков, насколько мне известно, имел на сей счет весьма смутные представления. Или же считал своим долгом «эксклюзивную информацию» о своем давнем знакомце хранить в секрете...

Как бы там ни было, пришедший на смену Крючкову Бакатин пробыл в должности председателя КГБ все го около двух месяцев. Но за этот срок умудрился за пустить в эту «святая святых» такое количество ЦРУшников-«консультантов», что они какое-то время решали в нашем государстве вопросы, непосредственно связанные с его безопасностью. Сейчас это воспринимается как несмешной анекдот, а ведь такое было на самом деле.

Во время непродолжительного пребывания на посту министра внутренних дел В. Бакатина органы внутренних дел из инструмента поддержания по рядка превратились в вооруженную базу сепаратизма, вооруженных националистических формирований, фактического слияния с организованной преступностью. Именно Бакатин в 1989 — 1990 гг. заключил от имени МВД СССР соглашения с союзными республиками о передаче им всех функций и сил, оставив за Центром обучение, международные связи, координацию и законотворчество, представительство в союзных органах власти. Все кадры и материально-техническая база — все ушло республикам, краям и областям. Министерство в Москве по этим соглашениям превращалось в беспомощный «дискуссионный клуб»...

Лучшие кадры из КГБ, МВД, армии были изгнаны, патриоты лишались должностей и званий. На ступило безвременье, вернее — время Грачевых, Мурашевых, Ериных, Степанковых. Ельцинская власть щедро расплатилась с ними за развал Советского Союза...

Бывший директор ЦРУ США Роберт Гейтс, при лете в Москву как победитель, гордо прогуливаясь по Красной площади, вещал: «Мы понимаем, что Советский Союз ни экономическим давлением, ни гонкой вооружений, ни тем более силой не возьмешь. Его можно разрушить только взрывом изнутри»...

(Г. Янаев. Август 1991: мифы и реальность)

Напоминать о том, каким «недружелюбным» пропагандистским атакам подвергалась правоохранительная система СССР в последние годы ее существования, вряд ли стоит. В памяти многих сограждан воспоминания об этом еще наверняка не стерлись.

Что же касается темы «доброхотов-консультантов», присланных из «вашингтонского обкома», то она после развала СССР получила свое закономерное и показателное развитие. Уже в первые месяцы 1992 года едва ли не во всех министерствах и ведомствах Российской Федерации появились т. н. «советники» из-за границы. Именно они предметно консультировали Гайдаров, Чубайсов и других поборников «шоковой терапии», залоговых аукционов, ваучеризации и т. п. И за свои консультации получали такие гонорары, какие им на родине и не снились. Из какой казны выплачивались эти вознаграждения? Уж точно не из американской. А

если указать еще точнее — из тех денег, которые ельцинское правительство занимало у западных фондов, вешая на плечи российских налогоплательщиков дополнительные тяготы внешнего долга.

Таким образом, наших сограждан не только многократно ограбили посредством «либеральных реформ», но еще и принудили заплатить за них из собственных карманов дополнительно.

ВОПРОСЫ POSTS CRIPTUM

— Геннадий Иванович, в ваших монологах, ответах на вопросы многочисленных интервью, собственноручно написанных заметках слишком часто упоминается Горбачев. У плохо знающих вас людей может создаться впечатление, что над вами довлеет глубокая личная обида, острая, опять же сугубо личная, неприязнь по отношению к нему.

— Слово «обида» тут явно не подходит. Что же касается личной неприязни, то как всякий нормальный человек я имею на нее полное право. Вы много встреча ли людей, абсолютно свободных от этого чувства? Вряд ли. Да, я испытываю неприязнь к Горбачеву и не пытаюсь это скрывать. Но она, как мне думается, не мешает верно осмысливать, оценивать все, что произошло с нашей страной в 80-е — 90-е годы XX века. Вина Горбачева в разрушении СССР бесспорна, и никакая личная неприязнь не мешает понять эту простую истину.

— Горбачев был первым и последним президентом Советского Союза. Вы были первым и последним вице президентом СССР. Логично предположить, что и вы в известной мере повинны в распаде государства.

— Логично предположить, что повинны мы все — и я, и вы, и другие бывшие советские люди, которые не смогли или не захотели предотвратить распад, но... В истории вина, ответственность за рукотворные глобальные катастрофы всегда персонифицирована. Иначе мы почти не вспоминали бы, например, Гитлера, а говорили бы о «плохих немцах», принесших неисчислимы бедствия человечеству. А это неправильно, ведь даже среди офицеров гитлеровской армии нашлись такие, которые намеревались ликвидировать фюрера. И наши современники, как известно, относятся к ним скорее положительно... Вы наверняка смотрели замечательный американский фильм-притчу «Пролетая над гнездом кукушки». Там главный герой пытался в доме для душевнобольных оторвать от пола тяжеленную раковину для умывания. Разумеется, у него ничего не получилось, но он с чувством выполненного долга, обращаясь товарищам по несчастью, произнес: «Я хотя бы попытался»...

— Вам могут возразить: вы слишком долго подходили к «раковине». Почему не пытались оторвать ее раньше?

— В конце 80-х — начале 90-х мне было уже за пятьдесят. А в этом возрасте невелики шансы для того, чтобы мгновенно превратиться в Че Гевару. Как говорил Черчилль: «Кто в молодости не был радикалом — у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерватором — у того нет ума». Под «зрелым консерватизмом» все мы понимаем не только какое-то политическое течение, но и присущий нам конформизм (некое подобие инстинкта самосохранения, если угодно), отказ от радикальных действий, желание преодолевать острейшие проблемы не революционными методами, а посредством взвешенных, тщательно продуманных решений. Да, иногда такой «консерватизм» бывает крайне вреден для государства и общества, но с этим уж ничего не поделаешь. Так устроен мир, как говорится... К тому же в большинстве своем мы склонны переоценивать свои способности и возможности. Мне, например, казалось, что, находясь окружении Горбачева, я смогу так или иначе влиять на его политику и тем самым принести пользу стране. Не получилось, иллюзии рассеялись. Теперь они

меня не питают, и можно беспрепятственно заниматься переоценкой многих вещей...

— В своем рассказе вы упомянули Тулеева, с которым встречались как с главой представительной власти Кемеровской области. Он, насколько известно, вполне открыто поддержал ГКЧП, как только о его создании было объявлено. Ныне вы с Аманом Гумировичем какие-то отношения поддерживаете?

— В последний раз мы с ним встречались давненько, на одном из съездов Народно-патриотического союза, если память не изменяет. Тогда очень тепло поприветствовали друг друга, обнялись. Он в то время еще являлся членом КПРФ. Сейчас — в «Единой России», но это не мешает (а может, в чем-то и помогает) ему быть довольно успешным руководителем такого сложного региона, как Кемеровская область, Кузбасс. Вряд ли есть смысл заострять внимание на том, какую деструктивную роль играли когда-то тамошние шахтеры (в период развала СССР особенно). Однако нелишне заметить, что и сейчас в Кузбассе бывает отнюдь не спокойно: в шахтах по-прежнему случаются трагические аварии, возникают массовые акции протеста горняков и т. п. Но в этих чрезвычайных происшествиях едва ли следует винить Тулеева, а то, что он контролирует социальную обстановку во вверенном ему регионе, очевидно.

РЕТРОСПЕКТИВА

Олег Капитанов. Интервью с Г.И. Янаевым. «Ленинская смена», Нижний Новгород, 27 февраля 1993 г.

— В те августовские дни 91-го на пресс-конференции вы сказали: «...Надеюсь, что мой друг Михаил Сергеевич Горбачев скоро вернется и приступит к исполнению своих обязанностей...» У вас остался друг по фамилии Горбачев?

— Нет. Этот человек предал страну, народ и дружбу. Одна из самых больших ошибок в моей жизни — это то, что я верил Горбачеву. Можно было заранее догадаться о каких-то его шагах, но я не мог себе представить, что генсек, начавший перестройку, говоривший чуть ли не каждый день о партии и социализме, может быть таким перевертышем. Да это просто трус, а Президент не имеет права быть трусом. В своей книжонке о событиях тех дней он писал, что, услышав от делегации, которая приехала к нему в Форос, сообщение о скором введении ЧП, он стал возмущаться, ругаться матом, кричать. Ничего подобного! Горбачев сразу задал два вопроса: кто вас послал и арестован ли Ельцин? Если бы мы арестовали Ельцина и доложили об этом Горбачеву — все было бы по-другому...

Андрей Ванденко. Десять вопросов Геннадию Янаеву. «Но вый взгляд», Москва, начало декабря 1992 г.

— Взгляд из «Матросской тишины» (московской тюрьмы. — Ред.) на шаги российского руководства.

— Я думаю, что своеобразный «водораздел» в нашем обществе проходит не по принципу «за реформы» или «против реформ». Народ, общество однозначно вы сказались за реформы. Весь вопрос состоит в том, каким образом, какой ценой, за счет кого и в чьих интересах осуществляются реформы и осуществляются ли на самом деле или они имитируются действиями определенных структур, занятых не созиданием, а тотальным разрушением. Вот если мы поставим вопрос так: ради чего осуществляются (или блокируются) истинные реформы, то с этих позиций можно оценить деятельность правительства. Я считаю, что сегодня надо говорить не о частных ошибках правительства. Их немало. Речь идет о том, что оно осуществляет сознательный курс, направленный на дальнейшее разрушение государственной экономики, ослабление безопасности страны и ее обороноспособности. Правительство осуществляет курс «дикой» капитализации. Подчеркиваю — это не «ошибка» правительства, а сознательный курс.

Я меньше всего хотел бы выступать в роли фрондирующего оппозиционера, в то же время подчерк ну, что абсолютно не согласен со стратегией и тактикой осуществляемых в России изменений. Российское руководство сознательно осуществляет курс на лихорадочное построение «демонического» капитализма, который в наших условиях приобретает «латино-американский» и мафиозный характер. Правительство взяло курс на строительство «светлого капиталистического будущего» сначала за 500 дней, затем 7-9 месяцев, сейчас, правда, Ельцин обещает уже «светлое завтра» через 2-3 года. Называются и рычаги, с помощью которых этого будут добиваться, — «либерализация» и «приватизация». Приятные и «застенчивые», мягкие, ласкающие слух термины. Но суть от названия не изменилась — произошло массовое обнищание людей. Сейчас десятки миллионов граждан решают проблему биологического поддержания жизни. Правительство в очередной раз решило воспользоваться самым бездефицитным (кроме обещаний «светлого завтра») товаром — «лапшой на уши». Правительство занимается псевдорыночной реформой, играя в рыночные слова, не более. Эта акция к экономике никакого отношения не имеет. Осуществляемая ныне правительством политика жестока по отношению к людям. Первые результаты ее реализации производят удручающее впечатление. Правительство показывает свою неспособность обеспечить главное право человека — право на жизнь, на защиту от преступных посягательств. Катастрофический рост преступности, убийства, ограбления, групповые «разборки» со стрельбой на улицах города, кровавые стычки «на меже» становятся чуть ли не нормой нашей жизни.

Развал армии, нерешенные социальные проблемы военнослужащих ставят под сомнение обороноспособность страны. Многие внешнеполитические конвульсивные шаги правительства наводят на мысль о поте ре самостоятельности и росте зависимости от «заокеанских покровителей».

«Школьные» доклады Ельцина по каждому вопросу президенту США также не добавляют уверенности в независимости внутреннего и внешнего курса «демократической России». И, наконец, абсолютно безвольная политика правительства по защите русского населения, не по своей прихоти оказавшегося за пределами Российской Федерации. Всякие разговоры о том, что нет альтернативы правительственной политике, абсурдны. Альтернативы есть, и они предлагаются, но ни президент, ни правительство их серьезно не рассматривают. Народ еще долго будет ощущать последствия сегодняшней социально-экономической алхимии правительства.

И, наконец, большая проблема, которая, как мне представляется, не решается должным образом, — это проблема власти. Кажется, что сейчас не действует эффективно ни одна из ветвей власти. Это порождает произвол независимо от того, какой он окраски. Произвол есть произвол. Г. Старовойтова где-то в конце прошлого года писала: «Нас упрекают: мол, демократ пришел к власти, а начинаются недемократические действия. Вы хотите, чтобы Ельцин в белых перчатках, соблюдая все буквы демократических установлений, вытащил страну из кризиса». Ну, во-первых, апологетам «демократии» следовало бы помнить, что политику лучше делать не в перчатках, а чистыми руками и с чистой совестью.

И, во-вторых, пока будут подобные настроения, пока не приняты меры для функционирования власти на основе закона, а не на основе «целесообразности», до тех пор страна обречена на правовую вакханалию, на правовой беспредел.

Последние «силовые упражнения» президента вызывают глубокую тревогу. Кто следующий? Если эти действия прелюдия к президентской форме правления, то нас ждет вульгарный и непросвещенный авторитаризм. Зная характер президента, можно предположить, что страну ждут трудные времена не только в экономике... Возникает вопрос: кому выгодно осуществление политики, ведущей к тупику и развалу? Кому выгодно создание обстановки,

которую психиатры называют ситуационным неврозом?

Крайне тревожная и в то же время запутанная ситуация в стране меня как вице-президента ставила перед очень нелегким идейным и нравственным выбором. С одной стороны, я понимал, что перемены в государстве необходимы, с другой — было очевидно, что Горбачев ведет «не туда». Ведь его первый лозунг «Да ешь ускорение!» предполагал быстрое развитие науки и техники, промышленности и сельского хозяйства, образования и социальной сферы. Кто же из нас мог бы этому противиться! Но к чему это все привело? Ни к чему. Или вернее, ни к чему хорошему.

Как ни тошно и стыдно в этом признаваться — из членов Политбюро и Совета безопасности СССР я был последним искренне верившим в то, что президент необъятной державы просто по определению не может быть пустым, ничтожным человеком, что рано или поздно он дарованную ему власть использует во благо страны. Эти иллюзии были настолько сильны, что на заседаниях Политбюро, открыто заявляя об ущербности «государственного курса», я тем не менее пытался защищать генсека от резких выпадов со стороны его политических оппонентов.

Более того, первоначально «операцию ГКЧП» ее инициаторы (прежде всего В.А. Крючков и О.С. Шенин) планировали провести в апреле 1991-го, когда Горбачев находился с визитом в Японии. Но мне удалось отговорить их от радикальных действий, представлявшихся тогда неоправданными, чересчур авантюрными. У меня тогда еще теплилась надежда на то, что президент — не «совсем пропащий человек», что его еще можно как-то образумить... Надо ли объяснять, какова была степень моего разочарования после всего того, что произошло в 1991 году?

Уже находясь в «Матросской тишине», я прочитал «фундаментальную» книгу Горбачева с характерным названием «Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и всего мира». И нашел в этом «труде» столько логических нестыковок, демагогических «вольностей» и глупостей, что не смог пересилить в себе желания разукрасить поля этой книжки всевозможными бранными эпитетами и комментариями. Особенно же раздражали беспрецедентно фальшивые горбачевские сентенции, вроде следующих:

«Все свои успехи и ошибки мы измеряем социалистическими мерками. Тем, кто надеется, что мы свернем с социалистического пути, предстоит глубокое разочарование... Все, что укрепляет социализм, — ко всему этому мы будем прислушиваться, со всем этим мы будем считаться. А с чуждыми социализму тенденциями будем бороться, но, повторяю, в рамках демократического процесса... Роль центра ослаблять не хотим, иначе лишимся преимущества плановой экономики... При этом руководствовались ленинскими требованиями о единстве законности на территории всей страны, о необходимости не допускать ни тени отступления от наших законов».

Стоит ли тут что-то комментировать? По-моему, нет. Ну разве что стоит мимоходом упомянуть об изумительных признаниях последнего советского генсека, сделанных после Августа-91. Оказывается, «в душе» этот «борец с чуждыми социализму тенденциями» ни когда и не был, по его собственным словам, коммунистом, а был самым что ни на есть убежденным социал-демократом. Надо понимать, что и общество в стране он стремился выстраивать социал-демократическое. Ну такое, например, как в Швеции или Финляндии. Или, на худой конец, как в его горячо любимой объединенной Германии, где он когда-то получил титул «лучшего немца».

22 августа 1991 г. выступление ГКЧП было ликвидировано. Его члены, а также ряд других деятелей (в том числе председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов) были арестованы (в 1994-м амнистированы Государственной думой Российской Федерации); Пуго покончил жизнь самоубийством. 23 августа указом Ельцина была приостановлена деятельность Компартии на территории РСФСР (запрещена 6 ноября).

(Энциклопедический словарь «История Отечества с древнейших времен до наших дней»)

В тюрьме у меня, само собой, хватало времени на размышления и на то, чтобы делать закономерные выводы, обобщения. Я понял мотивы поведения первого и последнего Президента СССР — то, как он, лихорадочно цепляясь за власть после бесчисленных провалов в экономике, предпринимал еще более неадекватные, еще более чудовищные меры, приведшие в конечном итоге страну к полному краху.

Вспоминал, скорее невольно, пресловутую антиалкогольную кампанию с ярко выраженными признаками государственного маразма — все эти «безалкогольные» комсомольские свадьбы, сцены убийственных давок в очередях за спиртным, официальные сводки роста самогонварения, наркомании и токсикомании, вырубленные драгоценные виноградники и прочие безрадостные картины простого общенародного бытия.

Всплывали в памяти и другие мрачные эпизоды позднесоветской действительности. Например, одновременное закрытие — якобы на ремонт — трех крупнейших табачных фабрик страны, вследствие чего ее «незадачливое» руководство вынуждено было ползать на коленях перед болгарами, прося самолетами отправить в Советский Союз самые обычные сигареты.

В Москве вдруг возникли небывалые (пожалуй, с военных лет) трудности со снабжением. Но вот ведь парадокс: уже через день после первых объявлений по радио и телевидению о создании ГКЧП в столичных магазинах откуда ни возьмись появились всевозможные «дефицитные» товары...

В СССР ширилось, «цвело и пахло» кооперативное движение. Оно что, помогло избавиться от осточертевшего всем продовольственного и промтоварного дефицита? Никак нет. Кооператоры очень быстро стали ассоциироваться у народа с легальными ворами и спекулянтами. Как-то меня пригласили в телепрограмму «Взгляд» для дискуссии с одним из «лидеров» кооперативного движения (а также одним из первых советских миллионеров) господином Тарасовым. Для чего позвали? Чтобы выставить неисправимым ретроградом и пригвоздить к «позорному столбу» (в этом качестве почему-то использовали конструкцию в виде креста). Эту высокую честь я заслужил своими высказываниями против создания кооперативов. Далеко не всех, конечно. А тех, что паразитировали на государственных предприятиях, использовали для своей наживы материальную, инфраструктурную базу крупных заводов и фабрик, а если и приносили государству и обществу какую-то пользу, то очень сомнительную, эфемерную, едва ли большую, нежели причиненный вред.

Вовсю развернулись силы, действовавшие под девизом «Чем хуже — тем лучше!», экономические, неприкрыто бандитские диверсии, как бы «специфично» это ни звучало, стали в наших городах заурядными явлениями. Доходило до того, что останавливали грузы с самой разной продукцией, двигавшиеся в столицу, и либо уничтожали их, либо заворачивали назад, к месту отправки.

Конечно, сказывались и объективные дисбалансы-диспропорции — прямые следствия застойной государственной экономики, но это не было «достаточным основанием» для

потворствования всеобщему хаосу и криминальному накоплению капитала.

Все шесть лет перестройки под руководством М. Горбачева были временем большой болтовни и поистине вселенского обмана. Ни одна из заявленных целей перестройки не была реализована. Жизнь народа стремительно ухудшалась... Повсеместные саботаж, коррупция, рост антиобщественных проявлений усугублялись параличом власти на всех уровнях.

(Г. Янаев. Август 1991: мифы и реальность)

Понимая, что его «имидж» в глазах народа неизменно ухудшается, Горбачев приступил в конце 1980-х к спешной перестройке-перекрылке политической системы. Следствием этого стали весьма популярные (по началу) телевизионные представления со Съезда на родных депутатов, полуфиктивные разоблачения коррумпированных партаппаратчиков, не приведшие к каким-либо серьезным последствиям, восхваленные на все лады мнимые внешнеполитические успехи.

Последних можно было добиться лишь двумя способами: действовать как знаменитый советский министр иностранных дел А.А. Громыко, получивший на Западе прозвище Мистер Нет, или уподобиться другому известному руководителю МИДа г-ну Козыреву, коего на том же Западе звали за его сговорчивость (точнее — позорное соглашательство) Мистер Да. Однако Козырев был не предшественником, а прилежным учеником-последователем Горбачева в постыдном деле сдачи национальных интересов.

Кстати, именно внешнеполитический фактор сыграл, по-видимому, первую роль в приснопамятном 1985 году, когда руководству компартии предстояло выбирать между основными кандидатами на освободившийся (после смерти Черненко) пост Генерального секретаря. Незадолго до этого Горбачев побывал в Великобритании и сумел завоевать расположение тогдашней «железной леди» Объединенного королевства Маргарет Тэтчер. Чем он ей приглянулся? Да все тем же — своей бесхребетностью. Она уже в то время поняла, что из Горбачева, как из воска, можно лепить все что угодно. Наши западные «партнеры» замолвили словечко за удобного для них советского партийного деятеля. И скорее всего это обстоятельство стало в какой то мере решающим при избрании генсека ЦК КПСС.

Во время следствия по «делу ГКЧП» меня пытались обвинить в измене Родине. Соответствующая статья Уголовного кодекса СССР (№ 64) предусматривала самое суровое наказание из возможных — смертную казнь. Но, спрашивается, каким образом мы могли выступить (причем безусловно отдавая себе отчет в этом) за подрыв обороноспособности страны, ее экономической безопасности, сознательного ухудшения здоровья граждан и тому подобное? Ведь такое обвинение даже «пристрастные», подневольные следователи воспринимали как нонсенс. Даже они прекрасно понимали, что ГКЧП создавался с прямо противоположными целями. Что же касается моего непосредственного участия в его недолгой работе, то как свидетельствовал в 1991-м, так и сейчас свидетельствую: передо мной стояла довольно простая дилемма. Я должен был либо войти в состав Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР, либо отказаться от этого и стать ренегатом, предателем по отношению к людям, стремившимся сохранить союзное государство.

Наши наиболее рьяные «оппоненты» пытаются вменить нам в вину, что ГКЧП не только не сохранил Советский Союз, но якобы стал главным и чуть ли не единственным виновником его развала. Подобные заявления, если бы не их абсурдность, можно было бы воспринять как некое признание нашей необычайно могущественной злой силы. Подумать только, огромное

мощнейшее государство, которое ценой неимоверных усилий и многомиллионных жертв создали и защищали в течение семи десятков лет наши предшественники, мы легко разрушили за три дня... Чушь, конечно же. Не за три дня и отнюдь не ГКЧП. А те, кто годами подпитывал тотальный кризис в стране — экономический, политический, социальный, кадровый, морально-нравственный, наконец. Самым пагубным и необратимым стало то, что доверие народа к власти было окончательно подорвано.

В Советском Союзе к моменту его распада, уже ни кого не боясь и не стесняясь, действовала «пятая колонна» — в форме «народных фронтов» и прочих антигосударственных, антисоветских и откровенно националистических объединений.

Травля партийных, советских, правоохранительных органов, невнятная (предательская по сути) политика руководства страны привели к тому, что на местах стали искать защиту от центра на путях изоляционизма, сепаратизма, национализма. Остановить процесс развития национализма могла только твердая власть и сила. Но ее-то Горбачев и не хотел использовать. В результате, начав с вопросов государственного языка, национальной культуры, реабилитации и призывов к покаянию, компенсациям, национально-территориальные образования перешли к требованиям об отделении.

Для М. Горбачева определяющим был принцип «разделяй и властвуй», а я бы добавил «продавай и предавай», ибо только он давал ему возможность удержаться у власти. В самом начале я считал, что Горбачев, начав перестройку, не имеет четких планов ее осуществления. И ошибался. Он имел эти планы, но не со знаком «плюс», т. е. в интересах великой страны и ее народа, а со знаком «минус», в интересах мировой «закулись» и отечественной «пятой колонны»...

Основой стратегии Горбачева стало использование противостояния коммунистов и националистов. Республики, будучи завязанными своими производственными, управленческими решениями на центр и Россию, не могли объединиться против них, но и центр в лице Горбачева не хотел здравого урегулирования отношений с республиками...

(Г. Янаев. Август 1991: мифы и реальность)

В той нетерпимой для всякого нормального государственного руководства обстановке необходимость чрезвычайных мер не только назрела, но, увы, перезрела. Но если бы мы не выступили против той вакханалии, нас — по справедливости — следовало бы судить за преступную халатность, за невыполнение Присяги и Конституции.

Некогда в кругах наших политологов-«конспирологов» была расхожей и такая версия событий, предварявших Август-91. Состав членов ГКЧП, их возможные действия, а также «незавидная участь» были якобы заранее predeterminedены теми, кто двигал всеми более или менее важными фигурами на мировой шахматной доске. Дескать, многие кадровые назначения будущей Президент СССР Горбачев делал исключительно ради того, чтобы после неминуемого распада Советского Союза было на кого свалить вину за эту катастрофу. Такая версия при всей ее надуманности не лишена некоторых логических обоснований и даже... косвенных фактических подтверждений. Никогда не ощущал и сейчас не ощущаю себя в роли шахматной фигуры (будь то ферзь, ладья, слон или пешка), хитроумно по жертвованной в результате многоходовой комбинации. И все же некоторые так или иначе связанные с «конспирологической темой» обстоятельства и по сей день представляются весьма

любопытными. И в какой то мере загадочными.

Первыми «просигнализовали» о назревавшем в советском руководстве «заговоре» американцы — госсекретарь Бейкер и посол в СССР Мэтлок. Они еще в июне 1991-го довели до Горбачева имевшиеся у них агентурные сведения, причем назвали даже фамилии потенциальных «заговорщиков». Реакция генсека была неестественно эмоциональной и «по-детски непосредственной». Прокричав что-то наподобие: «Ах негодяи, ну я им покажу!» — Горбачев невероятно быстро об этом «забыл» и в беседах с каждым из нас, будущих членов ГКЧП, ни словом о «заговоре» не обмолвился. Впрочем, если вдуматься, тут самое интересное, самое показательное — не какой-то шпионско-детективный подтекст, а дополнительные штрихи к образу «главного прораба перестройки»...

14 сентября 1991 г. следователь А. Фролов задает М. Горбачеву вопрос: «Явилась ли для Вас неожиданностью ситуация, возникшая 19 августа 1991 г.?» На что Горбачев немедленно ответил: «Полной неожиданностью». Лжесвидетельствует т. н. свидетель. В материалах «уголовного дела» ГКЧП есть показания бывшего министра иностранных дел СССР А. Бессмертных. Один из фрагментов этих показаний есть смысл прокомментировать.

20 июня 1991 г., находясь в Берлине, Бессмертных вернулся в советское посольство после встречи с американским госсекретарем Д. Бейкером. Совершенно неожиданно Бейкер ему позвонил и попросил подъехать для обсуждения очень сложного вопроса... Состоялась конфиденциальная встреча. По словам А. Бессмертных, Бейкер сказал: «Я только что получил из Вашингтона информацию... о том, что может быть попытка смещения Горбачева... Понятно, это дело деликатное, и нам нужно как-то такую информацию передать... Это вопрос срочный, и его нужно сейчас довести до сведения Горбачева». Договорились, что посол США Мэтлок срочно попросит о встрече с Горбачевым, а Бессмертных предупредит помощника Президента СССР Черняева о необходимости провести эту встречу незамедлительно...

(Г. Янаев. Август 1991: мифы и реальность)

Анализируя основные предпосылки гибели СССР, нельзя не учесть и фактор взаимоотношений Горбачева с Ельциным, которые я бы определил как эдакую обоюдную «зоологическую» ненависть. И это при том, что они выполняли, по сути, одну задачу — расшатывали, разрушали Советский Союз. Но, как говорили в то время, двум медведям в одной берлоге было слишком тесно.

Считаю, что Лигачев в свое время совершил колоссальную ошибку, пригласив Ельцина, работавшего первым секретарем Свердловского обкома партии, в Москву — сначала на должность заведующего отделом строительства, а потом и секретаря ЦК. Когда Ельцина избрали первым секретарем Московского горкома партии, он повел себя в полном соответствии с духом того времени и первым делом стал завоевывать «любовь масс». Об этих ельцинских фокусах (поездках в общественном транспорте и прочих «явлениях народу») писали много, и подробно рассказывать о них здесь вряд ли есть смысл. Гораздо важнее другое — тема соперничества Ельцина с Горбачевым. Ведь это соперничество, вылившееся в непримиримую борьбу за власть, в конечном счете было оплачено уничтожением Советской державы.

Горбачев не мог противопоставить сопернику свою внутреннюю силу, мощную энергетику, подобных достоинств у генсека-президента отродясь не водилось. Ельцин же способен был, как танк или бульдозер, переть напролом. И это качество, как видно, в значительной мере

компенсировало все его недостатки как руководителя и как человека. То есть о какой то объективной, полезной для всего государства компенсации, конечно, речи идти не может, но на многих тогдашних партийных функционеров ельцинский напор-натиск действовал чуть ли не магически. Даже будучи изгнанным (в 1987 году) с поста первого секретаря МГК КПСС, Ельцин не ушел в политическое небытие, а стал ни много ни мало первым заместителем председателя Госстроя СССР.

Ничем особо выдающимся на должности провинциального секретаря, кроме, пожалуй, уничтожения Ипатьевского дома (в Свердловске — Ред.) — приюта последнего российского императора, Ельцин не отличился. Типичный партийный функционер с умеренным интеллектом. В целях искоренения наследия В.Гришина в партийной организации Москвы, Горбачев рекомендовал первым секретарем МГК КПСС Ельцина. На партийном учете в Москве состояли партийные организации всех центральных органов власти. За два года «ельцинского правления» московская партийная организация была почти разрушена. Во главе большинства московских райкомов и крупных парторганизаций остались люди Ельцина. Предав своего покровителя Лигачева, Ельцин развернул в Москве кампанию по его дискредитации. Естественно, с благословения Горбачева как главного заказчика. Пленум ЦК КПСС, обвинив Ельцина в раскольнической деятельности, рекомендовал освободить его от должности московского партийного «воеводы». М.Горбачев обеспечил Ельцину министерский пост в Госстрое СССР. Все привилегии и блага, против которых активно и громко боролся будущий Президент России, погрязший в роскоши, у него тогда сохранились. При минимальной нагрузке на служебной работе, он активно использовал время для организационно-политической деятельности в своих интересах. М.Горбачев, считая, что контролирует через А.Яковлева формирование либеральной оппозиции, недооценил потенциальной опасности Б.Ельцина.

Борьба за власть в эти годы сконцентрировалась вокруг проблем, связанных с реформированием экономики. М.Горбачев и Б.Ельцин никогда не были крупными специалистами в экономике. Не понимали они и рыночных отношений, трудностей и проблем, связанных с переходом к ним. Они не понимали, что переход к рынку непосредственно затронет всех граждан, что рынок — вещь жесткая, а на первом этапе — и жестокая. Чтобы «смягчить» эту жестокость, было необходимо «встроить» в эти отношения социальные амортизаторы, которые смикшировали бы негативные последствия переходного периода. Противоречия М.Горбачева и Б.Ельцина по этому вопросу были не разногласиями в подходах и принципах, а лишь следствием столкновений интересов в процессе их борьбы за единоличную власть. Экономика страны стала заложницей политической борьбы за власть, что выражалось в требованиях «демократических реформ против разрушения командно-административной системы», где каждый называл себя демократом-рыночником, а противника — консерватором, партократом, бюрократором...

(Г. Янаев. Август 1991: мифы и реальность)

В марте 1991 года прошел всесоюзный референдум. Власть спрашивала у многонационального народа, желает ли он и дальше жить в единой-неделимой Советской стране. И хотя пресловутые «центробежные тенденции» уже заявили о себе во весь голос, ни один здравомыслящий политик в СССР вслух не задавался вопросом: «Нужен нам этот Союз или

не нужен?». Даже в тех республиках, в которых власти исподволь (а по рой и вполне открыто) поощряли националистические настроения, политически активные люди выступали в основном за конституционные реформы, но — в рамках единого союзного государства.

Зачем вообще потребовался означенный референдум, имелись для его проведения какие-то основания, помимо надуманных? Нет, не было для этого никаких серьезных оснований. Но даже если допустить, что имелись, то результаты всенародного опроса должны были поставить в этой истории вместо нелепого знака вопроса жирную точку: более трех четвертей граждан Советского Союза высказались за сохранение государства. Что должен был сделать глава этого Союза сразу после референдума? Организовать полноценный законотворческий процесс — для внесения в Конституцию СССР необходимых корректив, изменения устаревших законодательных принципов во взаимоотношениях республик и Центра. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять разумность, целесообразность и полезность именно такого шага.

Но Горбачев подобными критериями не руководствовался. Он втайне от остальных членов союзного правительства и в сговоре с поборниками всевозможных «суверенитетов» приступил к подготовке новых «договорных отношений» между республиками. Роль союзного Центра в соответствии с разработанными проектами этих «договоренностей» сводилась к ничтожному минимуму. Таким образом, СССР как единое государство обрекался на сугубо номинальное существование, по сути — на распад.

Создавая ГКЧП, мы стремились предотвратить запланированное «суверенитетчиками» подписание так называемого Союзного договора, призванного фактически упразднить на территории СССР прямое действие союзной Конституции и утвердить верховенство конституций республиканских. (К заключительной работе над «договором» Горбачев и руководители 9 союзных республик приступили уже в апреле 1991-го — на печально-скандально известной встрече в Ново-Огареве, из-за чего этот вероломный антисоветский, антигосударственный процесс и получил название «Новоогаревского».)

Самый чувствительный удар по единству союзного государства нанесли российские (ельцинские) власти. Они приняли законодательные и подзаконные акты, недвусмысленно направленные против Основного закона СССР. Согласно этим сепаратистским решениям, наши граждане в случаях коллизий (противоречий) между союзной и республиканской конституциями обязаны были руководствоваться положениями второй. В противном случае людям грозили административные и даже уголовные наказания.

По тем же нормативно-правовым актам практически вся крупная собственность, находившаяся на территории республики (государственные предприятия и учреждения практически всех сфер народного хозяйства — тяжелой и легкой промышленности, агрокомплекса, науки, культуры, образования и т. д. и т. п.), оказывалась в подчинении у республиканского руководства. В ведении союзного государства не оставалось практически ничего.

Рушилась сложившаяся за многие десятилетия двухканальная налоговая система. Союзные республики переставали платить обязательные налоги в общую казну — на содержание единых вооруженных сил, правоохранительных органов, на фундаментальные научные исследования, наукоемкие производства и прочие высокочрезвычайные «великодержавные» нужды.

В том, что на таком положении вещей настаивал Ельцин, ничего странного, разумеется, нет. Но почему на все это соглашался глава союзного государства Горбачев? Можно ли придумать какое-то разумное оправдание его соучастию в том заведомо губительном, геростратовском процессе? Лично я при всем желании не смог бы найти подобного оправдания.

Помнится, мне в то время пришлось поучаствовать в телевизионном диспуте с Русланом Хасбулатовым, незадолго до этого избранным председателем Верховного Совета РСФСР. Я

прямо заявил своему визави: вы ведете дело к развалу Советского Союза. И Хасбулатов по сути ничего не возразил. (Он, естественно, напустил туману и пытался отрицать очевидное, но это по большому счету — пустое...) Да и что тут возразишь. Разве возможно в современном мире существование такого государства, которому не требуются свое имущество, своя Конституция (ОСНОВНОЙ ЗАКОН ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ), своя крепкая налоговая база! Подобное государство — и не государство вовсе, а некий фантом, ми раж, «облако в штанах», как говорил Маяковский.

В противовес итогам референдума Совет министров РСФСР срочно принял 24 и 27 июня свои постановления, однозначно рассматривающие Россию как самостоятельное государство вне Советского Союза. Ельцинское руководство приняло решение о приоритете республиканских законов перед союзными...

Примеру Российской Федерации, успевшей принять «Декларацию о независимости» (читай от Советского Союза и других союзных республик), видя неспособность центральной власти остановить эти сепаратистские тенденции, последовали и другие союзные республики. Горбачев, продолжая за спиной Верховного Совета СССР и советского правительства «работу» над Союзным договором, сдавал сепаратистам и националистам одну позицию за другой.

18 июня 1991 г. Горбачев представил в Верховный Совет СССР проект Договора о Союзе Суверенных Государств (ССГ). Это был проект ликвидации СССР как единого федеративного государства, ликвидации социалистического строя и Советов народных депутатов как основы демократического народовластия. Нарушения Конституции СССР и законов СССР приняли со стороны президента страны — гаранта ее Конституции — характер государственной измены, влекущей за собой особо серьезное наказание, предусмотренное Уголовным кодексом.

Представленный Горбачевым проект Договора о Союзе Суверенных Государств был настолько откровенно антиконституционным, противоречащим решению Съезда народных депутатов СССР и итогам всенародного референдума, антигосударственным и антинародным, что даже последующий Верховный Совет СССР восстал против этого «документа», слепленного Горбачевым и его подельниками за спиной народа.

После длительных дискуссий Верховный Совет принял постановление «О проекте Договора о Союзе Суверенных Государств», в котором высказался за его коренную доработку, создал союзную делегацию, обязав ее провести согласование с республиками и подписание переработанного Договора на Съезде народных депутатов СССР. Союзную делегацию Горбачев даже ни разу не собрал. Вместо этого в августе 1991 г., находясь в Форосе, он рассылает новый проект собственного сочинения и беспринципных уступок под грифом «совершен но секретно»... Он начинает придумывать сценарий подписания «Договора».

20 августа 1991 г. это подписание должно было начаться, но союзная делегация должна была его подписать в середине сентября...

Мне было абсолютно ясно, что после 20 августа 1991 г. Советский Союз перестанет существовать. Это была одна из причин моего участия в создании ГКЧП...

(Г. Янаев. Август 1991: мифы и реальность)

Почему наше многонациональное общество почти никак не препятствовало «центробежным тенденциям»? По-видимому, оно очень плохо представляло себе, во что эти

«процессы» могут вылиться. Российские «демократы» и их «товарищи» в других национальных республиках весьма умело использовали пафосную риторику, призывая бороться за независимость, «свободу, равенство, братство», гражданские права и тому подобное. А что им противопоставили мы, их противники? В основном непривлекательные, вовсе «не зажигательные» (хотя и абсолютно справедливые) обвинения в антиконституционных действиях. Слово «антиконституционный» наводит на простых, далеких от юриспруденции граждан скуку. Сторонникам сохранения союзного государства надо было вооружиться яркой, по-настоящему «митинговой» лексикой, использовать в адрес сепаратистов более понятные народу (где-то, может быть, даже и «крепкие русские») выражения. Но, увы, как говорят немцы, «самые хорошие мысли приходят всегда с опозданием»...

Бумеранг обвинений в антиконституционных действиях ударил по нам в недолгие дни существования ГКЧП. Трудно спорить с утверждением о том, что наш Комитет не был предусмотрен союзной Конституцией. И тем не менее его создание было последним и, пожалуй, единственным способом для спасения и самой Конституции, и государства, в котором она была принята.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1 ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР

В целях защиты жизненно важных интересов народов и граждан Союза ССР, независимости и территориальной целостности страны, восстановления законности и правопорядка, стабилизации обстановки, преодоления тяжелейшего кризиса, недопущения хаоса, анархии и братоубийственной гражданской войны Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Всем органам власти и управления Союза ССР, союзных и автономных республик, краев, областей, городов, районов, поселков и сел обеспечить неукоснительное соблюдение режима чрезвычайного положения в соответствии с Законом Союза ССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и постановлениями ГКЧП СССР. В случаях неспособности обеспечить выполнение этого режима полномочия соответствующих органов власти и управления приостанавливаются, а осуществление их функций возлагается на лиц, специально уполномоченных ГКЧП СССР.

2. Незамедлительно расформировать структуры власти и управления, военизированные формирования, действующие вопреки Конституции СССР и законам СССР.

3. Считать впредь недействительными законы и решения органов власти и управления, противоречащие Конституции СССР и законам СССР.

4. Приостановить деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки.

5. В связи с тем, что Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР временно берет на себя функции Совета Безопасности СССР, деятельность последнего приостанавливается.

6. Гражданам, учреждениям и организациям незамедлительно сдать незаконно находящиеся у них все виды огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, военной техники и снаряжения. МВД, КГБ и Министерству обороны СССР обеспечить строгое выполнение данного требования. В случаях отказа — изымать их в

принудительном порядке с привлечением нарушителей к строгой уголовной и административной ответственности.

7. Прокуратуре, МВД, КГБ и Министерству обороны СССР организовать эффективное взаимодействие правоохранительных органов и Вооруженных Сил по обеспечению охраны общественного порядка и безопасности государства, общества и граждан в соответствии с Законом СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и постановлениями ГКЧП СССР. Проведение митингов, уличных шествий, демонстраций, а также забастовок не допускается. В необходимых случаях вводить комендантский час, патрулирование территории, осуществлять досмотр, принимать меры по усилению пограничного и таможенного режима. Взять под контроль, а в необходимых случаях под охрану, важнейшие государственные и хозяйственные объекты, а так же системы жизнеобеспечения. Решительно пресекать распространение подстрекательских слухов, действия, провоцирующие нарушения правопорядка и разжигание межнациональной розни, неповиновение должностным лицам, обеспечивающим соблюдение режима чрезвычайного положения.

8. Установить контроль над средствами массовой информации, возложив его осуществление на специально создаваемый орган при ГКЧП СССР.

9. Органам власти и управления, руководителям учреждений и предприятий принять меры по повышению организованности, наведению порядка и дисциплины во всех сферах жизни общества. Обеспечить нормальное функционирование предприятий всех отраслей народного хозяйства, строгое выполнение мер по сохранению и восстановлению на период стабилизации вертикальных и горизонтальных связей между субъектами хозяйствования на всей территории СССР, выполнение установленных объемов производства, поставок сырья, материалов и комплектующих изделий. Установить и поддерживать режим строгой экономии материально-технических и валютных средств, разработать и проводить конкретные меры по борьбе с бесхозяйственностью и разбазариванием народного добра. Решительно вести борьбу с теневой экономикой, неотвратимо применять меры уголовной и административной ответственности по фактам коррупции, хищений, спекуляции, сокрытия товаров от продажи, бесхозяйственности и других правонарушений в сфере экономики. Создать благоприятные условия для увеличения реального вклада всех видов предпринимательской деятельности, осуществляемых в соответствии с законами Союза ССР, в экономический потенциал страны и обеспечение насущных потребностей населения.

10. Считать несовместимой работу на постоянной основе в структурах власти и управления с занятием предпринимательской деятельностью.

11. Кабинету Министров СССР в недельный срок осуществить инвентаризацию всех наличных ресурсов продовольствия и промышленных товаров первой необходимости, доложить народу, чем располагает страна, взять под строжайший контроль их сохранность и распределение. Отменить любые ограничения, препятствующие перемещению по территории СССР продовольствия и товаров народного потребления, а также материальных ресурсов для их производства, жестко контролировать соблюдение такого порядка. Особое внимание уделить первоочередному снабжению дошкольных детских учреждений, детских домов, школ, средних специальных и высших учебных заведений, больниц, а также пенсионеров и инвалидов. В недельный срок внести предложения об упорядочении, замораживании и снижении цен на отдельные виды промышленных и продовольственных товаров, в

первую очередь для детей, услуги населению и общественное питание, а также повышении заработной платы, пенсий, пособий и выплат компенсаций различным категориям граждан. В двухнедельный срок разработать мероприятия по упорядочению размеров заработной платы руководителей всех уровней государственных, общественных, кооперативных и иных учреждений, организаций и предприятий.

12. Учитывая критическое положение с уборкой урожая и угрозу голода, принять экстренные меры по организации заготовок, хранения и переработки сельхозпродукции. Оказать труженикам села максимально возможную помощь техникой, запасными частями, горюче-смазочными материалами и т. д. Незамедлительно организовать направление в необходимых для спасения урожая количествах рабочих и служащих предприятий и организаций, студентов и военнослужащих на село.

13. Кабинету Министров СССР в недельный срок разработать постановление, предусматривающее обеспечение в 1991 — 1992 годах всех желающих городских жителей земельными участками для садово-огородных работ в размере до 0,15 га.

14. Кабинету Министров СССР в двухнедельный срок завершить планирование неотложных мероприятий по выводу из кризиса топливно-энергетического комплекса страны и подготовке к зиме.

15. В месячный срок подготовить и доложить народу реальные меры на 1992 год по коренному улучшению жилищного строительства и обеспечения населения жильем. В течение полугода разработать конкретную программу ускоренного развития государственного, кооперативного и индивидуального жилищного строительства на пятилетний срок.

16. Обязать органы власти и управления в центре и на местах уделять первоочередное внимание социальным нуждам населения. Изыскать возможности существенного улучшения бесплатного медицинского обслуживания и народного образования.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 2 ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО
ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР О ВЫПУСКЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ,
МОСКОВСКИХ ГОРОДСКИХ И ОБЛАСТНЫХ ГАЗЕТ**

В связи с введением с 19 августа 1991 г. в Москве и на некоторых других территориях Союза Советских Социалистических Республик чрезвычайного положения и в соответствии с пунктом 14 статьи 4 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Временно ограничить перечень выпускаемых центральных, московских городских и областных общественно-политических изданий следующими газетами: «Труд», «Рабочая трибуна», «Известия», «Правда», «Красная звезда», «Советская Россия», «Московская правда», «Ленинское знамя», «Сельская жизнь».

2. Возобновление выпуска других центральных, московских городских и областных газет и общественно политических изданий будет решаться специально созданным органом ГКЧП СССР.

19 августа 1991 г.

ВОПРОСЫ POST SCRIPTUM

— Геннадий Иванович, расскажите, пожалуйста, вкратце о своих самых «ярких» впечатлениях от тюрьмы. И так же вкратце поведайте о второй составляющей известной поговорки — о вашей «суме». Ведь по сравнению с абсолютным большинством представителей бывшей советской элиты вы, можно сказать, нищий. Ни машины, ни особняка, ни каких иных атрибутов «обеспеченной жизни»...

— Начну с ответа на вторую часть вопроса и скажу банальную вещь: не в деньгах счастье. Действительно, я не владею ни тем, что вы назвали, ни счетами в банках, ни чековыми книжками, ни акциями предприятий-монополистов. В нашем с супругой распоряжении обычная «советская» квартира да простенький дачный дом на шести сотках в садово-кооперативном товариществе. И меня это вполне устраивает. Бывало и похуже. Например, когда вышел из тюрьмы, «по понятным причинам» много лет нигде не мог трудоустроиться. И все же в 2002 году Валерий Александрович Квартальнов (ныне покойный), ректор Международной академии туризма, предложил мне место преподавателя в созданном им вузе. С тех пор там и работаю, за что этому прекрасному человеку буду по гроб жизни благодарен.

Что до тюрьмы, то ведь и в ней худо-бедно существовать можно. Меня она нисколько не надломилась, не деморализовала. Самые же «яркие», как вы выразились, самые незабываемые впечатления связаны с арестом и первыми днями неволи. В шесть утра 22 августа в мой кремлевский кабинет заявился генпрокурор РСФСР Степанков в сопровождении двух громил-оперативников. Они доставили меня в республиканскую прокуратуру (хотя еще союзная действовала) и передали «из рук в руки» следственной бригаде. Последовал многочасовой допрос — до позднего вечера. Следователи оказались в общем-то неплохими ребятами, сходили куда-то во время допроса и принесли мойву с хлебом, дали поесть. В девять вечера меня снова повезли — куда и зачем не сказали. По прибытии узнал: кашинский следственный изолятор в Тверской области. Оказался в одной камере с рэкетиром, неплохим, в сущности, парнем.

26 августа ночью перевезли в «Матросскую тишину», где уже находились остальные гэкачеписты. Посадили в одну камеру со «стукачом», который «позиционировал» себя как насильника — старый, испытанный прием, используемый в отношении тех, у кого нужно получить «признательные показания». После туда подселили еще одного арестанта, пробывшего, правда, в той камере недолго. Ему на смену привели пожарного Юру, погоревшего на взятке в 3 тысячи рублей... Поначалу условия несколько угнетали: бивший в глаза свет от круглосуточно горевшей лампочки, жесткий тюремный режим и пр. Но привык понемногу...

— В своих прежних беседах с журналистами вы не раз высказывали сомнения в том, что Б.К.Пуго застрелился. Что вас заставило усомниться в правдивости официальной версии?

— Накануне ареста, когда уже было всем ясно, что «наша песенка спета», мы с какой-то спокойной (чтобы не сказать «веселой») обреченностью болтали с Борисом Карловичем по телефону — около 9 часов вечера 21 августа. Я ему из Кремля (где, как Гитлер в бункере, просидел все три «чрезвычайных» дня): «Ты баул собрал? Небось уже завтра твои коллеги «попросят» нас проследовать с ними...» А он, находясь в своей квартире: «Да вон Валюха собирает потихоньку. Сухарей только не успел засушить, больно быстро все закончилось». Прозвучавшее на следующее утро в электронных СМИ сообщение о том, что Борис и Валентина Пуго застрелились, меня как обухом по голове ударило. И, конечно, несколько поразили

обстоятельства, при которых осуществлялся арест. То, что арестовывать министра внутренних дел СССР пришли высокопоставленные чины КГБ, МВД и прокуратуры, в общем-то нормально. Но что делало на этом «представлении» частное лицо по фамилии Явлинский?..

— О том, кто виноват в распаде СССР, мы в общем и целом выяснили. И все-таки поклонников Ельцина и Горбачева едва ли убедят ваши аргументы. Они все равно будут прибегать к сослагательному наклонению и настойчиво твердить: «А вот если бы ГКЧП не сорвал подписание Союзного договора, то СССР, пусть и в другом обличье и в другом качестве, удалось бы сохранить».

— Мы, наверное, как-то помешали подписать этот пресловутый договор. Но только 20 августа 1991 года. И хотя, повторяюсь, уже само это подписание ставило крест на союзном государстве, допустим на минуточку, что Союзный договор, по большому счету, был полезен народам нашей страны. Кто мешал его подписать в сентябре или октябре? Да почему бы и не в конце августа! Мы, «путчисты», находились в тюремных камерах, самое время им, подписантам, было отпраздновать по беду демократии и после веселых победных застолий приступить к формированию Союза Суверенных Государств. Но никому это было не нужно. Все республиканские руководители доживавшего последние дни СССР прекрасно знали, что мыльный пузырь ССГ лопнет едва ли не в тот же день, когда его надуют. Ельцинский советник Бурбулис признавался, что еще в начале 1991 года они (то есть Ельцин и представители властей других союзных республик) планировали создавать именно то, что впоследствии получило название «СНГ». А это, с точки зрения государственного строительства, не просто ни то ни се, но абсолютное ничто...

— Упомянутая вами остановка сразу трех крупнейших табачных фабрик, две из которых находились (и по сей день находятся) в Москве, некоторые «мероприятия» в рамках пресловутой антиалкогольной кампании и многие другие рукотворные происшествия тех лет даже в глазах совершенно несведущих в политике граждан отнюдь не выглядели следствиями головотяпства, беспхозяйственности. Всем был очевиден злой умысел как чуть ли не единственная причина этих негодяйств. И, конечно же, правомерен вопрос: кто стоял за всеми подобными экономическими диверсиями в СССР? Горбачев? Какая-то неведомая нам тайная сила? Ведь, согласитесь, эти государственные преступления вполне подпадали под самые суровые статьи тогдашнего Уголовного кодекса и могли повлечь за собой не только длительные сроки заключения, но и высшую меру для злоумышленников? Отчего же они так рисковали? Кто дал им гарантии неприкосновенности?

— Детально прояснить ситуацию, пожалуй, могут лишь те, кто в эту широкомасштабную преступную деятельность был вовлечен. А эти деятели, как вы понимаете, откровенничать на сей счет не станут. Ясно одно: у Горбачева были все необходимые полномочия для того, чтобы подобные диверсии в стране пресечь. Не пресек. Не смог или не захотел? Если не смог, то почему? Если не захотел, то по какой причине? Понятно, что гигантский механизм разрушения экономики, основ государственности, права, социальной жизни был управляемым. А откуда он управлялся — из Кремля или какого-нибудь «Бильдербергского клуба» — наверное, все-таки не суть важно...

— В.А. Крючков рассказывал вам нечто такое, что до сих пор неизвестно российской общественности?

— Извините, как говорится, без комментариев...

— Почему?

— Закон запрещает публично отвечать на подобные вопросы, а я человек, несмотря ни на что, законопослушный. Это во-первых. Во-вторых, прекрасно осознавая, что далеко не все бывшие или нынешние представители государственного руководства соблюдают правила о

неразглашении засекреченной информации, я, тем не менее, себе такого позволить не могу. Может, и хочется поделиться с согражданами кое-какими интересными для них сведениями, но, увы, не каждому это в нашем «демократическом» государстве позволено. Меня же, честно признаюсь, перспектива долгих, «за душевных» бесед с прокурорами и следователями во все не прельщает. Возраст уже не тот, да и здоровье...

— Одна из довольно распространенных версий, касающихся взаимоотношений Горбачева и Ельцина, гласит о том, что их вражда была хорошо срежиссирована. Ну то есть, возможно, они и недолюбливали друг друга, однако действовали вполне синхронно, по одному зло вещему плану. Вы можете опровергнуть такие догадки?

— А они и действовали по одному плану, делали «общее дело». Однако в то, что Горбачев с Ельциным искусно, мастерски играли роли непримиримых взаимных врагов, сам не верю и верить никому не сове тую. Их самая настоящая, обоюдная, лютая неприязнь была хорошо известна всем, кто их хоть немного знал. Для подтверждения этого приведу пример из собственной «биографии». Как-то раз под началом Горбачева мы проводили заседание Совета безопасности. Оно было рассчитано примерно на 40 минут (генсек собирался на какую-то встречу) и носило скорее формальный характер, то есть вполне можно было и без него обойтись. Так вот, перед этим дежурным мероприятием я предложил В.А.Крючкову эдакое шутейное пари, заявив: спорим, дескать, я сорву это заседание. Владимир Александрович согласился поставить бутылку коньяка на то, что у меня ничего не получится. Как только начали заседать, я обратился к Горбачеву: «Михаил Сергеевич, прежде чем перейти к повестке дня, хотел бы вот что спросить: до каких пор будем терпеть безобразия Ельцина? Неужели его никак приструнить невозможно!». И тут, как говорится, Горбачева понесло. Он все 40 минут посвятил рассказу о том, кто такой Ельцин, и даже чуть было на свою запланированную встречу не опоздал. Крючков с тех пор мне остался должен коньяк... Ну да ничего, «там» встретимся — сочтемся.

РЕТРОСПЕКТИВА

Олег Капитанов. Интервью с Г.И. Янаевым. «Ленинская смена», Нижний Новгород, 27 февраля 1993 г.

— Анатолий Лукьянов писал в тюрьме стихи, Валентин Павлов — статьи в газету, кто-то другой вел дневник. Вы тоже брались за ручку?

— В «Матросской тишине» я вел дневник. Но это отдельные, необработанные записи. Сейчас хочу написать книгу, где назову все вещи своими именами — кто все же изменник Родины и кто и как развалил Союз...

— Ходили слухи, что к заключенным по делу ГКЧП в «Матросской тишине» применялись насильственные меры медицинского воздействия.

— Поначалу мне давали какие-то непонятные таблетки, якобы для успокоения. Я их принимал недолго, потом отказался. Кстати, семье сразу передал: если вам скажут, что я покончил жизнь самоубийством или был застрелен при побеге, — не верьте. Это на всякий случай. Если говорить о медицинском воздействии... Не знаю... Но если люди выходят из тюрьмы с теми болезнями, которых не было, это о чем-то говорит...

— Что вы можете сказать о самоубийствах Пуго и Ахромеева?

— Когда я уже знал, что Горбачев приказал арестовать весь ГКЧП, то спокойно сидел у себя в кремлевском кабинете и ждал. Телефоны еще работали. Созвонились с Борисом Карловичем Пуго. Тот тоже ждал ареста, был спокоен. Разговор состоялся за несколько часов до его гибели. Я не верю в то, что этот мужественный человек, которого я знал многие годы, мог вот так запросто застрелиться, тут разбираться надо. Не верю и в то, что Ахромеев — патриот, защитник

Родины — мог наложить на себя руки...

А вообще Боря и Миша (Ельцин и Горбачев. — Ред.) хотели нас как можно быстрее арестовать, чтобы не допустить на Съезд народных депутатов СССР. Неизвестно, приняли бы депутаты решение о самороспуске, если бы там были мы.

Андрей Ванденко. Десять вопросов Геннадию Янаеву. «Новый взгляд», Москва, начало декабря 1992 г.

— Кроме объективных причин, что еще может вызвать, по-вашему, столь резкое ухудшение здоровья практически у всех подследственных по делу ГКЧП?

— Я, естественно, не имею возможности общаться со своими товарищами по «Матросской тишине», поэтому об ухудшении здоровья ряда из них я узнал из печати. По состоянию здоровья следствие вынуждено было освободить из-под стражи В.Болдина и О.Шенина. Уже несколько раз побывал в больнице А.Лукиянов. Сейчас он снова, как и маршал Д.Язов, находится в больнице. Плохо себя чувствуют, катастрофически теряют в весе О.Бакланов, Плеханов. Из-за фронтовых ран и болезни практически не ходит на прогулки В.Варенников. Я лично считаю, что безнравственно держать под стражей боевого генерала, пронесшего в 1945 году по Красной площади Знамя Победы, вся вина которого в том, что он был в группе участников форосской беседы, а из Киева прислал пару телеграмм с требованием навести порядок в Москве. Эта политическая месть новых руководителей не имеет убедительного объяснения. Уверен, что суд, если он будет независимым, оправдает В.Варенникова.

Меня очень взволновало опубликование в прессе заявления дочери А.Лукиянова Елены о том, что «сейчас медицина уже заводит разговоры, что Лукиянов может сойти с ума. На днях ему в первый раз приводили психиатра. Вы понимаете, что происходит? Одних уморят неизвестно какими таблетками, потому что своих лекарств им пить не дают. Других упрячут в психушки». Если это так, то правовой произвол умножится и на кое-что пострашнее. Лично я готов к любому развитию событий. Не удивлюсь ничему. Могу предположить, что ухудшение состояния здоровья практически у всех моих товарищей — это следствие длительного содержания в тюрьме. Отсутствие квалифицированной медицинской помощи, пыльный воздух закрытого помещения, в котором мы находимся 23 часа в сутки, ограниченность движения, пища, общая атмосфера, моральный террор в средствах массовой информации, чувство несправедливости, невозможность что-либо доказать следствию — все это влияет очень негативно. Надо учитывать, что речь идет о людях в возрасте, с уже подорванным здоровьем. Ведь они прожили не безмятежную жизнь в тиши кабинетов, работая с 9 до 6, из редка «на кухне» поругивая власти. Они активно работали, не считаясь со временем и здоровьем, по укреплению того государства, которое успешно развалили «новые люди» и собственность которого, накопленную трудом, потом и кровью нескольких поколений, вождь деленно делят властные структуры.

Владимир Весенский. «Литературная газета», 11 — 17 августа 1999 г.

— Как обошлась с вами тюрьма?

— Тюремная служба относилась так, как положено, следили, чтобы соблюдал режим, водили на допросы, прогулка — раз в день. Дворик размером с эту комнату, маленький, но есть скамейка, можно размяться, отжаться, держать себя в форме. Передачи раз в месяц. У меня был очень хороший адвокат. Очень грамотный и добрый человек. Носил мне сигареты. Потом жена снабжала. В первое время пришлось курить «Приму» — на 30 рублей «Яву» не купишь. Жена стала носить «Яву», но в тюрьме свои законы. Фильтр охрана отламывала: как бы что не передали в сигаретах. Крючкова ведь пытались отравить. Врачи его еле отходили.

Для ведения следствия создали бригаду в 200 следователей. Все с периферии, но не из Нижнего Новгорода: я-то из Нижнего. Они работали с неделю, а потом многим становилось ясно, что дело заказное, и они уходили пачками. По Процессуальному кодексу мы,

подследственные, должны с ними знакомиться и подписывать об этом протокол. Почти каждую неделю мы и знакомились с новыми следователями. Членов ГКЧП обвиняли по одной статье, а меня по трем: измена Родине, превышение полномочий и должностной подлог.

Следствие затягивалось. Становилось ясно, что измену Родине мне не вменить... Наконец приняли решение выпустить под подписку о невыезде. Эйфории от освобождения я не испытывал. Приехал домой, а там ждут журналисты. Иностранцы в основном. Я от заявлений отказался. Не до того было. Как дамоклов меч висел процесс. До конца его не довели. Объявили амнистию...

В.Рыньков. Геннадий Янаев: загадка эпохи. Нижний Новгород, 2003 г.

— Сейчас вышло столько мемуаров. А где ваши?

— Мемуары выпускают люди, которые или подводят итог жизни, или в чем-то оправдываются. Я пока хочу еще пожить, а оправдываться... Я виноват перед народом в том, что не сумел сделать того, к чему так стремился. Вот это главное. И с этим я живу каждый Божий день. Понимаете? Мне жаль Родину, которая все еще пытается быть великой, но после распада Союза не может заставить мир с собой считаться. Со слабыми не считаются.

В ПРЕДДВЕРИИ КАТАСТРОФЫ

Знал ли Горбачев о том, что представители высшего руководства СССР были преисполнены решимости прибегнуть к чрезвычайным мерам в стране, до лета 1991 года — до того, как президента и генсека ЦК советской компартии любезно проинформировали об этих намерениях его друзья американцы. Знал. Мы еще во втором полугодии 1990-го не раз и не два обращались к нему: дескать, Михаил Сергеевич, государство валится, надо его срочно подпирать, и подпоры эти должны быть отнюдь не бутафорскими. И тогда же Горбачев дал указание подготовить проекты введения в Советском Союзе чрезвычайного положения. На рассмотрение президента были представлены четыре таких проекта: о введении ЧП в Москве и некоторых других регионах, о введении ЧП по всей стране, о введении прямого президентского правления в Москве и отдельных территориях, о введении прямого президентского правления на всей территории Советского Союза.

Детально ознакомившись со всеми этими вариантами, генсек отреагировал в присутствии ему стили, и все же, как нам тогда казалось, достаточно адекватно. Скороговоркой пробормотал что-то вроде: «Хорошо, хорошо, но еще не время...».

А между тем это «не время» (то есть 1990-й и вся первая половина 1991-го) сопровождалось такими мощными экономическими, политическими и социальными катаклизмами, что только клинический идиот мог не понимать, к чему все это должно было привести (и в конечном итоге привело). Даже буржуазно-антикоммунистическая газета «Коммерсант» (тогда она была именно таковой), то ли кликушествуя, то ли по-своему «анализируя», выдавала на редкость тревожные пассажи и комментарии. Например, такие:

«Патовая ситуация не может продолжаться бесконечно — как свидетельствует опыт истории. Вакуум власти чаще всего сменяется диктатурой... Все это может вылиться в попытку построения «казарменного социализма», модель которого определяется относительной свободой предпринимательской деятельности при высоких налогах, жестких санкциях за невыполнение договорных обязательств и «контроле за мерой труда и потребления». Естественно в сочетании с ограничением политических свобод и «сильной исполнительной властью». И вряд ли кто-нибудь сейчас сможет ответить на вопрос, как долго мы проживем в такой казарме».

Не принимая всерьез расхожие по тем временам страшилки насчет казармы и диктатуры, трудно не согласиться с общим, так сказать, диагнозом: ситуация 1990 — 1991 годов объективно требовала введения в стране чрезвычайных мер.

В середине июня на заседаниях Верховного Совета СССР с докладами о положении в государстве и обществе выступили председатель правительства В.Павлов, министр обороны Д.Язов, председатель КГБ В.Крючков и министр внутренних дел Б.Пуго. Павлов докладывал на открытом заседании, доступном для прессы, руководители силовых структур — на закрытом. Несмотря на сухость формулировок, содержащихся в этих выступлениях, депутатам было совершенно понятно: ключевые персоны союзного правительства били в набат.

Т. н. «демократическая пресса» подняла гвалт, пытаясь представить доклад В.Павлова о кризисном положении в стране и требующихся мерах по его преодолению как попытку возврата к тоталитаризму, как репетицию переворота. Правда, при этом никто не озаботился вместо инсинуаций, догадок опубликовать этот доклад, чтобы каждый мог понять, чего хочет правительство. А хотело оно приступить к

осуществлению неотложных мер — в том случае, если бы парламент предоставил кабинету министров соответствующие полномочия: право законодательной инициативы, право принимать решения нормативного характера при реализации экономических программ, законную возможность для организации централизованной, независимой налоговой службы по всей стране, возможность восстановить единство банковской системы, право создания единой общесоюзной службы по борьбе с организованной преступностью... Павлову в удовлетворении его справедливых просьб Верховный Совет отказал...

В докладах Язова, Крючкова и Пуго шла речь о фактах подрыва извне экономической, политической, оборонной безопасности с помощью коллаборационистов, прямых агентов и пособников внутри страны.

(Г. Янаев. Август 1991: мифы и реальность)

Реальность такова, что наше Отечество находится на грани катастрофы. То, что я буду говорить вам, мы пишем в наших документах Президенту и не скрываем существа проблем, которые мы изучаем. Общество охвачено острым кризисом, угрожающим жизненно важным интересам народа, неотъемлемым правам всех граждан СССР, самим основам Советского государства. Если в самое ближайшее время не удастся остановить крайне опасные разрушительные процессы, то самые худшие опасения наши станут реальностью. Не только изъяны прошлого и просчеты последних лет привели к такому положению дел. Главная причина нынешней критической ситуации кроется в целенаправленных, последовательных действиях антигосударственных, сепаратистских и других экстремистских сил, развернувших непримиримую борьбу за власть в стране.

Откровенно игнорируя общенациональные интересы, попирая Конституцию и законы Союза СССР, эти силы открыто взяли курс на захват власти в стране...

В некоторых регионах гибнут сотни ни в чем не повинных людей, в том числе женщины, старики, дети. Тщетно зывают к проявлению политического разума, к справедливости сотни тысяч беженцев.

Пока мы рассуждаем об общечеловеческих ценностях, демократических процессах, гуманизме, страну захлестнула волна кровавых межнациональных конфликтов. Миллионы наших сограждан подвергаются моральному и физическому террору. И ведь находятся люди, внушающие обществу мысли, что все это — нормальное явление, а процессы развала государства — это благо, это созидание.

Резко усилились процессы дезинтеграции экономики, нарушены складывавшиеся десятилетиями хозяйственные связи, тяжелейший ущерб на несли народному хозяйству забастовки...

Все более угрожающие масштабы приобрела преступность, в том числе организованная. Она буквально на глазах политизируется и уже непосредственно подрывает безопасность граждан и общества. Недовольство народных масс ситуацией в стране находится на критическом уровне, за которым возможен небывалый по своим последствиям социальный взрыв. О стремительном скатывании общества к этой опасной черте свидетельствует настроение простых тружеников. Они первыми испытывают на себе последствия кризиса и в политике, и в экономике. Все отчетливее проявляются апатия, ощущение безысходности, неверие в завтрашний день и даже какое-то чувство обреченности. А это очень тревожный симптом. Ясно, что такая

пассивность на руку политикам, теневикам, коррумпированным элементам, рвущимся к власти. При таком положении любой лозунг может обрести в нашей стране свою почву...

Конечно, причина нынешнего бедственного положения имеет прежде всего внутренний характер. Но нельзя не сказать и о том, что в этом направлении активно действуют и определенные внешние силы....

(Из выступления В.А.Крючкова на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 г.)

Во время этих докладов я возвращался из Германии. Когда ехал из Внукова, в машине раздался телефонный звонок. Звонил председатель союзного Верховного Совета А.И.Лукиянов: «Геннадий Иванович, завтра на нашем заседании продолжим острые дискуссии по темам докладов руководителей правительства. Нужно, чтобы вы приняли участие в этом обсуждении». «Ну надо, так надо, — ответил Лукьянову и тут же спросил: — А Горбачев в курсе?» — «Разумеется».

На следующий день пришел в парламент и чуть ли не с порога попал под перекрестный обстрел-допрос со стороны депутатов. Они, не имея возможности задать свои вопросы непосредственно президенту, как видно, решили отыграться на мне. Причем одними вопросами не ограничились, а все накопившиеся у них претензии, упреки, обвинения в отношении президентской власти обрушили на вице-президента. После этой «головомойки» я попытался дозвониться Горбачеву, дабы узнать его мнение по вопросам той жаркой дискуссии, но он на мои звонки не отвечал. Зато, как только в заседании Верховного Совета объявили перерыв, президент вызвал всех, кто «держал ответ» перед парламентариями, а также Лукьянова к себе и стал с раздражительно-агрессивными нотками в голосе нам выговаривать: да что же это такое, дескать, с кем я дело имею, мои ближайшие товарищи, сподвижники не в состоянии меня защитить от нападков распоясавшихся политиканов!..

Тогда мы, не сговариваясь, — я первый, за мной Лукьянов, затем и все остальные — обратились к Горбачеву: «Михаил Сергеевич, коли не заслуживаем вашего доверия, то готовы прямо сейчас написать заявления об уходе со своих постов. А поскольку сессия Верховного Совета продолжается, мы о причинах этого ухода доложим депутатам. И пойдем восвояси». Горбачев в том момент сильно перетрусил. Испугался он не только и не столько реакции парламента на нашу коллективную отставку, которая была, как никогда, возможна, сколько нависшей над ним опасности остаться вообще без какой бы то ни было политической опоры и поддержки. К тому же кадровый резерв в его распоряжении практически отсутствовал. (Не стоит, право же, упускать из виду и то, что за пять дней до этой сессии уставший от Горбачева российский народ (вернее, довольно весомая его часть) преподнес «дорогому Михаилу Сергеевичу» самый желанный для него подарок, избрав Президентом РСФСР Б.Ельцина, а мэрами двух столиц — Г.Попова и А.Собчака — первостатейных активистов не менее «дружественной» по отношению к генсеку Межрегиональной депутатской группы.)

Горбачев тогда поспешно «сменил гнев на милость»: мол, что вы, что вы, ни о каких отставках не может быть и речи. Мы не стали упускать инициативу в этом напряженном диалоге и несколько более настойчиво, нежели прежде, предложили ему выйти к депутатам и держать перед ними ответ за свою президентскую деятельность.

Он не стал отпираться и выступил-таки на заседании парламента, неуклюже сформулировав там какие то «десять своих тезисов». Вряд ли они вполне устроили парламентариев, однако страсти в их среде на некоторое время слегка поутихли.

В тот раз Горбачеву не удалось спрятаться за спинами своих ближайших подчиненных, как он это сделал, к примеру, весной 1991 года.

28 марта спровоцированные московскими «демократами» толпы устремились к Красной площади на несанкционированный митинг — «в поддержку Ельцина». Словно на него, борца за счастье народное, проклятые коммунисты обрушили жесточайшие репрессии. В самом, наверное, бедном, славном своими пролетарскими традициями районе Москвы — на Новом Арбате, аккурат перед таким же пролетарским роддомом смелые манифестанты разместили огромный плакат «Бабы, не рожайте коммунистов!». С тех пор, надо полагать, коммунистов там не рожают... Как бы там ни было, ситуация в столице грозила окончательно выйти из-под контроля властей. Накануне митинга три десятка депутатов РСФСР просили Горбачева немедленно ввести войска в Москву. Но разве мог этот безупречный поборник демократических свобод пойти на столь не популярные меры! Он «отфутболил» обращение парламентариев к Павлову и Язову, дав им понять, что просьбу депутатской группы надо бы уважить.

Уважили. Ввели в столицу подразделения Таманской и Кантемировской дивизий. Те в свою очередь не пустили бесновавшиеся толпы на Красную площадь, локализовав «демонстрантов» на подступах к ней.

Меня же Горбачев попросил встретиться с московскими «демократическими вождями» Поповым (тогда еще председателем Моссовета), Мурашевым и Афанасьевым — для «разъяснительной работы» в моем рабочем кабинете. Пришли двое, без Попова. Сели ждать в приемной, а в это время из кабинета после нашего совещания выходили Крючков и Язов. Я через дверной проем увидел, как мгновенно перекошились от ужаса лица «демократов». Видимо, они в тот момент подумали: «Ну все, не иначе брать будут...».

«Брать», естественно, никто и никого не собирался, однако, пригласив отважных бунтарей в кабинет, я не двусмысленно их предупредил: так, мол, и так, товарищи «демократы», если в Москве произойдут беспорядки, вы за них заплатите очень дорогой ценой.

И к кому же немедля обратились с жалобой эти главные московские «фронтеры»? К Горбачеву, вестимо. Он опять остался «чистеньким». А на нас с Павловым в «демократической» прессе навешали очередных ярлыков, обвинив и во вводе войск, и в борьбе с инакомыслящими.

Что же касается вышеупомянутого кадрового дефицита в непосредственном, сугубо профессиональном окружении Горбачева, то могу это проиллюстрировать опять же на собственном примере. Циники и карьеристы (за исключением «агентов влияния») возле последнего советского президента долго не задерживались, понимая, что их шеф такой же циник и карьерист, да к тому же явно бесперспективный. И он, по вполне понятным причинам, старался до поры до времени поддерживать сотрудничество с теми, кто обладал опытом и знаниями. И, конечно, с теми, у кого, несмотря ни на что, сохранялись остатки доверия и уважения, чувства товарищества по отношению к нему. Я был как раз из тех, последних.

Горбачев меня «заметил» в 1989 году, перед I Съездом народных депутатов СССР. Мы тогда впервые собрались в составе Московской депутатской группы во главе с Л.Н.Зайковым. И генсек на том собрании присутствовал. Помнится, чуть ли не с первых минут заседания «демократы» взяли с места в карьер и начали выдвигать свои «стратегические» инициативы. Они хотели поменять все и сразу уже на первых заседаниях Съезда, в частности страстно требовали, не мешкая, отменить статью Конституции о руководящей роли КПСС.

Когда температура обсуждения поднялась до критической, я взял слово. И начал увещевать самых нетерпеливых, говоря им, что не стоит пытаться объять необъятное, что невозможно решить моментально все насущные проблемы, накопившиеся в стране, что решать их надо поэтапно, сначала уяснив для себя хотя бы самые основные особенности такого нового для всех феномена, как большой союзный парламент. Сказал я несколько слов и в защиту перестройки с

ее главным застрельщиком, при этом хорошо помня, понимая и принимая слова нашего замечательного писателя Юрия Бондарева, произнесенные им на XIX Всесоюзной партконференции (в 1988 году) и ставшие тогда крылатыми: «Наша страна оказалась в положении поднявшегося в воздух лайнера. Летим на большой скорости. Аэропорт, с которого мы поднялись, остался позади, возврата туда нет. Но в каком летим мы направлении?.. Какой аэродром нас примет?!. Никто не знает». (Здесь уместно отметить, что фамилия именно этого прославленного литератора стояла первой в знаменитом «Слове к народу», опубликованном в «Советской России» менее чем за месяц до создания ГКЧП). С ответной речью на том собрании Московской группы выступил Марк Захаров. Он эдак полупрезрительно кивнул в мою сторону и изрек: «Я вот этого товарища послушал, и на меня как будто тридцать седьмым годом повеяло». Горбачев, по своему обыкновению, отмолчался, однако, как впоследствии выяснилось, на него мое выступление произвело благоприятное впечатление. И это во многом предопределило мою дальнейшую судьбу.

Во время работы последнего съезда КПСС (в июле 1990-го), проходившего в Кремле, меня вдруг, нежданно-негаданно пригласили Горбачев и другие партийные руководители для важной беседы. Встретились там же, во Дворце съездов. Генсек мне: «Мы решили избрать тебя секретарем ЦК и членом Политбюро». Я ему в ответ: «Спасибо за доверие, Михаил Сергеевич, но меня совсем недавно избрали председателем ВЦСПС. А мы, профсоюзы, пусть по большому счету и формально, но тем не менее провозгласили свою независимость от всех политических партий, в том числе и от КПСС. Как же, оставаясь руководителем профсоюзного объединения, я смогу войти в руководство компартии?»

— Уходи из профсоюзов.

— Хорошо, уйду. А чем мне предстоит заниматься в партии?

— Вопросами экономики.

— Это не мое, Михаил Сергеевич. Вам для решения экономических вопросов гораздо больше Строев подходит.

— А чем ты занимался в профсоюзах?

— В последние годы международными делами в основном.

— Ладно, будешь и в КПСС международный отдел курировать.

— Но у вас для этого Фалин есть.

— Ничего, ничего. Будешь при Фалине «Сусловым»...

Так я оказался в Политбюро и ЦК КПСС.

Это было непростое для меня решение... Сейчас положение сложное и в самой партии, и вокруг нее. Отношение к ней в значительной степени в обществе изменилось... Идет, я бы сказал, плата по тем вексям, которые в свое время выдавались и, к сожалению, оказались неоплаченными.

Прошло пять лет перестройки. На первом этапе, когда руководство партии определило курс на ускорение социально-экономического развития страны, на перестройку, были выданы, я считаю, достаточно легковесные обещания вывести страну из того тупика, в котором она оказалась в течение двух-трех лет. Чудес в политике и экономике не бывает. И естественно, что иллюзии, которые были посеяны, сейчас рушатся, потому что положение не улучшается, а ухудшается. На внутреннем потребительском рынке, в экономике, да и в целом в стране. Речь идет фактически о тотальном кризисе в обществе... Вот эта обстановка нестабильности, по множенной на пустые прилавки магазинов, приводит людей к тому, что они задают себе вопросы: что нам дала перестройка? Кто виноват в этой ситуации? Естественно, первыми

виновниками они видят ЦК, всю партию, поскольку именно она начала перестройку...

(Из интервью Г. Янаева газете «Труд», опубликованного 17 июля 1990 года)

Оставляя работу профсоюзного начальника, собрал в течение недели пленум ВЦСПС и, как водится, выступил перед коллегами с прощальной речью. Они же набросились на меня с упреками, обругали «рenegатом» (может, каким-то другим словом, но близким по смыслу), намеревались было лишить депутатского мандата (кандидатом в депутаты я был выдвинут от ВЦСПС).

Как мог, растолковал им ситуацию со своим уходом: «Чего ругаетесь, товарищи. Ведь иду на корабль, который не просто дал течь, а опасно накренился. Ну кто из вас, профсоюзных деятелей, согласится ныне идти на работу в партию? Никто. Поймите меня правильно. Я коммунист. Мои воспитание и мировоззрение строились на определенных принципах, на известной всем вам партийной дисциплине. Это раньше член Политбюро и ЦК КПСС был сиятельным вельможей и его портреты на праздничных демонстрациях носили трудящиеся, сейчас же все совсем по-другому...».

В общем, освободили меня от должности председателя ВЦСПС. Однако на состоявшемся вскоре после этого съезде профсоюзов, на который я решил не идти, вопрос о моем перемещении на партийную работу бывшие сослуживцы подняли вновь. Но, как говорится, поезд к тому времени уже ушел...

А через некоторое время Горбачев предложил мне возглавить... Гостелерадио. Тогда уж я буквально взмолился:

— Михаил Сергеевич, я ни дня в средствах массовой информации не работал. Ну какой из меня руководитель телевидения и радио!

— Ничего, ничего. Ты мужик сообразительный. Быстро вникнешь в специфику. Вышел от генсека с чувством, близким к отчаянию. Встретил остальных членов Политбюро. Обратился к Рыжкову.

— Николай Иванович, попросите, пожалуйста, Горбачева не назначать меня в Гостелерадио. Загубим ведь это дело, и меня как партийного работника загубим...

Расстроился, поехал к себе на Старую площадь... Поздно вечером Горбачев позвонил, успокоил: «Не паникуй. Не будем тебя в телевизионщики определять... Хотя как знать, возможно, еще передумаешь».

Еще одно «заманчивое» предложение с бухты-барахты поступило мне от генсека, когда возникла острая необходимость замены 1-го секретаря компартии РСФСР. Горбачев пригласил меня к себе и вновь «обрадовал»:

— Будем тебя рекомендовать вместо И.К. Полозкова. Сегодня же созовем «совет старейшин» и выдвинем тебя на место первого секретаря.

Тут уж я начал отказываться гораздо решительней, чем раньше:

— Михаил Сергеевич, я, конечно, очень вам признателен за такое повышенное внимание к моей скромной персоне. И вообще по жизни я «пионер и комсомолец» (в том смысле, что «всегда готов» и «если партия скажет: надо, комсомол ответит: есть»). Но всему же должен быть предел. Вы уж не обессудьте, непременно возьму самоотвод.

— Это твое право. Наше дело предложить... И мы предложим твою кандидатуру товарищам из КП РСФСР.

В перерыве заседания, на котором собирались решить вопрос о новом главе республиканской компартии, я обошел, вернее обегал, всех знакомых первых секретарей обкомов и крайкомов, уговаривая их от казаться от рассмотрения моей кандидатуры... Так или

иначе, минула меня чаша сия, не стал я «первым коммунистом» российской партийной организации. А вскоре — в конце 1990-го — Горбачев представил меня союзному парламенту в качестве единственного кандидата на пост вице-президента...

Накануне заседания IV Съезда народных депутатов СССР меня вызвал Горбачев: «Я решил рекомендовать тебя вице-президентом». На что я сказал: «Михаил Сергеевич, обдумать это нужно, посоветоваться...» А он ответил: «С кем тебе советоваться? Партия тебя рекомендует».

Политбюро, наверное, собиралось, но без меня. Представляя народным депутатам СССР мою кандидатуру, М.Горбачев говорил: «Это человек, который уже сложился как личность, зрелый политик, хорошо ориентируется в политических вопросах, человек с твердыми принципами, активный сторонник перестройки и активный ее участник»...

По Конституции я должен был исполнять президентские обязанности в отсутствие президента и различные его поручения. К примеру, проводить переговоры по возвращению на свои земли турок-месхетинцев, крымских татар, немцев Поволжья; с армянами и азербайджанцами решать вопросы по Карабаху У меня голова шла кругом от этих нелегких, изматывающих встреч, тем более что решить что-либо было уже почти невозможно...

(Г. Янаев. Воспоминания)

Как видим, в течение считанных месяцев генсек и президент «подыскал» мне такое количество должностей, какое не сменишь и за долгие годы. Проблема подбора кадров в последние годы существования Советского Союза была в высшем руководстве страны более чем вопиющей.

Поэтому неудивительно, что Горбачев перепугался, когда мы, будущие члены ГКЧП, дружно заявили о своей готовности уйти в отставку — в июне 1991-го, за два месяца до создания Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

СЛОВО К НАРОДУ

Дорогие россияне! Граждане СССР! Соотечественники!

Случилось огромное небывалое горе. Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнут, ломаются, погружаются во тьму и небытие. И эта погибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии. Неужели окаменели наши сердца и души и нет ни в ком из нас мощи, отваги, любви к Отечеству, что двигала нашими дедами и отцами, положившими жизнь за Родину на полях брани и в мрачных застенках, в великих трудах и борениях, сложившими из молитв, тягот и откровений державу, для коих Родина, государство были высшими святынями жизни?

Что с нами сделалось, братья? Почему лукавые и велеречивые властители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего — обрекают на жалкое

прозябание в рабстве и подчинении у всемогущих соседей?

Как случилось, что мы на своих оглушающих митингах, в своем раздражении и нетерпении, истосковавшись по переменам, желая для страны процветания, допустили к власти нелюбящих эту страну, раболепствующих перед заморскими покровителями, там, за морем, ищущих совета и благословения?

Братья, поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит с четырех углов, когда тушить его приходится не водой, а своими слезами и кровью. Неужели допустим вторично за этот век гражданский раздор и войну, снова кинем себя в жестокие, не нами запущенные жернова, где перетрутся кости на рода, переломится становой хребет России?

Обращаемся к вам со словами предельной ответственности, обращаемся к представителям всех профессий и сословий, всех идеологий и верований, всех партий и движений, для коих различия наши — ничто перед общей бедой и болью, перед общей любовью к Родине, которую видим единой, неделимой, сплотившей братские народы в могучее государство, без которого нет нам бытия под солнцем.

Очнемся, опомнимся, встанем и стар, и млад за страну. Скажем «Нет!» губителям и захватчикам. Положим предел нашему отступлению на последнем рубеже сопротивления.

Мы начинаем всенародное движение, призывая в наши ряды тех, кто распознал страшную напасть, случившуюся со страной.

Мы зовем к себе рабочий люд, которому нынешние фарисеи обещали изобилие и заработки, а теперь изгоняют с заводов и шахт, обрекают на голод, бесправие, на унылое стояние в очередях за пособием, ломтем хлеба, за милостыней богачей и хозяев.

Мы зовем к себе трудолюбивых крестьян, измотанных невежественной властью, чьи нынешние судьбы решают вчерашние разрушители деревень и творцы утопических программ, навязывая хлебоборбу кабальный обмен, обрекая на запустение пашню, на истребление уцелевших, кормящих страну хозяйств.

Мы взываем к инженерам, чьими руками, умом и талантом была создана уникальная техническая цивилизация, мощная индустрия, обеспечившие благополучие и защиту народа, позволившие Родине взлететь в космос. Техника, которая, устав работать, нуждалась в модернизации и обновлении, за шесть лет безделья и разглагольствований остановилась и рухнула, и теперь мы — страна остановленных предприятий, умолкнувшей энергетики, исчезнувших товаров, растерянных обнищавших инженеров, отлученных от творчества.

Мы взываем к ученым, достойно продвигавшим развитие отечественной науки, изумлявшим мир плодами своих трудов, накопившим в лабораториях и институтах открытия для следующего рывка в двадцать первый век, где мы надеялись на достойное место в человеческой цивилизации. Вместо этого демагоги и злоумышленники разоряют драгоценные накопления, рассыпают коллективы исследователей, закрывают научные направления, вбивают тромбы в развитие космических исследований, ядерных технологий, новейшей химии, обрекая лучшие умы на прозябание, на бегство из родных пределов в преуспевающие страны, где их талант станет питать не свое, а чужое развитие. Мы устремляем свой голос к Армии, снискавшей уважение человечества за самоотверженный подвиг спасения Европы от гитлеровской чумы, к Армии, унаследовавшей лучшие качества русского, советского воинства и противостоящей агрессивным силам. Не легкие времена переживают наши

славные защитники. Не вина Армии, что она вынуждена поспешно покидать зарубежные гарнизоны, быть объектом беспардонных политических спекуляций, подвергаться постоянным атакам лжи и очернительства безответственных политиканов. Но никому не удастся превратить Вооруженные Силы в аморфную массу, разложить изнутри, предать осквернению. Мы убеждены, что воины Армии и Флота, верные своему святому долгу, не допустят братоубийственной войны, разрушения Отечества, выступят надежным гарантом безопасности и оплотом всех здоровых сил общества.

Мы устремляем свой голос к художникам и писателям, по крохам создававшим культуру на развалинах разгромленной классики, добывавшим для народа образы красоты и добра, ожидавшим в будущем расцвета искусств, а обретших нищету, низведение творчества до жалкого фарса на потеху коммерсантов и богачей, когда народ, отлученный от духа, лишенный идеала, управляемый безнравственными лукавцами, выводится из истории, превращается в дешевую рабочую силу для иноземных фабрикантов.

Мы обращаемся к Православной церкви, прошедшей Голгофу, медленно, после всех избиений встающей из Гроба. Она, чей духовный свет сиял в русской истории даже во времена мрака, сегодня, еще не окрепшая, терзается распрями, ущемляется в епархиях и приходах, не находит достойной опоры в сильной державной власти. Пусть она услышит взывающий к спасению глас народа.

Мы обращаемся к мусульманам, буддистам, протестантам, верующим всех направлений, для которых вера есть синоним добра, красоты и истины; на них сегодня наступают жестокость, уродство и ложь, губящие душу живую.

Мы обращаемся к партиям, большим и малым, к либералам и монархистам, к централистам и земцам, к певцам национальной идеи. Мы обращаемся к партии — коммунистической, которая несет всю ответственность не только за победы и провалы предшествующих семидесяти лет, но и за шесть последних трагических, в которые компартия сначала ввела страну, а потом отказалась от власти, отдав эту власть легкомысленным и неумелым парламентариям, рассорившим нас друг с другом, наплодившим тысячи мертворожденных законов, из коих живы лишь те, что отдают народ в кабалу, делят на части измученное тело страны. Коммунисты, чью партию разрушают их собственные вожди, побросав партбилеты, один за другим мчатся в лагерь противника — предадут, изменят, требуют для недавних товарищей виселицы — пусть коммунисты услышат наш зов!

Молодежь, наша надежда и цвет, которую растлевают, отдав в услужение ложным кумирам, обрекают на безделье, бездарность, наркотики и преступность.

Старики, наша мудрость и гордость, безотказные труженики и неустанные наши кормильцы, получившие в удел нищенство и надругание над прожитым, осквернение печатным и телевизионным варевом тех, кто добивается умерщвления памяти, противопоставления поколений.

Молодые ветераны, воины-интернационалисты, проявившие самоотверженность и гуманизм, высокие нравственные качества, но поставленные в положение без вины виноватых. Женщины, отказывающие себе в высшем природном праве — продлевать в потомстве род из-за страха плодить нищету, пополнять солдатами армию гражданской войны, пугающиеся своей любви и своего материнства...

Все, кто ни есть, в городах и селениях, в степях и лесах, у кромки великих, омывающих страну океанов, — очнемся, встанем для единения и отпора губителям

Родины!..

Юрий Бондарев, Валентин Варенников,

Борис Громов, Людмила Зыкина,

Александр Проханов, Василий Стародубцев,

Юрий Блохин, Эдуард Володин,

Геннадий Зюганов, Вячеслав Клыков,

Валентин Распутин, Александр Тизяков

«Советская Россия», 23.07.91

ВОПРОСЫ POST SCRIPTUM

— Геннадий Иванович, судя по вашим воспоминаниям, Горбачев обращался к вам «на ты», а вы к нему — «на вы». Чем это было продиктовано — разницей в возрасте, традиционной кремлевской субординацией, чем-то еще?..

— Наверное, прежде всего воспитанием и культурным развитием самого Горбачева. Хотя и до него генсеки вели себя в чем-то похоже. Авторитет первого лица СССР в принципе был огромен, кто бы этим лицом ни являлся. Так что традиция тоже, по-видимому, играла свою роль.

— В том, что Горбачев проникся к вам чувством товарищества, стоит ли искать какие-то точки соприкосновения в вашей и его биографиях? К примеру, связанные с сельским хозяйством юность и молодость, комсомольская работа...

— Скорее причина в другом. Я, по-видимому, был очень нужен Горбачеву. Во-первых, как убежденный сторонник перестройки, коммунистических идей (а Горбачев, не будем забывать, являлся все-таки Генеральным секретарем ЦК КПСС), социализма и советской власти. А во-вторых — как опытный парламентарий. Ведь парламентаризм в широком смысле этого слова не ограничивается лишь выступлениями на депутатских съездах и принятием законов. Парламентскую практику, «процедурную школу» я осваивал, работая на руководящих должностях в Комитете молодежных организаций СССР, Союзе советских обществ дружбы, Международной организации труда, ВЦСПС. Все эти должности обязывали меня выступать с самых высоких, в том числе международных, трибун, и я этими обязанностями никогда не пренебрегал. Нередко участвовал в работе всевозможных съездов, ассамблей, конференций. Был лично знаком со многими европейскими общественными лидерами того времени (например, с финским — Э.Ахо, шведским — К.Бильдтом, германским — Г.Шредером).

Поэтому неудивительно, что в мою бытность депутатом I всесоюзного съезда приобретенный опыт давал мне немалую фору по отношению к тем, кто с парламентской деятельностью был знаком плохо. Многие из таких новичков, не зная толком ни процедурных нюансов, ни особенностей парламентской этики, «компенсировали» этот недостаток атакой (часто безуспешной) на микрофоны, толкотней возле них, невразумительными выкриками с мест, неуместными хлопками в ладоши и улюлюканьем. Все эти «шалости» можно было считать невинными, если бы не решались вопросы первостепенной государственной важности. Председательствовавший на съезде Горбачев постоянно терял контроль над ходом заседаний, и

я, что в общем нормально, не раз приходил ему на выручку.

Так что, судя по всему, именно этот фактор сыграл ключевую роль в моей дальнейшей политической судьбе.

— Если это возможно, расскажите немного о том, что мы, рядовые граждане, о Горбачеве не знаем. На пример, отчего, по вашему мнению, бывший президент великой державы рекламировал на телевидении пиццу — из-за недостатка материальных средств, из-за собственной жадности или по какой-то другой причине?

— Главная причина — элементарная жадность, этакая жлобская алчность. Лучшим подтверждением этих слов служит скандальная, прямо-таки мерзопакостная история, произошедшая в начале 1991 года в Южной Корее. Там Горбачев фактически получил взятку от тогдашнего южнокорейского президента Ро Дэ У (впоследствии обвиненного в коррупции и осужденного на 22 года тюрьмы) — банковским чеком на 100 тысяч долларов. Ро Дэ У положил этот чек президенту СССР в карман на виду у многочисленных делегаций и журналистов. В любой, как принято говорить, нормальной стране (в той же Южной Корее) за подобный проступок государственного руководителя отправили бы сначала в отставку, а затем и в «места не столь отдаленные». Но у нас нормальной страны нет вот уже более двух десятилетий. Потому и печатают громадными тиражами «откровения» главного разрушителя Советского Союза, посредством коих он, ну конечно же, отрицает все обвинения в его адрес. А тем временем идет рекламировать пиццу или мчится на Запад — читать свои бесценные лекции за баснословные гонорары.

— Каково было воздействие опубликованного 23 июля 1991 года «Слова к народу» лично на вас и ваших товарищей по ГКЧП?

— Это было очень яркое, искреннее, проникновенное воззвание. Воспринималось оно патриотически настроенной частью нашего общества с благодарностью и некоторой надеждой на лучшее будущее. Мы же, будущие гэкачеписты, в этом плане ничем от других патриотов Советского Союза не отличались. В основном писал этот возвышенный манифест, по всей видимости, Александр Андреевич Проханов. К сожалению, не все из тех, кто поставил свои подписи под «Словом», остались ему верны до конца...

— С кем-либо из подписавших «Слово к народу» и ваших товарищей по ГКЧП общаетесь?

— Чаще всего общались с Олегом Семеновичем Шениным, Александром Ивановичем Тизяковым, Олегом Дмитриевичем Баклановым. Олег Семенович в конце мая 2009 года ушел в мир иной. Также умерли в новом тысячелетии В.А.Крючков, В.И.Варенников, В.С.Павлов, В.И.Болдин...

РЕТРОСПЕКТИВА

Владимир Весенский. ((Литературная газета», 11 — 17 августа 1999 г.

— Как получилось, что вы оказались основным заговорщиком, председателем ГКЧП, выступившего против Горбачева, который выдвинул вас и настоял на том, чтобы вас избрали вице-президентом Советского Союза?

— Заговора против Горбачева не было... А сближение с ним началось еще до того, как я попал в политическую элиту. Мне нравился этот энергичный молодой человек во главе партии. В отличие от тех мумий, которые повторяли чужие мысли, и то с ошибками, он складно говорил, охотно шел на обмен мнениями. Он предлагал, особенно на первом этапе своего руководства, пути кардинального изменения качества жизни людей, говорил о более широком применении материального стимулирования, которое должно было привести к повышению эффективности экономики, и так далее. Такое не могло не вдохновлять. Наверное, не только я, но многие тогда

думали: наконец-то! Поз же эти призывы и разговоры, а вместе с ними и надежды оказались иллюзорными. Я, может быть, дольше, чем мои товарищи находился под влиянием этих иллюзий. Постепенно все убеждались, что за словами Горбачева слишком часто не следуют дела. Но это было потом... А до того на различных важных мероприятиях я несколько раз выступал в поддержку Горбачева, и он меня заметил.

В.Рыньков. Геннадий Янаев: загадка эпохи. Нижний Новгород, 2003 г.

— Какие качества характера двигали вас по карьерной лестнице?

— Начисто исключаю карьеризм, хотя здоровое честолюбие... Почему бы и нет? У меня никогда не было «мохнатой лапы», протекции. За всю трудовую деятельность я единожды писал заявление о принятии меня на работу. Далее все шло естественным путем. Своими основными качествами я считаю работоспособность, честное отношение к делу, верность и порядочность. На сегодняшний день именно порядочность из всех качеств личности я считал бы определяющей.

— На какой из должностей верхнего эшелона власти вам удалось наиболее полно реализовать свои деловые и человеческие качества?

— Моя политическая карьера началась с должности секретаря обкома комсомола. И в этой нише я «крутился» и самореализовывался продолжительное время, включая Комитет молодежных организаций СССР, где я уже на политическом уровне занимался вопросами интеграции прогрессивных молодежных движений всего мира. Во главу угла тогда ставились следующие задачи: укрепление мира между народами, стабильность и процветание развивающихся стран, всемерное ограничение гонки ядерных вооружений и т. п. Этими же вопросами я, как уже вполне созревший, а вернее, состоявшийся профессиональный политик-международник занимался и в профсоюзах. Второй важной проблемой была социальная защита прав граждан СССР, так как в это время уже велась горбачевско-ельцинская кампания по развалу великой страны и обнищанию просто го народа.

ГОРЯЧИЙ АВГУСТ ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО

На протяжении всех лет «после ГКЧП» мне довольно часто, в разных вариациях, задают вопрос: «Как же так! Клянешь Горбачева на чем свет стоит, а сам все время его поддерживал. Неужто не видел, куда он вел страну?».

Отвечал и отвечаю: поддерживал не во всем и не всегда, это раз. Во-вторых, политика — это, как известно, искусство возможного. А возможности нередко бывают таковы, что из двух зол приходится выбирать меньшее. Ведь какой-то реальной третьей силы в СССР тогда не было, а были Горбачев и Ельцин с их «команда ми». Следовательно, выбор приходилось делать исключительно между ними. А в-третьих, мне и сейчас порой кажется, что в душе Горбачев вовсе не желал развала Союза. Этому горе-президенту, что бы о нем ни думали, хотелось сохранить за собой «трон», и за власть Горбачев цеплялся из последних сил. Другое дело, коготок у него увяз, вследствие чего ему приходилось изворачиваться, «лабиринтировать». Вот и «долавиривался» — и власть потерял, и страну погубил, и несмываемым позором себя покрыл на веки вечные...

Ввязываясь в эту историю с созданием ГКЧП, мы все прекрасно понимали, что Горбачева надо было сохранить при власти. Хотя бы потому, что, отстранив его от руководства страной, мы, по сути, обрекли бы ее на экономическую и политическую изоляцию (как это ни постыдно, СССР уже не мог обходиться без финансовой помощи из-за рубежа, а генсек-президент все еще пользовался поддержкой крупнейших мировых держав). Отдавали мы себе отчет и в том, что рисковали буквально всем. В лучшем случае, то есть в случае одобрения наших действий Горбачевым, он бы вернулся в столицу и приступил к управлению государством в условиях чрезвычайного положения. Однако, зная горе президента, мы предполагали, что, скорее всего, он нас «продаст» и самой завидной участью для членов ГКЧП станет либо выращивание морковки на загородных дачах, либо «почетные миссии» дипломатов в третьеразрядных африканских странах. В худшем случае, допускали мы все, нас просто-напросто уничтожат без суда и следствия, и наши самые «демократические» в мире средства массовой информации такой исход сочтут вполне нормальным...

Признаюсь честно, я довольно долго колебался, не решаясь подписывать проект документа о введении чрезвычайного положения в стране. А узнал о нем, видимо, самым последним среди всех его организаторов...

16 августа в Концертном зале имени Чайковского, на торжественном собрании, посвященном Дню авиации, мы сидели в президиуме вместе с О.Баклановым и Д.Язовым. И хотя они, судя по всему, уже были в курсе всех «чрезвычайных» приготовлений, мне ничего о них не сказали. На следующий день в московском гостевом доме политической разведки проводили совещание председатель КГБ В.А.Крючков, премьер-министр В.С.Павлов, министр обороны Д.Т.Язов, руководитель аппарата Президента СССР В.И.Болдин, секретари ЦК КПСС О.С.Шенин и О.Д.Бакланов, заместители министра обороны генералы В.И.Варенников и В.А.Ачалов, заместитель председателя КГБ генерал В.Ф.Грушко. Они решили направить в Форос к Горбачеву делегацию, со стоявщую из наиболее близких к нему людей, чтобы проинформировать о крайне сложной обстановке в стране и предложить ему ввести чрезвычайное положение.

Вместе с руководителем президентского аппарата В.Болдиным, заместителем председателя Совета обороны СССР В.Болдиным, секретарем ЦК КПСС О.Шениным, командующим сухопутными войсками СССР В.Варенниковым, руководителем 9-го

Управления КГБ Ю.Плехановым в Крым прилетели генерал В.Генералов, с ним шесть человек из личной охраны Горбачева и пять связистов...

Положение дел с охраной Горбачев прекрасно знал и контролировал лично. Более того, у него была абсолютно полная возможность покинуть дачу в любое время и любым путем: по суше, по воде, по воздуху... Вопреки фактам, вопреки истине Горбачев утверждает: «Путчисты наглухо блокировали меня от внешнего мира, причем и с моря, и с суши. По сути психологическое давление»... Если бы его запугивали, разве предложили бы ему полететь немедленно в Москву и там разбираться в ситуации и принимать меры. Но, сказавшись нездоровым, Горбачев от возвращения в Москву отказался. Была у Горбачева возможность пользоваться радиосвязью, связью по телефону, включая спутниковую связь. Не воспользовался, т. к. выжидал, рассчитывал — чья возьмет, чью сторону поддержать, чтобы остаться на политическом Олимпе. То, что связь была, подтвердил в своем интервью один из руководителей коллектива, участвовавшего в создании системы связи в Форосе. В декабре 1991 г. он прямо заявил, что утверждения о полном отключении связи Фороса с внешним миром — выдумка. Этого не может быть даже при ядерном взрыве...

(Г. Янаев. Август 1991: мифы и реальность)

Восемнадцатого, в воскресенье, мне позвонил в Кремль старый, хороший приятель, бывший главный редактор одной из всесоюзных газет, и позвал в гости. Он был после инсульта, нуждался в лекарствах. Я привез ему требуемые снадобья, сели за стол, выпили по рюмке коньяку, повели задушевную беседу. Вдруг пришел из машины начальник охраны и доложил: «Павлов звонит, просит с ним связаться». Я охраннику: спасибо, мол, скажите ему, что свяжусь с ним попозже. У меня в тот момент и мысли не возникло, что этот звонок председателя правительства обусловлен какими-то экстраординарными обстоятельствами, — с Павловым созванивались часто и далеко не всегда по каким-то неотложным делам. Посему продолжили с приятелем наше нехитрое застолье. Примерно через час снова появился начальник охраны: «Крючков звонит...». Тут уж стало ясно: происходит что-то необычайное. Подошел к телефону в машине, взял трубку и услышал голос председателя КГБ: «Геннадий Иванович, мы вас ждем в Кремле, в кабинете Валентина Сергеевича Павлова».

Приехал в Кремль, вошел в премьерский кабинет и увидел там внушительную группу, так сказать, высоко поставленных советских руководителей.

В.А.Крючков, не мешкая, ввел в курс дела:

— Группа уполномоченных нами товарищей летала в Крым к Горбачеву. Михаилу Сергеевичу было сказано: наше терпение лопнуло, надо срочно принимать чрезвычайные меры в стране.

Еще Владимир Александрович сообщил, что нормальный разговор у посланников с Горбачевым, в общем-то, не склеился, однако на прощание он им обронил: мол, черт с вами, делайте, что хотите, только созовите Верховный Совет СССР. Меня все эти новости буквально ошарашили, и перво-наперво я спросил:

— А где те, кто к Горбачеву летал?

— В самолете. Возвращаются в Москву. Ждем их прибытия. Действительно, через некоторое время они появились в кабинете председателя правительства и рассказали о своей встрече с президентом СССР. Этот рассказ меня, мягко говоря, не вдохновил, не обрадовал. И в ответ на обращенный ко мне призыв принять на себя временное исполнение обязанностей главы государства я поначалу решительно отказался: «Нет, уважаемые товарищи, не стану брать на

себя такую ответственность. Вы представляете, какова будет реакция в стране и мире, какие вопросы начнут задавать: куда подевали Горбачева, что с ним, на каком основании за руль государства уселись?! Ведь уже следующим утром всполошатся, зарычат и завоюют так, что никому мало не покажется! Простите, конечно, но от подобной чести меня, пожалуйста, избавьте. — Еще не вполне оправившись от смятения (скорее даже шока), я с некоторой надеждой посмотрел и тем самым обратил взгляды собравшихся на председателя Верховного Совета СССР. — Анатолия Ивановича Лукьянова главным назначьте. Он как-никак высшим органом власти у нас в стране руководит...»

И тогда Валерий Иванович Болдин, только что вернувшийся из Фороса, эдак философски-флегматично изрек: «Ну что ж, Геннадий Иванович, придется действовать без вас. Вот только шансы на то, что завтра же окажемся арестованными, очень близки к стопроцентным»...

Дальше меня уговаривать не потребовалось. Шел первый час ночи. Я взял ручку и подписал все документы о создании ГКЧП. Из них наиболее характерный, показательный (по крайней мере с точки зрения истории) — «Обращение к советскому народу».

ОБРАЩЕНИЕ К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР

18 августа 1991 г.

Соотечественники! Граждане Советского Союза!

В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М.С.Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие на селения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна по существу стала неуправляемой.

Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства, захват власти любой ценой. Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества. Циничная спекуляция на национальных чувствах — лишь ширма для удовлетворения амбиций. Ни сегодняшние беды своих народов, ни их завтрашний день не беспокоят политических авантюристов. Создавая обстановку морально-политического террора и пытаясь прикрыться щитом народного доверия, они забывают, что осуждаемые и разрываемые ими связи устанавливались на основе куда более широкой народной поддержки, прошедшей к тому же многовековую проверку историей. Сегодня те, кто, по существу, ведет дело к свержению конституционного строя, должны ответить перед матерями и отцами за гибель многих сотен жертв межнациональных конфликтов. На их совести искалеченные судьбы более полумиллиона беженцев. Из-за них потеряли покой и радость жизни десятки миллионов советских людей, еще вчера живших в единой семье, а сегодня оказавшихся в собственном доме изгоями. Каким быть общественному строю, должен решить народ, а его пытаются лишить этого права.

Вместо того чтобы заботиться о безопасности и благополучии каждого

гражданина и всего общества, нередко люди, в чьих руках оказалась власть, используют ее в чуждых народу интересах, как средство беспринципного самоутверждения. Потоки слов, горы заявлений и обещаний только подчеркивают скудость и убогость практических дел. Инфляция власти, страшнее, чем всякая иная, разрушает наше государство, общество. Каждый гражданин чувствует растущую неуверенность в завтрашнем дне, глубокую тревогу за будущее своих детей.

Кризис власти катастрофически сказался на экономике. Хаотичное, стихийное скольжение к рынку вы звало взрыв эгоизма — регионального, ведомственного, группового и личного. Война законов и поощрение центробежных тенденций обернулись разрушением единого народнохозяйственного механизма, складывавшегося десятилетиями. Результатом стали резкое падение уровня жизни подавляющего большинства советских людей, расцвет спекуляции и теневой экономики. Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком времени неизбежен голод и новый виток обнищания, от которых один шаг до массовых проявлений стихийного недовольства с разрушительными последствиями. Только безответственные люди могут уповать на некую помощь из-за границы. Никакие по дачки не решат наших проблем, спасение — в наших собственных руках. Настало время измерять авторитет каждого человека или организации реальным вкладом в восстановление и развитие народного хозяйства.

Долгие годы со всех сторон мы слышим заклинания о приверженности интересам личности, заботе о ее правах, социальной защищенности. На деле же человек оказался униженным, ущемленным в реальных правах и возможностях, доведенным до отчаяния. На глазах теряют вес и авторитет все демократические институты, созданные народным волеизъявлением. Это результат целенаправленных действий тех, кто, грубо попирая Основной закон СССР, фактически совершает антиконституционный переворот и тянется к необузданной личной диктатуре. Префектуры, мэрии и другие противозаконные структуры все больше явочным порядком подменяют собой избранные народом Советы.

Идет наступление на права трудящихся. Права на труд, образование, здравоохранение, жилье, отдых поставлены под вопрос. Даже элементарная личная безопасность людей все больше и больше оказывается под угрозой. Преступность быстро растет, организуется и политизируется. Страна погружается в пучину насилия и беззакония. Никогда в истории страны не получали такого размаха пропаганда секса и насилия, ставящих под угрозу жизнь и здоровье будущих поколений. Миллионы людей требуют принятия мер против спрута преступности и вопиющей безнравственности.

Углубляющаяся дестабилизация политической и экономической обстановки в Советском Союзе подрывает наши позиции в мире. Кое-где посылались реваншистские нотки, выдвигаются требования о пере смотре границ. Раздаются даже голоса о расчленении Советского Союза и о возможности установления международной опеки над отдельными объектами и районами страны. Такова горькая реальность. Еще вчера советский человек, оказавшийся за границей, чувство вал себя гражданином влиятельного и уважаемого государства. Ныне он зачастую иностранец второго класса, обращение с которым несет печать пренебрежения или сочувствия.

Гордость и честь советского человека должны быть восстановлены в полном объеме.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса. Мы обещаем провести широкое всенародное обсуждение проекта нового Союзного договора. Каждый будет иметь право и возможность в спокойной обстановке осмыслить этот важнейший акт и определиться по нему, ибо от того, каким станет Союз, будет зависеть судьба многочисленных народов нашей великой Родины.

Мы намерены незамедлительно восстановить законность и правопорядок, положить конец кровопролитию, объявить беспощадную войну уголовному миру, искоренять позорные явления, дискредитирующие наше общество и унижающие советских граждан. Мы очистим улицы наших городов от преступных элементов, положим конец произволу расхитителей народного добра. Мы выступаем за истинно демократические процессы, за последовательную политику реформ, ведущую к обновлению нашей Родины, к ее экономическому и социальному процветанию, которое позволит ей занять достойное место в мировом сообществе наций. Развитие страны не должно строиться на падении жизненного уровня населения. В здоровом обществе станет нормой постоянное повышение благосостояния всех граждан. Не ослабляя заботы об укреплении и защите прав личности, мы сосредоточим внимание на защите интересов самых широких слоев населения, тех, по кому больше всего ударили инфляция, дезорганизация производства, коррупция и преступность. Развивая многоукладный характер народного хозяйства, мы будем поддерживать и частное предпринимательство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг. Нашей первоочередной заботой станет решение продовольственной и жилищной проблем. Все имеющиеся силы будут мобилизованы на удовлетворение этих самых насущных потребностей народа. Мы призываем рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, всех советских людей в кратчайший срок восстановить трудовую дисциплину и порядок, поднять уровень производства, чтобы затем решительно двинуться вперед. От этого зависит наша жизнь и будущее наших детей и внуков, судьба Отечества.

Мы являемся миролюбивой страной и будем неукоснительно соблюдать все взятые на себя обязательства. У нас нет ни к кому никаких притязаний. Мы хотим жить со всеми в мире и дружбе, но мы твердо заявляем, что никогда и никому не будет позволено покушаться на наш суверенитет, независимость и территориальную целостность. Всякие попытки говорить с нашей страной языком диктата, от кого бы они ни исходили, будут решительно пресекаться.

Наш многонациональный народ веками жил исполненный гордости за свою Родину, мы не стыдились своих патриотических чувств и считаем естественным и законным растить нынешнее и грядущее поколения граждан нашей великой державы в этом духе. Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое Отечество в будущем независимым и процветающим, должен сделать единственный правильный выбор. Мы зовем всех истинных патриотов, людей доброй воли положить конец нынешнему смутному времени. Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной.

ной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса.

Конструктивные предложения общественно-политических организаций, трудовых коллективов и граждан будут с благодарностью приняты как проявление их патриотической готовности деятельно участвовать в восстановлении вековой дружбы в единой семье братских народов и возрождении Отечества.

Той же ночью мы договорились о том, что по возвращении Ельцина из Казахстана (19 августа) в Чкаловском его встретят Язов и Бакланов, которые должны объяснить Президенту РСФСР особенности качественной новой ситуации, уяснить его реакцию на происходящее и предупредить о серьезности предпринимаемых шагов по наведению порядка в стране. Однако запланированная поездка в аэропорт не состоялась. И, как потом выяснилось, она могла бы стать совершенно бесполезной: Борис Николаевич прилетел в таком «разобранном виде», что какие бы то ни было консультации с ним были просто-напросто невозможны. Разве что после его длительного пребывания в барвихинском «естественном вытрезвителе» с Ельциным имело смысл вести какой-то диалог. Однако времени у министра обороны и первого заместителя Совета обороны на это не было — ситуация в Москве все более обострялась, возле здания Верховного Совета РСФСР (т. н. «Белого дома») стремительно разрастался, усиливался «демократический» шабаш. Режим чрезвычайного положения требовал введения комендантского часа на ночное время и запрета некоторых изданий, возбуждавших небывалую истерию и игнорировавших наши призывы к спокойствию и соблюдению законности.

А вот дальше наши действия, увы, подчинились порочной логике демонстративного противостояния с ельцинскими органами власти. Началась бессмысленная борьба указов и постановлений: мы издаем — они отменяют, они издают — мы отменяем. На это «перетягивание одеял и канатов» уходило драгоценное время, которое, как говорится, работало отнюдь не на нас. Почему все так сложилось? Наверное, прежде всего потому, что мы, члены ГКЧП, в столь «нештатных» условиях оказались впервые и были к ним слишком слабо подготовлены. И эта слабость, неуверенность, половинчатость в принятии решений, которых, несомненно, ждало советское общество, не могли не сказаться на его умонастроениях в августовские дни 1991-го.

С другой стороны, откладывать-отступать нам было уже некогда и некуда.

Могли ли на нашем месте другие люди действовать более эффективно? Трудно сказать. Скорее всего — нет. Ведь кризис власти, о котором говорилось в «Обращении к советскому народу», подобно раковой опухоли, дал метастазы везде, правовой нигилизм колоссальной волной захлестнул всю огромную державу.

Как бы там ни было, в первый день объявленного в СССР чрезвычайного положения из каждой тысячи телеграмм, полученных мной в Кремле, 700-800 приходились в поддержку ГКЧП, 20 августа — уже фифти-фифти, а 21-го история с ГКЧП, по сути, завершилась...

Впоследствии мне рассказывали о том, как, узнав о создании нашего Комитета, во многих краях, областях и республиках партийные и советские руководители устраивали нешумные «банкеты», на которых дружно провозглашали тосты за «успех нашего безнадёжного предприятия». Мы же в это время начинали со всей очевидностью понимать, что Ельцин и его присные не побрезгают никакой провокацией. И постараются во что бы то ни стало повязать нас по рукам и ногам кровавыми путами невинных жертв. Действительно, кровь пролилась — в ночь с двадцатого на двадцать первое августа 1991 года погибли три последних «Героя Советского Союза». Не буду касаться их морального облика и поведения в ту трагическую ночь, ибо «мертвые сраму не имут». Замечу лишь, что эти смерти — явно не на нашей совести.

Бронемашины с их экипажами, ставшие невольными участниками этой трагедии, двигались, никому не угрожая, по Садовому кольцу. И не к «Белому дому», а к исходным позициям.

Инцидент произошел около полуночи (с 20 на 21 августа). В районе Белого дома начались передвижения войск. Одна из военных колонн бронетехники, присланных в Москву по приказу ГКЧП, следовала от Белого дома. На въезде в тоннель под Новым Арбатом на Садовом кольце в районе улицы Чайковского (ныне Новинский бульвар), перекрытом баррикадами, сооруженными сторонниками правительства и Президента РСФСР Бориса Ельцина, произошли столкновения военных с толпой...

Как заявил журналистам генерал-лейтенант Николай Смирнов (военный комендант Москвы с 1988 по 1999 год), военнослужащие, находившиеся в колонне, не имели приказа штурмовать Дом Советов РСФСР. Колонна перемещалась в соответствии с по рядом о комендантском часе, объявленном членами ГКЧП и наступившем с 23 часов, и двигалась на Смоленскую площадь с целью проведения дежурства и патрулирования.

Колонну попытались остановить. Дальнейший проезд по Садовому кольцу был заблокирован сдвинутыми троллейбусами. В момент выезда из тоннеля в БМП полетели камни и бутылки с зажигательной смесью. Находившиеся на броне военнослужащие получили различные ранения... Первые 6 машин прорвались через баррикаду. 7-ю машину (БМП № 536) толпа заблокировала вновь сдвинутыми троллейбусами. На броню вскочили молодые люди, набросили на приборы наблюдения брезент. Трое защитников «Белого дома», Дмитрий Комарь, Илья Кричевский и Владимир Усов, погибли. Комарь, набрасывая брезент на смотровые щели БМП, зацепился за него и, когда машина сделала резкий маневр, разбил себе голову. Усов был убит рикошетом от предупредительных выстрелов. А Кричевский — выстрелом в голову...

Когда демонстранты, пытаясь остановить движение БМП в сторону Смоленской площади, облили бензином (огневой смесью) БМП № 536, и машина загорелась, то покинувший ее экипаж стал под градом камней и металлических прутьев пере бегать к соседним БМП. Во время посадки в БМП № 521 двое из членов экипажа горевшей машины, прикрывая отход товарищей, делали предупредительные выстрелы в воздух. В этот момент Кричевский ринулся к БМП и получил сквозное смертельное ранение в голову.

Комарь, Кричевский и Усов посмертно получили звания Героев Советского Союза, против военных было возбуждено уголовное дело. После четырех месяцев следствия экипаж БМП № 536 оправдан... Уголовное дело в отношении командиров и членов экипажей бронетехники прекращено постановлением прокуратуры г. Москвы от 20.12.1991 «За отсутствием состава уголовно наказуемого деяния».

(По материалам интернет-справочника «Википедия»)

После гибели в центре Москвы трех молодых людей стало окончательно ясно: спасение государства посредством создания ГКЧП закончилось провалом. Одна из основных его причин — раскол, произошедший в некогда единой и непобедимой Советской армии. В ее руководстве еще оставались те, кто был верен присяге, воинской дисциплине, своей советской Родине. Но уже немало завелось и таких, для кого эти высокие понятия были совершенно пустыми, бессодержательны ми звуками. Маршал Е. Шапошников, генералы П. Грачев и А. Лебедь, как мне

видится, не считали для себя обязательным сохранять верность присяге, блюсти офицерскую честь. С оперативных совещаний, проходивших в дни работы ГКЧП у министра обороны, эти господа (в то время «товарищи») бежали с докладами к Ельцину и Руцкому. Это было самым настоящим предательством, изменой советской социалистической Родины и воинскому долгу. Танки и бронемашин, брошенные Лебедем и Грачевым на «оборону «Белого дома», их услужливые реверансы перед Ельциным, разумеется, способствовали дальнейшему карьерному росту этих генералов в постсоветской России. Однако можно ли сказать, что соотечественники вспоминают о них с почтением и признательностью? Ну, может, кто-то и вспоминает, вот только год от года число таких благодарных граждан резко уменьшается, неуклонно стремясь к нулю.

По сию пору распространяются глупые домыслы о якобы сорванной «ельцинскими» генералами попытке штурма «Белого дома» в те августовские дни. Ответственно свидетельствую: никаких попыток штурмовать что-либо тогда не предпринималось. С Ельциным же об этой выдуманной «боевой операции» мы говорили по телефону приблизительно в таких выражениях:

— Геннадий Иванович, мне доложили, что вы намерены штурмовать «Белый дом». Не делайте этого, прольется много крови. Взвесьте все еще раз, не допускайте непоправимого...

— Борис Николаевич, ни о каком штурме не может быть и речи. Если вам что-то показалось, привиделось или послышалось, если вас обуял безотчетный страх, приготовьте на всякий случай лишний комплект нижнего белья. Его использование вами может стать самым страшным происшествием для «защитников Белого дома»...

Мне часто задают вопрос: зачем надо было вводить в Москву военную технику? Я отвечаю: было введено чрезвычайное положение, а в соответствии с законом о нем немедленно включается его военная компонента. У командующего заранее лежат пакеты, предусматривающие, что им делать в случае ЧП. На заседаниях ГКЧП не обсуждалось, какая часть войдет в Москву, с какой техникой. Когда 19 августа я поехал на пресс-конференцию и увидел танки, то на заседании ГКЧП мы договорились о выводе их из города. 20 августа танки стали выходить из Москвы. Дольше всех они стояли у Белого дома. Но это были уже танки не Язова, а те, которые Грачев и Лебедь ввели по просьбе Ельцина для защиты его от ГКЧП. Ввод войск объяснялся одним — нельзя было допустить провокаций, надо было взять под защиту важнейшие народнохозяйственные объекты. Например, те же водоемы, которые снабжают Москву водой; любому провокатору ничего не стоило отравить водоем. А потом мы знали, с кем имеем дело, отдавали себе отчет в том, что наши противники могут пойти на все...

Если бы мы были такими же политическими циниками, как Ельцин, который на глазах у всего мира расстрелял из танков собственный парламент, мы бы, наверное, взяли штурмом Белый дом. Но у нас были другие задачи. Мы не хотели воевать со своим народом.

(Г. Янаев. Август 1991: мифы и реальность)

Разумеется, у меня были все необходимые полномочия для ответственных заверений Ельцина в том, что его жизни и «драгоценному» здоровью абсолютно ничего не грозило (кроме разве что его личных гастрономических и прочих пристрастий). Ведь без решения ГКЧП ни Язов, ни любой другой военачальник не могли отдать приказ о штурме Дома Советов РСФСР. Это потом многие генералы и офицеры били себя кулаками в широкие груди, заявляя: мы,

дескать, никогда и ни за что не стали бы выполнять «преступные приказы», от кого бы они ни исходили.

Так и подмывает порой осадить этих «вольнодумцев»: «Да никуда бы вы не делись, пока погоны на плечах носите. Ваше дело — неукоснительно выполнять приказы, а не обсуждать их перед телекамерами и микрофонами!». А то, что Грачев (по «странному стечению обстоятельств» ставший при Ельцине министром обороны РФ) и Лебедь воинскую честь растоптали, испохабили, не может служить достаточным основанием для полного разложения в армии, будь то армия советская или постсоветская.

С 19 по 21 августа я по два раза в день проводил заседания ГКЧП. Председатель правительства В.Павлов, к сожалению, побывал лишь на одном из них. За тем сказался больным и слег с гипертоническим кризом. Его первый заместитель Догужиев, казалось, принял на себя обязанности главы кабинета министров, но мои распоряжения фактически саботировал. А поручил я ему принять экстренные правительственные меры по снижению цен на детские товары, продовольствие и другую продукцию повышенного спроса, а так же по всемерному обеспечению сельскохозяйственных работ (ведь была в разгаре уборочная кампания). Впоследствии некоторые явно «недружелюбно» настроенные граждане пытались попрекать меня этими, на их взгляд, чисто популистскими (и, к огромному для меня сожалению, невыполненными) поручениями. Отвечал я этим «оппонентам» примерно так: «Популизм — это когда провозглашают одно, а делают нечто совершенно противоположное. К примеру, «борьба» вашего кумира Ельцина с привилегиями... Действия же властей, направленные на улучшение жизни народа, не только облегчают его трудное существование, но и укрепляют государство. Снижение цен, на взгляд обычных людей, — несомненное благо (лучше всех это понимал Сталин), а повышение — несомненное зло. Вот какую простую истину не мешало бы вам всем уяснить»...

С Догужиевым у меня вроде бы сложились к тому времени весьма неплохие профессиональные и товарищеские отношения. В свое время мы по поручению Горбачева совместно корпели «денно и ночью», в частности, над разработкой схемы кабинета министров и, можно сказать, сдружились. Но друзья, как известно, в беде познаются...

Когда провал операции по спасению Советского Союза стал очевиден для всех, я позвонил этому «другу» и сказал ему: «Спасибо тебе за неоценимую помощь в нашем общем правом деле. Ведь наше дело правое, не так ли? Вот только отчего-то победа не за нами. Наверное, потому, что без иуд-предателей в этом деле явно не обошлось...».

Геннадий Янаев был в состоянии к 19 августа 1991 года заблокировать, к примеру, все выходы и входы в метро, наладить патрулирование улиц Москвы, не допустить того, чтобы народ собрался у Белого дома. Янаев мог, как это делает демократическая власть, разогнать толпы мирных людей омовскими дубинками, принять меры для того, чтобы народные депутаты России с периферии не смогли добраться до Москвы на чрезвычайную сессию Верховного Совета. По команде Янаева сотни и сотни людей могли бы в ночь с 18 на 19 августа на нужное время исчезнуть бесследно. Янаев мог сделать это и многое другое. Но...

Ничего подобного сделано им не было и не планировалось. Только потому, что Янаев, Крючков, Пуго и другие делать этого не хотели. Я расцениваю действия Янаева как акт гражданского мужества, героизма. Если же говорить об отношении общества к происходящим процессам... Сточки зрения правящей демократии, революция 1917 года считается чуть ли не величайшим злом. Хотя раньше вся страна считала наоборот. Что же касается событий августа 91-го, то государственные мужи, люди большого

мужества и совести, хотели спасти великую страну и ее народ от горя и нищеты. Не получилось. Несомненно, они войдут в историю как декабристы XX века.

(Абдулла Хамзаев, заслуженный юрист РФ, адвокат Г.И.Янаева в «деле ГКЧП»)

ВОПРОСЫ POST SCRIPTUM

— Геннадий Иванович, известно ли вам, кто из журналистов или литераторов писал «Обращение к советскому народу», ну или занимался его литературной обработкой?

— Ну, насколько мне известно (воззвание ГКЧП готовилось еще до того, как согласился войти в него), основной автор и у «Слова к народу», и у «Обращения к советскому народу» — один, замечательный писатель, публицист, трибун А.А.Проханов. Но это совсем не удивляет. Гораздо удивительнее другое. В разработке других документов, планов, операций ГКЧП принимал самое деятельное участие тогдашний командующий ВДВ Грачев, который, как заправский Труффальдино, умудрился послужить в те августовские дни сразу не скольким «господам». Сначала активно «помогал» Язову, а 20 августа открыто переметнулся к Ельцину. Употребляю слово «открыто» потому, что втайне Грачев обслуживал-информировал Ельцина, по всей видимости, еще до объявления о создании ГКЧП. Стоит ли после этого мучиться вопросом: отчего наше начинание завершилось крахом?..

— За время вхождения в высшее руководство страны у вас был, по-видимому, самый высокий уровень до пуска к секретным материалам. Если это возможно, в общих чертах расскажите, пожалуйста, что это были за секреты.

— Многие секреты содержались в той самой «Особой папке», которую всю использует в своих теле программах наверняка известный вам Л.Млечин. Не стану акцентировать *внимание* на «творчестве» этого журналиста, однако отмечу один любопытный факт. После Августа-91, когда ельцинские «демократы» упивались победой над союзным государством, многие секретные архивы, относящиеся к советской эпохе, были ими опрометчиво приоткрыты. Причем для исследователей самой разной политической и морально-нравственной ориентации. Тогда же уважаемый мной историк Юрий Жуков почерпнул немало сведений для своих, основанных на подлинных документах, книг. «Поработали» с этими архивами, само собой, и всякие-разные волгогоновы. Когда же ельцинисты осознали, насколько опасна для них правда о прошлом нашей страны, они, как ни в чем не бывало, опять засекретили мегатонны официальных бумаг.

— Вы никогда не задумывались над таким довольно «странным» в нашей новейшей истории феноменом, как вице-президентство? «Странность» его в следующем. Два вице-президента, вы и Руцкой, брали на себя в августе 91-го и в сентябре — октябре 93-го временные президентские полномочия, и оба раза это заканчивалось историческими «белодомовскими» событиями. Правда, вопреки известному афоризму, в первый раз инцидент больше походил на фарс (хотя и с привнесенными элементами трагедии), во второй же завершился самой настоящей трагедией — чудовищным расстрелом защитников «Белого дома». После той кровавой расправы вице-президентство приказало у нас долго жить...

— Я, конечно же, думал над этим любопытным совпадением. Действительно, в истории страны только мы с Руцким были вице-президентами. Причем в августе 91 находились, как говорится, по разные стороны баррикад. Ну что тут можно сказать... Такие совпадения, как правило, бывают обусловлены какими-то объективными или субъективными причинами. Я понимал, что Горбачев толкал страну к пропасти. Руцкой, по-видимому, в 1993-м осознал, что Ельцин в этом плане ничем не лучше Горбачева. Примешивались ли тут какие-то личностные

факторы — тщеславие, властолюбие и т. п.? В случае со мной — однозначно нет. За Руцкого говорить не стану, пусть он сам за себя отвечает.

В связи с этими событиями весьма примечательны и другие обстоятельства. Например такое. Многие из тех, кто в августе 1991 года были, по сути, «защитниками Белого дома» в кавычках, в начале октября 93-го от этих кавычек (к сожалению или даже прискорбию) «избавились». Кто-то — ценой собственной жизни, тяжелого ранения или глубочайшей морально-психологической травмы. И как бы наши сограждане ни относились и к тому и к другому противостояниям, в обоих принимали участие прекрасные романтики, героические идеалисты, настоящие патриоты, истинно неравнодушные люди. Хотя и мерзавцев-provokаторов там тоже наверняка было немало...

РЕТРОСПЕКТИВА

Павел Коробов, «Коммерсант», 18 августа 2001 г.

— Так что, идея создания ГКЧП принадлежала Горбачеву?

— Горбачев не отвергал эту идею. Более того, за день до его отпуска, 3 августа, было заседание кабинета министров. Президент как глава исполнительной власти присутствовал на нем. Министры тогда прямо говорили, что страна катится в пропасть, что необходимо принимать меры. Горбачев же сказал, что «мы не позволим развалить Советский Союз, будем принимать все меры вплоть до введения чрезвычайного положения». Вот с этими словами Горбачев улетел в Форос. И тот документ, который был нами обнародован 19 августа, — это один из вариантов, который готовился для Горбачева. И когда группа товарищей прилетела 18 августа в Форос, Горбачев не сказал, что не надо вводить чрезвычайное положение. Он сказал, что «надо меры принимать, но вы поймите меня, я не могу в этом участвовать». Почему? Ему было выгодно нашими руками решить все свои проблемы, включая проблему Ельцина.

Олег Капитанов. Интервью с Г.И.Янаевым. «Ленинская смена», Нижний Новгород, 27 февраля 1993 г.

— У вас было много времени для раздумий... Если бы повторилось 18 августа 1991 года, вы поступили бы также?

— По мотивации — да, но действовал бы по-другому. Все дело в том, что мы не руководствовались логикой путча. Да и вообще какой может быть заговор, когда вице-президент ничего еще не знает, а в Форосе уже идут переговоры с Горбачевым... Узнав о том, что произошло в Форосе, об изоляции или самоизоляции президента Горбачева, я совершил тогда, в августе-91, как гражданин Союза и вице-президент, Поступок с большой буквы и несколько не жалею об этом. Ситуация была такова, что как только 20 августа подписывался бы Союзный договор — Союз исчезал как таковой. И принимать решительные меры по спасению великой страны дол жен был в первую очередь президент... Горбачев самоустранился от дел, я тоже бы мог отойти в сторону, но это была бы подлая и трусливая позиция, позиция Горбачева. В условиях крайней необходимости я взял на себя ту грязную работу, которую не взял Горбачев...

— Вернемся к первым дням «путча», к тому, что связано со штурмом Белого дома...

— Кроме декларации мы, увы, ничего не сделали... Белый дом... Мы даже по мелочи ничего не сделали. Уж при желании хотя бы свет и канализацию у Ельцина могли отключить. Да если уж на то пошло, приведу такой факт. Мои телефоны, как выяснилось, начали прослушивать уже 16 августа, а у Ельцина только с утра 19-го. Когда Ельцин (в 6 часов 30 минут утра) уже знал о всех первых решениях ГКЧП, ему позвонил тогда командующий ВДВ всего Союза, нынешний министр обороны Грачев. Они с Ельциным познакомились, когда Борис в свое время разъезжал по военным частям, и тогда очень хорошо спились или спелись. Так вот Грачев говорит тогда

Ельцину по телефону: «Имейте в виду, ВДВ против вас не пойдут, я направлю к вам генерала Лебедея с танками для охраны Белого дома. Но нам нужны гарантии...». Ельцин тогда пообещал обоим хорошие должности. В общем, Ельцин абсолютно точно знал, что никакой атаки не будет, чувствовал себя спокойно — при такой-то поддержке. Не надо было нам выводить на улицу танки... Ведь весь этот психоз — «ГКЧП сейчас начнет стрелять» — нагнетался и был выгоден Ельцину. Людей будоражили те, кто был в Белом доме, это дела лось вполне сознательно...

— Так получилось, что вы в глазах миллионов граждан СССР явились тогда главным действующим лицом тех событий. Поэтому основной, волнующий всех граждан вопрос о вводе войск «повесили» на вас...

— Крючков, Язов, Пуго «зарядили» свои ведомства на полную готовность. Почему? Поступила информация: у Белого дома — 250 тысяч человек. Люди на электризованы слухами о готовящемся штурме. 20 августа я сообщил в Белый дом, что с нашей стороны мы не допустим кровопролития. У Белого дома было много людей, которые искренне пришли защищать себя и свое будущее. Потому что им сказали, дескать, ГКЧП хо чет вас уничтожить...

Павел Коробов, «Коммерсант», 18 августа 2001 г.

— А вдруг все-таки пришлось бы применить силу для наведения порядка?

— Я думаю, что элемент силы надо было продемонстрировать. Но никакого интернирования, никаких арестов не было бы. Я скажу, что и без силовых мер многие перетрусили. Мы столько получали заверений в лояльности! Вот, например, Ельцин с танка призвал народ к всеобщей политической забастовке. Но ведь ни одно предприятие не пошло на это.

Александр Головенко. Сборник «Августовская драма или правда об узниках "Матросской тишины"», 1991 — 1992 гг.

— Как, по-вашему, почему следствие возобновлено как раз после того, когда почти все арестованные закончили знакомиться с делом?

— С самого начала следствие, по-моему, столкнулось с большими трудностями. После 1937 года вроде таких процессов не было. Утрачивалась практика, нет «опыта». Зато есть политический заказ: Указ Президента РСФСР № 59 от 19 августа 1991 г. В нем он квалифицировал действия организаторов ГКЧП как «государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением». В Указе № 63 того же дня Б.Ельцин констатировал, что ряд лиц — Янаев, Павлов, Крючков, Пуго, Язов, Бакланов, Стародубцев, Тизяков — совершили тягчайшие преступления, нарушив ст.ст. 64,69 70-1 УК РСФСР. И далее утверждается, что указанные лица поставили себя вне закона. Эти указы нарушают Конституцию РСФСР (ст. 172), которая гласит: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом».

Таким образом, указами нарушено установленное в России разделение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Игнорировался тот факт, что группа руководителей Союза пошла на образование ГКЧП, как указывалось, в целях защиты жизненных интересов народов и граждан Союза ССР, независимости и территориальной целостности страны. Да, ГКЧП был создан как орган, не предусмотренный Конституцией СССР. Однако наши действия связаны с целым рядом предшествующих нарушений Конституции СССР, Конституции РСФСР высшими должностными лицами, что создавало реальную угрозу строю и целостности страны.

Но для «нашей» прокуратуры указ стал отправным политическим указанием. Уже 22 августа я был арестован по ст. 64 — «измена Родине»... В течение нескольких месяцев я и мои товарищи «подавались» общественному мнению в стране и за рубежом как «изменники Родине». Скажу, что для истинного патриота страны нет более тяжкого обвинения. Это было

мое первое «возведение» на юридическую Голгофу и первая «гражданская казнь».

Вопрос о чрезвычайном положении в стране достаточно длительное время, что называется, витал в воздухе. Хорошо помню, что еще в начале августа 1991 г. сам Горбачев на одном из заседаний Кабинета министров, которые в то время широко транслировались по телевидению и освещались в газетах, заявил, что в стране сложилась сложная, предкризисная социально-экономическая ситуация, требующая «чрезвычайных мер». И все восприняли это как должное.

Более того, позже стала известна стенограмма заседания Кабинета министров СССР от 3 августа 1991 г., которое состоялось за день до отлета Горбачева в Форос. В ходе этого заседания много говорилось о чрезвычайных мерах как средстве выхода из охватившего страну кризиса. Финансовая система к началу 1991 г. потерпела крах. Внутренний долг приближался к 940 млрд руб., то есть за время перестройки увеличился более чем в 6 раз. Причины этого, как заявил заместитель председателя Госбанка СССР, — непрофессионализм, не компетентность, нерешительность, отсутствие единой стратегии, популизм и цинизм тех, кто принимал решения в годы перестройки и уклонялся при этом от ответственности. Вот как закончил свое выступление генсек: «Поэтому нужны чрезвычайные меры, значит, чрезвычайные... Речь идет о том, что в чрезвычайных ситуациях все государства действовали и будут действовать, если эти обстоятельства диктуют чрезвычайные меры». И в завершение сказал: «Я завтра уеду в отпуск, с вашего согласия, чтобы не мешать вам работать»...

Янаев сообщил также Исаеву, что, прощаясь, Горбачев сказал членам делегации 19 августа: «Черт с вами, действуйте, но учтите, что я не хочу терять свой демократический имидж. Пусть Янаев возглавляет». И всем пожал руки. Позднее, правда, Горбачев открестился от этого и сказал, что его изолировали от управления страной. Однако, по свидетельству участников августовских событий, Горбачева никто не изолировал, он самоустранился и, как хитрый лис, ждал — чья возьмет. Ведь если, как утверждал Горбачев позднее, он не был согласен с введением в стране чрезвычайного положения, то почему же он не приказал охране арестовать прилетевших к нему членов делегации, по чему не удержал от этого шага участников ГКЧП, почему не вернулся срочно в Москву и не воспользовался своими конституционными полномочиями, чтобы воспрепятствовать введению в стране ЧП? Ждал и надеялся, что будет в выигрыше в любом случае, при любом исходе событий?

(Ю. Воронин. Стреноженная Россия. М.: Республика, 2003)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выступление В.И. Варенникова на процессе по делу ГКЧП

Против чего я и мои товарищи выступили в августе 1991 года? Против государственного переворота и разрушения СССР изнутри руками прозападных политиков, выполняющих команды из Вашингтона. Напомню высказывание бывшего директора ЦРУ Роберта Гейтца, напечатанное в «Известиях» 12.12.91 г.: «Мы понимали, что Советский Союз ни экономическим давлением, ни гонкой вооружений, ни тем более силой не возьмешь. Его можно было разрушить только взрывом изнутри».

Но почему у Запада такое неотступное влечение к Советскому Союзу, а сейчас — к его бывшим республикам, в первую очередь к России? Да потому, что здесь несметные природные богатства, без которых Западу в перспективе не обойтись, а Европа вообще задохнется через 10 — 15 лет. Плюс человеческие ресурсы с огромным природным даром. Однако, чтобы добраться до этих сокровищ, им надо было сломить нас. Что и вы полнено с помощью, а точнее — из-за предательства Горбачева, Яковлева и др.

Предвидя трагедию, мы предпринимали всяческие шаги по недопущению падения нашего государства. Бездействие Горбачева казалось в то время для нас результатом его ограниченных физических и умственных возможностей (власти дали больше, чем любому монарху, но он ею якобы не мог и не знал, как распорядиться). Некоторые объясняли это также и его нерешительностью, трусостью. Фактически все это действительно присутствовало. Но главное, как теперь ясно, в другом: бездействие было умышленным, и оно преследовало одну стратегическую цель — довести все процессы развала государства до такой степени, когда они уже будут необратимы. Чью волю выполнял Горбачев? Тогда нам еще не до конца это было ясно.

Главный враг, который дирижировал всем и все ми, в том числе Горбачевым, Шеварднадзе, Яковлевым и т.п., был не на ладони. Его надо было умело выделить, разоблачить и разгромить. Но этого не произошло. Горбачев не дал. И эта третья сила, воспользовавшись благоприятными условиями, подготовила и с по мощью предателей нашего Отечества провела взрыв Союза изнутри (впоследствии это многократно под твердил Р.Гейтц).

Эта сила, к которой никаких эффективных мер не было предпринято (о ее существовании только робко говорилось, в том числе и на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17.06.91 г.), и сейчас глубоко заинтересована в дальнейшем распаде нашего государства, в разграблении наших богатств и проведении в жизнь своих замыслов навсегда обосноваться в России, направляя, так сказать, ее дальнейшее развитие.

Что же это за сила? Это элита западных держав, в руках которых формирование внешней и внутренней политики плюс наша продажная компрадорская буржуазия, наши продажные политики и агенты влияния (собственно, это почти одни и те же лица).

Важно отметить, что на каждом этапе так называемого нашего развития за последние годы третья сила делает ставку и на соответствующего лидера. Я согласен с утверждениями тех средств массовой информации, которые сейчас говорят, что как в 1990 — 1991 годах Запад переориентировался с Горбачеева на Ельцина (там убедились, что «лучший немец» все-таки слабак), так и сегодня Запад уже начинает менять свои ориентиры.

Был ли у нас в стране путч, государственный пере ворот? Ответ однозначен: да, был! И, на мой взгляд, он имеет три этапа.

Первый этап — подготовительный. По времени он занял все годы перестройки до августовских событий 1991 года. В этот период определенными силами была создана идеологическая, социально-политическая, материально-техническая и даже кадровая основа для

изменения советского общественного и государственного строя, социалистической системы хозяйства и социалистического порядка. Начался развал государственности, хаос в экономике, стал в полный рост национализм. Все это видел ЦК КПСС. Но, воспитанные в духе беспрекословного подчинения генсеку, члены ЦК смотрели на него как загипнотизированные. Лишь отдельные лица могли, хотя и робко, говорить об этой ситуации. Что же касается Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, то эти органы тоже наблюдали сложившуюся картину, но, не имея в новом составе практики, опыта парламентской работы и борьбы, а также (что самое главное) представляя крайне неоднородных лиц по своим убеждениям в смысле способности отразить интересы народа, не могли предпринять каких-либо радикальных мер по пресечению смертельно опасных для страны тенденций. Хотя отдельные выступления были — в интересах нашего государства предлагалось Горбачеву сложить с себя обязанности Президента СССР. Но эти предложения развития не получили. И на вопрос государственного обвинения одному из подсудимых: «Управлял ли Горбачев страной единолично?» — я бы ответил только утвердительно! А все существовавшие в стране структуры были толь ко прикрытием. И он использовал это для развала государства.

Второй этап — промежуточный и очень короткий. Это фактически 19 и 20 августа 1991 года. Он был вспышкой и знаменуется выступлением руководителей высшего эшелона законодательной и исполнительной власти против распада государства. Это выступление явилось протестом против бездействия Горбачева по пресечению негативных тенденций, втягивающих страну в катастрофу, против подписания предательского нового Союзного договора, узаконивающего распад нашей страны. Но это выступление ничем и никак не обеспечивалось. Этим быстро воспользовалась псевдодемократия. В тот период были сброшены все маски, ликвидирована вся декорация, которой прикрывались псевдодемократические и профашистские (как в Литве) силы, рвущиеся к власти и уже ранее, в ходе пере стройки, пустившие в обществе глубокие корни.

Кроме того, в итоге этого периода были незаконно арестованы и посажены в следственную тюрьму все основные руководители законодательной и исполни тельной власти Советского Союза (кроме, разумеется, президента), уволен или отправлен в отставку ряд ответственных неугодных новому режиму работников. Что, конечно, нанесло ущерб государственности. Эйфория борьбы со всеми теми, кто отстаивал Конституцию, была максимальной! Этим был открыт путь к беспрепятственным, неограниченным и, что самое главное, незаконным и бесконтрольным действиям псевдодемократии.

Третий этап — основной. С 21 августа 1991 года и все последующие годы идет процесс политического, экономического, национального, физического распада Советского Союза, советской социалистической системы, ее экономической основы, единой культуры, науки, искусства, обороны. Кто же подготовил и осуществил этот переворот, а с ним и развал нашего государства? На первом этапе главенствующая роль, конечно, принадлежала Горбачеву и всем тем, кто вместе с ним непосредственно вел страну к катастрофе в течение всей перестройки.

На втором этапе — 19 и 20 августа — создалось, на мой взгляд, безвластие. Причина? Члены ГКЧП втянулись в тяжбу с Президентом РФ. Ельцин обвинял ГКЧП в антиконституционности его появления и действий, а также объявил членов ГКЧП преступниками, издал ряд указов, призвал народ к неповиновению, к всеобщей безвременной забастовке, к борьбе против ГКЧП, собирал по этому поводу у здания Верховного Совета РФ митинги, где разжигались страсти, прибегая к самым низменным методам. ГКЧП, включившись в эту перепалку, объявил все указы Ельцина неконституционными, а посему не имеющими законной силы. Кроме того, фактически все время и всю энергию ГКЧП затратил на поиск путей к погашению скандальной ситуации на Красной Пресне, вместо того чтобы эффективно

влиять на положение в стране.

Своим появлением и особенно действиями ГКЧП, не предвидя того, создал для сил, рвущихся к власти, исключительно благоприятную возможность и условия не только для смены политической декорации, но и для реальных действий по захвату власти. Гарантия была создана фактически абсолютная, и использована она была этими силами быстро, нахраписто, не считаясь ни с какими законами, приличием, нравственностью. И не встречая ни малейшего сопротивления — ни идеологического, ни тем более силового, потому что никто из членов ГКЧП не мог допустить и мысли, что они имеют дело с какими-то врагами, что может применяться насилие. Эта сила, к своему изумлению и радости, смогла (но это уже на третьем этапе) в течение нескольких дней разгромить все, что считала нужным. За три последующих месяца она окончательно закрепила свое властное положение.

А что же прежняя, союзная, власть? Оставшись без руководителей и преданная Горбачевым, она тихо и безропотно оставила всех и все (помещения, имущество, созданные всем Советским Союзом и на средства членов КПСС). Оставила и расплзлась по своим квартирам, как протоплазма, не принимая никакого участия в судьбе народа. Это позорно, стыдно! Но это факт. Самое же главное то, что ГКЧП не допускал в лице субъекта российской власти врага. Да и как можно было в своих соотечественниках, выросших и воспитанных вроде бы в равных условиях, имеющих на вооружении вроде бы одну идеологию, видеть врага? В то же время российское руководство ярлык врага на ГКЧП повесило и, используя полную свободу в применении средств массовой информации, обливало грязью членов комитета, призывая народ буквально к разгрому ГКЧП. Члены же ГКЧП, как и многие в стране, наивно полагали, что их врагами могут быть только те, кто посягает на интересы народа извне!

На третьем этапе решающую роль, конечно, сыграли организаторы беловежского сговора. При этом личное соперничество и даже вражда Ельцина и Горбачева предопределили судьбу Советского Союза. А ведь даже последовавшие за августом обстоятельства еще не говорили о развале — страна могла остаться в рамках конфедерации или даже новой Федерации. Но политики сделали все насильно!

Мне, как военному человеку, нельзя обойти вниманием Вооруженные Силы.

Во все годы перестройки все делалось Горбачевым только в ущерб стране и Вооруженным Силам, обороноспособности государства, а прокуратура не сделала ему даже замечания. То, что армию надо было сокращать (как и вооружения), это никогда ни у кого из военных сомнений не вызывало. Но то, что это надо было делать на условиях равной безопасности с Западом, а не односторонне, как фактически имело место, — это также всем было понятно. Но что было на самом деле и что у нас вызывало особое возмущение? Приведу лишь некоторые примеры.

Первый пример. О стратегических ядерных силах. Под лозунгами «нового мышления», «общечеловеческих ценностей» и якобы в целях «прорыва» в отношениях между Западом и Востоком подписали особо ущербный для Советского Союза договор о сокращении ракет меньшей и средней дальности. Мы сократили ли в 2,5 раза больше своих носителей и в 3,5 раза больше своих боеголовок в сравнении с США!

Совершенно непонятно, почему в число подлежащих уничтожению был включен ультрасовременный, превышающий все зарубежные аналоги по всем параметрам оперативно-тактический ракетный комплекс «Ока»? Ведь, кроме того, что в то время он только пошел в производство, перешли на это вооружение некоторые соцстраны и наши военные округа на Западе, что он стоил большого труда ученых и рабочих, что он обошелся народу в миллиарды рублей, — он просто по своим параметрам не подпадал под сокращение. И не должен был быть ликвидирован! Кто бы инициативу ни проявлял — Шульц или сам Горбачев с Шеварднадзе. Даже у многих американцев этот дикий шаг вызвал удивление — по договору подлежали

ликвидации ракеты наземного базирования с дальностью 500 км и выше (кроме межконтинентальных), а у «Оки-1» — до 400 км. Ведь это государственное преступление!

Второй пример. Преступлением является и то, что без ведома Верховного Совета передан американцам шельф с нефтью в Беринговом море. Это лишило наш Военно-морской флот районов рассредоточения в этих водах, а армию и погранвойска заставило пересматривать свои планы обороны. Не говоря уже о колоссальном материальном ущербе — запасы нефти на шельфе, как известно, соизмеримы с кувейтскими.

Третий пример. О сокращении обычных вооружений и Вооруженных Сил. Да, у нас сухопутных войск было больше, чем в США, и танков больше. Но у нас и с соседями сухопутная граница — десятки тысяч километров. Но Горбачев все-таки пошел почему-то на чрезвычайное сокращение, предложив американцам одновременно рассмотреть крупное сокращение своего ВМФ, который значительно превышает все флоты мира. Однако США не только не допустили обсуждения этого вопроса, но и как в насмешку над нами в 1992 году Буш присутствовал на церемонии ввода в строй нового авианосца.

Четвертый пример. О выводе наших войск с территории стран Восточной Европы и Монголии. Это не вывод, а позорное, трусливое бегство! Бегство в совершенно неподготовленные районы. Даже высокоразвитая, весьма экономически благополучная Канада выводит из Европы свою одну тысячу человек в течение 2 — 3 лет. А мы в год выводим по 100 — 120 тысяч.

В итоге все это нанесло колоссальный ущерб государству, нашей обороне. Итак, преступление совершено! Но его надо видеть не в измене Родине с целью за хвата власти членами ГКЧП и поддержавшими их лицами, а в измене Родине с целью не только нанесения ущерба государственной независимости, безопасности и обороноспособности, но и вообще полного развала Советского Союза, изменения его общественного и государственного строя. Причем людьми, которые и сей час продолжают вершить судьбы страны. Это особой, исключительной важности вопрос, которому суд, надеюсь, уделит должное внимание.

Считаю необходимым отметить, что прежняя Генеральная прокуратура РФ, выдвинув против меня (как и против других обвиняемых по делу ГКЧП) версию в измене Родине и заговора с целью захвата власти, сама стала заложницей этого обвинения. В этой обстановке, на мой взгляд, у Генпрокуратуры сейчас может быть два варианта действий.

Первый — совершенно бесперспективный — продолжать настаивать на том, что имела место попытка захватить власть, естественно, власть Советскую. И хотя совершенно ясно, что предмет обвинения отсутствует и все обвинение — это фантазия, но даже если это представить гипотетически, получается следующее.

Меня и всех нас обвинила еще Советская власть, советская прокуратура в захвате Советской власти, и обвиняемся мы, естественно, по советским законам. Но ведь сейчас нет Советской власти, и, следовательно, не может существующая власть жить по советским законам.

Советская власть в СССР была ликвидирована в сентябре 1991 года в лице Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. А в декабре 1991 года Советский Союз был вообще развален. Затем Советская власть была насильственно ликвидирована и в России.

И в том и в другом случае это делалось без моего участия и участия других товарищей, проходящих по делу. Выходит, что мы способствовали существующему режиму? Это по меньшей мере дико.

Второй вариант действий Генпрокуратуры может быть полярно противоположным: выставить против меня и других товарищей обвинение в защите Советской власти. А попытка в захвате власти была, мол, с целью не допустить закрепления новой «демократической власти». Этот вариант уже имеет что-то близкое к истине. Ведь Советская власть признана нынешним

руководством ущербной. Непонятно только, почему Руцкого, Хасбулатова и других не привлекают к ответственности за защиту Советской власти, а лишь за организацию беспорядков? Кое-кто, наверное, сожалеет, что организатором беспорядков в августе 1991 года в Москве был не ГКЧП. Не он призывал к неповиновению, к бессрочным забастовкам. Не он спаивал людей вокруг Белого дома и не он организовывал провокацию — на падение на военный патруль, следовавший на БМП.

Но в отношении меня и других товарищей предъявление обвинения за выступление в защиту Советской власти вполне применимо. Ведь я действительно защищал Советскую власть на протяжении всей жизни, начиная с Великой Отечественной войны. На войне — на многих фронтах боролся не только против немецко-фашистских захватчиков, но и против изменников — власовцев и бандеровцев, на знамени которых было написано: «Уничтожим Советы!»

Правда, нет пока закона, который бы карал тех, кто защищает Советскую власть сегодня. Но награды за защиту Советской власти у меня уже отобрали. Учитывая отсутствие такого закона, а суд надо форсировать, то дело можно было бы передать иностранному государству. А то, что мы граждане России, так это не препятствие — уже прецеденты были: даже приезжали из другого государства (например, из Латвии), арестовывали, увозили, судили и держали в тюрьме. С этим хорошо бы справился немецкий суд. Он генералу Мильке (министру госбезопасности ГДР), Герою Советского Союза, кавалеру 5 орденов Ленина, 4 орденов Красно го Знамени и 4 орденов Карла Маркса, нашел же повод для обвинения — якобы в 1931 году тот был причастен к убийству полицейского. А для меня повода искать не надо — я в течение всей войны уничтожал фашистов, а заодно и власовцев, бандеровцев.

Одновременно заявляю, что я полностью согласен с выводом нового Генерального прокурора России Казанника о том, что суд над нами по делу ГКЧП — это фарс. Но только не потому фарс, что он затягивается по причине болезни многих его участников, и в первую очередь подсудимых (тюрьма, конечно, сказала). А по причине абсурдности обвинения.

Есть и третий вариант вероятных действий прокуратуры — это найти в себе мужество и честно заявить, что выдвинутое обвинительное заключение является неправомерным. В том числе и в связи с изменившейся в стране обстановкой. Но для этого, повторяю, требуется иметь мужество и честь.

17 — 18 февраля 1994 г.

ЧТО ИМЕЕМ, НЕ ХРАНИМ, или «ДЕСЯТЬ УДАРОВ» ПО СТАЛИНУ

XX Съезд КПСС, посвященный в основном «разоблачению культа личности», пришелся на мою студенческую молодость. Как он на меня повлиял? Непросто подобрать подходящие слова для описания тогдашних мыслей и чувств. Нет, те события, «перевернувшие мир», не воспринимались мной как трагедия вселенского масштаба, они не повергли меня в уныние или, наоборот, «благородную ярость». Но оставили на какое-то время в душе странную, неприятную пустоту. И тогда, и много позднее я неизменно пытался доказать, прежде всего самому себе, что партия не может ошибаться В ГЛАВНОМ, что курс, избранный ей в тот или иной период истории, «в общем и целом» правильный, а отдельные ошибки и недочеты всегда можно исправить.

В молодости мы, как правило, не отличаемся особой мудростью, умением подвергнуть самостоятельному, всестороннему анализу главные события и политические и социальные феномены. В 1956 году, несмотря на некоторое морально-психологическое потрясение, испытанное после доклада Хрущева, я довольно быстро «пришел в себя», решив: раз партия признала поли тику Сталина ошибочной, значит наверняка у нее были для этого все основания.

Есть у нас простая и в то же время подходящая для самых разных ситуаций поговорка: «Что имеем, не храним, потерявши, плачем». И хотя «потерявши» Сталина, наш народ плакал сравнительно недолго, каково истинное место и предназначение «отца народов» в судьбе нашего государства, многим из нас стало доподлинно известно уже в последние годы существования Советского Союза, а кому-то — и после «потери» великой Советской страны. Плакала, кстати (в прямом смысле этого слова), в день смерти Сталина и моя мать Нина Александровна, убежденная «сталинистка». И это притом, что ее первого мужа, сына священника, в начале 30-х годов репрессировали большевики...

Осенью 1932 года мужа Нины Александровны арестовали. Во время ареста шел обыск, искали какие-то документы, а муж в этот момент утешал жену, хотя чувствовал, что в последний раз держит дочку на руках, знал, что возврата «оттуда» нет. Потом, надрываясь в поисках мужа по тюрьмам и лагерям, она узнала от добрых людей: если мужа арестовали без права переписки, это означает расстрел. После долгих мытарств и унижений она, обессиленная, с крошечкой-дочкой на руках вернулась в родительский дом...

(В.Рыньков. Геннадий Янаев: загадка эпохи)

То, что отечественная история — уникальный, универсальный, ни с чем не сравнимый по мощности и эффективности идейно-политический инструмент, наши политики, государственные и общественные деятели понимали всегда. А потому эту историю на протяжении многих веков старались не только всячески эксплуатировать ради достижения своих разной степени масштабности целей, но и (когда очень хотелось и возможности позволяли) местами «поправлять», конъюнктурно «редактировать», а то и вовсе бессовестно фабриковать-фальсифицировать. Особенно «повезло» в этом смысле сталинской эпохе и, естественно, ее главному герою И.В.Сталину. Она, эта эпоха, была необычайно сложной, не поддающейся каким-то однозначным трактовкам, исполненной весьма трагических противоречий и не менее трагического драматизма, прошла в беспрецедентных кровопролитных

столкновениях идеологических, геополитических, национальных, экономических, социальных, клановых, этических, эстетических и прочих интересов.

Жесткая, непримиримая борьба «за и против» Сталина началась еще в 1920-е годы, а продолжается, то затухая, то вновь разгораясь, по сей день. Хотя в наше время она носит скорее эпизодический и эдакий искусственно-символический характер. (Как, например, накануне празднования 65-летия Великой Победы, когда разные политические группы жарко спорили между собой: надо или не надо повсюду распространять сталинские портреты в дни всенародных торжеств). В чем основная суть этого колоссального исторического феномена? Попробуем разобраться. Во всяком случае настолько, насколько мы к этому готовы. А чтобы не «растекаться мыслью» по бумаге, подолгу не плутать в лабиринтах политологических, исторических, философских и прочих теорий, так или иначе связанных с именем советского вождя, воспользуемся в качестве некоего «конспекта-путеводителя» одной из сравнительно небольших (в виде статей для прессы) работ моего сверстника и единомышленника историка Ю.В.Емельянова. Ведь для полного, всестороннего раскрытия темы сталинского периода мало будет, пожалуй, и тысячи толстенных томов. В одной же единственной книжной главе возможно указать лишь на несколько наиболее примечательных фрагментов этой обширнейшей тематики...

В 20-е годы XX столетия идейно-политическая борьба в СССР имела, в общем-то, классовую подоплеку. Противостояли друг другу силы, выступавшие под руководством Сталина за коренные социалистические преобразования, и их противники. Последние, осознавая ключевую роль Сталина в руководстве партии и молодого Советского государства, избрали Генерального секретаря ЦК ВКП(б) в качестве главной мишени для своих атак. Эти деятели, будучи, по существу, идеологическими банкротами, вопросы теории и практики социалистического строительства подменяли жалобами на свойства характера Сталина и другими столь же подходящими «тезисами и аргументами». Не гнушались порой и вымышленными обвинениями. Особенно преуспел в применении такой «аргументации» Л.Д.Троцкий.

После смерти «отца народов» о классовой борьбе как о нашем внутригосударственном явлении можно было говорить в известной мере условно, рассматривая ее обычно лишь в качестве атрибута прежнего этапа становления государства. Новое противостояние в верхах обострялось прежде всего столкновением различных оценок в отношении сталинского управления страной. В середине 1950-х Н.Хрущев, пытаясь скрыть свою теоретическую и практическую несостоятельность, прибег к вульгарному, огульному «развенчанию» роли Сталина в истории СССР.

Чего тем самым Хрущев добился? В первую очередь он нанес сокрушительный удар по морально психологическому состоянию советского общества, по массовому мировоззрению-мировосприятию, преобладавшему в нем. Вдобавок к этому расколол международное коммунистическое и рабочее движение. Доклад «О культе личности и его последствиях», прозвучавший на XX Съезде КПСС, «содержательно» сводился в основном к нападкам на личные качества Сталина, которые, по мнению Хрущева, были главной бедой советского государства. Антинаучные, чисто обывательские, обусловленные сугубо личностными мотивами хрущевские рассуждения, перемежавшиеся откровенными домыслами, были мгновенно «раскручены», рас тиражированы пропагандистами западных держав. На Сталина и наше советское прошлое бурными потоками полилась (разумеется, не впервые) всевозможная клевета.

Ее последующее наступление на умы граждан СССР, государств социалистического содружества и всего мирового сообщества пришлось на 80 — 90-е годы XX века. В начале

перестройки многие из нас воспринимали очередную антисталинскую кампанию как поданный высшим партийным руководством знак того, что в нашей стране близится эра подлинной демократизации, прекращается борьба с инакомыслящими, что Советский Союз, продолжая оставаться социальным, социалистическим государством, переходит на новый — более свободный, более прогрессивный и гуманный — этап своего развития. Этот знак воспринимался в советском обществе по-разному: одними — с наивным энтузиазмом, другими — с настороженностью, закономерным опасением (как своего рода рецидив «хрущевщины»), третьими — с почти полным безразличием. Однако мало кто понимал, во что на самом деле «целили» из своих орудий новоявленные антисталинисты. Их «гума низация» вылилась в конечном итоге в непоправимую катастрофу, последствия которой мы, судя по всему, в полной мере еще даже не ощутили.

Разразившийся в 2008 году мировой кризис вновь напомнил нам о существовании сильнейших классовых противоречий по всей планете. И снова мировая машина пропаганды вбросила «на повестку дня» ложную, казалось бы, безвозвратно канувшую в Лету дилемму: сталинизм или глобальное «демократическое» (на базе т. н. «общечеловеческих ценностей») развитие? Жупел «сталинизма» на время достали из пропагандистских запасников для обльжных характеристик идей и опыта социализма. Но вернемся к истокам этого, ставшего традиционным, направления вселенской лжи...

С первых лет пребывания Сталина в партийной и советской элите нашего государства «оппозиционеры» внутри СССР и антикоммунисты за рубежом стали фабриковать миф за мифом, представляя генерального секретаря не иначе как самодуром-тираном, нетерпимым к любым возражениям, необычайно мстительным негодяем и даже маньяком. Первый и главный мифотворец Лев Троцкий неоднократно заявлял, что у Сталина недостаток интеллектуальных и моральных качеств «компенсировался» его коварством, жестокостью, использованием преступных методов и средств.

Хрущев и ему подобные «официальные лица» с помощью приблизительно таких же «объяснений» стремились уйти от необходимого анализа противоречий, накопившихся в советском обществе, а заодно и от ответственности за собственные просчеты и преступления. Сталин не был ни ангелом во плоти, ни рыцарем без страха и упрека, однако многие мифы о нем строились на заведомо голословных «свидетельствах», а сами «свидетели» преследовали лишь одну цель: обвинить-опорочить его как можно сильнее и шокировать тем самым достопочтенных граждан.

В 1925 году в журнале «Новый мир» была опубликована «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка. В этом опусе автор фактически возложил на Сталина вину за смерть М.В.Фрунзе, наступившую после операции на желудке. И это при том, что тяжело больного Фрунзе обязало согласиться с мнением врачебного консилиума Политбюро в полном составе, включая Зиновьева и Каменева. Конечно, с точки зрения современности, приказ лечь под нож хирурга, от кого бы он ни исходил, выглядит несколько странным. Однако разве уместно сравнивать, к примеру, степень ответственности видных большевиков перед партией в первые советские годы и полную безответственность нынешних представителей политического класса? Так или иначе, на хирургический стол Фрунзе лег по решению коллегиального партийного органа, а не по злой воле генерального секретаря.

Лживость домыслов Пильняка была очевидной для всех серьезных исследователей «сталинизма», как отечественных, так и зарубежных. Американский историк Адам Улам на сей счет писал: «Это было клеветой, и, возможно, Пильняку кто-то подсказал эту историю, чтобы нанести удар по Сталину». В дальнейшем попытки объявить первого советского генсека виновным в политических убийствах и прочих чудовищных злодеяниях, как известно,

продолжались и множились. (Больше других в этом некогда усердствовал все тот же Троцкий, ликвидация которого, произошедшая уже во время Второй мировой войны, по понятным причинам не воспринималась как нечто из ряда вон выходящее.)

Сталина, в частности, обвиняли в гибели ближайшего соратника С.М.Кирова и даже ни много ни мало в подготовке к массовому выселению евреев из Москвы. Многочисленные комиссии по «кировскому делу», созданные ЦК КПСС, зловещих следов Сталина в ситуации с гибелью выдающегося ленинградского руководителя при всем желании и непомерном старании не обнаружили. Не подтвердилась, естественно, и запущенная неким Боровым, а впоследствии подхваченная и «творчески» дополненная Э.Радзинским (в одном из его бесчисленных «бестселлеров») «версия» о замышлявшейся депортации из столицы лиц еврейской национальности.

Впрочем, боревская бредятина явно не подлежит сколько-нибудь серьезному изучению. В этом случае вполне достаточно риторически-недоуменного вопроса, заданного во время пресловутых хрущевских «расследований» членом Президиума ЦК КПСС (в начале 1950-х) Д.И.Чесноковым и обращенного, по сути, в пустоту: «Для чего нужно было выселять евреев из промышленных районов страны?» А ведь подобные дезинформационные мыльные пузыри, затрагивавшие основу межнациональных отношений в сталинском СССР, были вовсе не так безобидны, как это может показаться на первый взгляд. Желание политиканов поиграть на национальных чувствах всегда дорого обходилось народам.

Многие наветы в адрес Сталина были публично разоблачены, как только обнаружили настоящие, однозначно противоречащие им свидетельства. Например, в течение многих лет в средствах массовой информации распространялись утверждения о том, что Сталина обследовал известный психиатр В.М.Бехтерев, диагностировавший у генсека паранойю. Будто бы через несколько месяцев после установления этого диагноза Бехтерев скончался (был отравлен). Делая такие заявления, «исследователи» нередко ссылались на «показания» внучки ученого — Н.П.Бехтеревой. Она же в 1995 году в газете «Аргументы и факты» откровенно поведала: «Это была тенденция объявить Сталина сумасшедшим, в том числе с использованием якобы высказывания моего дедушки, но никакого высказывания не было, иначе мы бы знали. Дедушку действительно отравили, но из-за другого. А кому-то понадобилась эта версия. На меня начали давить, и я должна была подтвердить, что это так и было. Мне говорили, что они напечатают, какой Бехтерев был храбрый человек и как погиб, смело выполняя врачебный долг. Какой врачебный долг? Он был прекрасный врач, как он мог выйти от больного и сказать, что тот — параноик? Он не мог этого сделать».

Бесчисленное множество раз повторялась во всеулышание хрущевская ложь о том, что Сталин не принимал во внимание агентурную информацию о германском нападении на СССР, запланированном на 22 июня 1941 года. Нас уверяли, что Сталин жестоко наказывал всех, кто говорил об этом июньском вторжении немецких войск на территорию Советского Союза. В телепередаче «К барьеру» весной 2005 года режиссер Марк Розовский с присущим ему гневным пафосом изрекал: Сталин, дескать, приказал расстрелять немецкого перебежчика, сообщившего накануне гитлеровской агрессии, что уже на следующий день начнется война. Пусть пафос Розовского остается при нем и дальше, вот толь ко «включать» этот праведный гнев следовало бы в более подходящих случаях.

Снятая с потолка или высосанная из пальца «версия» (в духе Розовского), описывающая сталинское по ведение в преддверии германского нашествия, была, в частности, опровергнута в книге генерала армии И.В.Тюленева «Через три войны». В этих мемуарах Тюленев повествовал о том, что 21 июня 1941-го ему, в то время командующему войсками Московского военного округа, позвонил Сталин и приказал привести противовоздушную оборону в полную боевую

готовность, предупредив о вероятном нападении захватчиков на нашу страну. О том же в своих воспоминаниях рассказывали Г.К.Жуков и А.М.Василевский.

Весьма убедительно опровергнут миф и о растерянности-панике Сталина в первые дни Великой Отечественной войны. Как только была рассекречена книга посетителей сталинского кремлевского кабинета, стало совершенно ясно: его хозяин в тот смертельно опасный период постоянно находился у пульта управления страной — с раннего утра 22 июня 1941 года. За тем в книге Г.А.Куманева «Рядом со Сталиным» была опубликована беседа с бывшим управляющим делами Совнаркома СССР Я.Е.Чадаевым, который вел протоколы заседаний сталинского правительства в первые дни войны. Он привел доказательства разумности и четкости тогдашних правительственных решений, отсутствия даже малейшего намека на какую-либо растерянность Сталина и других представителей руководства Советского Союза.

В своем докладе на XX Съезде КПСС Хрущев ничто же сумняшеся заявил: «Сталин был далек от понимания развивавшихся на фронте событий. Следует заметить, что Сталин разрабатывал операции на глобусе. Да-да, товарищи, он обычно брал глобус и прослеживал на нем линию фронта».

«Да-да, товарищи», — осмелимся вторить руководителю партии и государства в послесталинский период, — кто же из нас может усомниться в уникальных способностях такого замечательного военачальника, как Никита Сергеевич Хрущев! Уж он-то, дай ему волю, не преминул бы разработать куда более совершенные операции по разгрому вражеских войск. И обыкновенный глобус ему бы наверняка не потребовался. Ну разве что «глобус Украины»... А вообще, трудно сказать, чего больше в словах хрущевского доклада — глупости или подлости. Наверное, и того и другого поровну.

В книге маршала Советского Союза К.А.Мерецкова «На службе народу» по поводу «сталинского глобуса» есть такие строки: «Ничего более нелепого мне никогда не приходилось читать. За время войны бывая в Ставке и в кабинете Верховного главнокомандующего с докладами, присутствуя на многочисленных совещаниях, я видел, как решались дела. К глобусу И.В.Сталин тоже обращался, ибо перед ним вставляли задачи и такого масштаба. Но вообще-то он всегда работал с картой и при разборе предстоящих операций порой, хотя далеко не всегда, даже «мельчил»... Не скажу, что я всегда соглашался с тем, как И.В.Сталин решал вопросы, тем более что нам приходилось спорить, насколько это было для меня возможно в рамках субординации, и по малым, и по крупным проблемам. Но неверно упрекать его в отсутствии интереса к деталям. Это просто не соответствует действительности. Даже в стратегических военных вопросах И.В.Сталин не руководствовался ориентировкой «по глобусу». Тем более смешно говорить это применительно к вопросам тактическим, а они его тоже интересовали, и немало».

Весной 1956 года дочь Льва Толстого на пресс-конференции в Нью-Йорке сообщила о некоем письме. В нем, по словам Александры Львовны, прямо указывалось на то, что И.В.Сталин являлся агентом царской полиции. Толстая рассказала прессе примерно следующее: летом 1913 года заведующий Особым отделом департамента полиции полковник А.М.Еремин вышеуказанным письмом поставил в известность начальника Енисейского охранного отделения ротмистра А.Ф.Железнякова о том, что И.В.Сталин-Джугашвили в 1906 году (во время ареста) согласился «сотрудничать с властями», сообщив им все, что ему было известно о деятельности РСДРП. В 1908 году он уже будто бы стал агентом охраны, но после избрания членом ЦК РСДРП (в 1912 году) сотрудничество с полицией прекратил.

Уже через пять дней после нью-йоркского выступления А.Толстой в журнале «Лайф» была опубликована статья американского журналиста Исаака Дона Левина, в которой он вкратце изложил содержание своей книги под интригующим названием «Величайший секрет Сталина». И в статье, и в книге фигурировало все то же письмо, якобы разоблачающее позорное

дореволюционное прошлое недавно умершего советского вождя. Более того, в журнале «Лайф» материал Левина дополняло факсимиле «ереминского письма»...

ТЕКСТ ДОЛГОИГРАЮЩЕГО «ЕРЕМИНСКОГО ПИСЬМА»

МВД. ЗАВЕДУЮЩИЙ ОСОБЫМ ОТДЕЛОМ

ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

12 июля 1913 года №2898

Совершенно секретно Лично

Начальнику Енисейского Охранного отделения

А.Ф.Железнякову

[Штамп: «Енисейское Охранное отделение»]

[Входящий штамп

Енисейского Охранного отделения:]

Вх. №152 23 июля 1913 года

Милостивый Государь Алексей Федорович!

Административно-высланный в Туруханский край Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин, будучи арестован в 1906 году, дал начальнику Тифлисского губернского жандармского управления ценные агентурные сведения. В 1908 году начальник Бакинского Охранного отделения получает от Сталина ряд сведений, а затем, по прибытии Сталина в Петербург, Сталин становится агентом Петербургского Охранного отделения.

Работа Сталина отличалась точностью, но была отрывочная.

После избрания Сталина в Центральный комитет партии в г. Праге Сталин, по возвращении в Петербург, стал в явную оппозицию правительству и совершенно прекратил связь с Охраной.

Сообщаю, Милостивый Государь, об изложенном на предмет личных соображений при ведении Вами розыскной работы.

Примите уверения в совершенном к Вам почтении

[Подпись:] Еремин

Эту фальшивку уже успели основательно забыть, как вдруг, спустя 33 года (30 марта 1989-го), о ней напомнили общественности «Московская правда» и Г.Арутюнов, выступившие с «сенсационной» публикацией. В ней этот самый Арутюнов заявил, что в Госархиве Октябрьской революции (ЦГАОР) он обнаружил... «письмо Еремина». Надо ли объяснять, почему на многочисленные просьбы показать чрезвычайно важный «документ» его хранители и

пересказчики отвечали упорным молчанием?..

Нелишне отметить, что изготовители «ереминского письма» (а оно было известно в русско-эмигрантской и антисоветской среде еще до Второй мировой войны) подошли к делу фабрикации довольно старательно и, можно сказать, творчески. Они неплохо подделали почерк полковника Еремина, учли логику дореволюционных событий и связанных с ними обстоятельств. Вовсе не случайно мнимое предательство Сталина датировано 1906 годом. На этот год приходятся, как известно, назначение П.Столыпина министром внутренних дел (и премьер-министром), введение им в Российской империи военно-полевых судов и, как следствие, скорое и жестокое подавление революционного движения в стране. И хотя внедрение провокаторов в революционные организации и принудительные вербовки их активистов были к тому времени давно испытанными полицейскими методами, именно при Столыпине эти «операции» получили наибольшее распространение. В 1906 году перед многими арестованными революционерами наверняка вставал крайне нелегкий выбор: быть расстрелянным по вердикту «скорорешительного суда» или согласиться на предательство партийных товарищей (вряд ли есть причины сомневаться, что такая «альтернатива» существовала и эффективно использовалась охранкой). Как бы там ни было, Сталин, несмотря на многочисленные аресты, угрозы его жизни и здоровью, остался делу революции верен. А не равнодушные к нему фальсификаторы спустя годы после его смерти были не раз и не два посрамлены...

Все-таки, фабрикуя «письмо Еремина», они допустили немалое количество грубейших ошибок. На некоторые из них, в частности, указал доктор исторических наук А.В.Островский: «Оригинал документа, посланного в Енисейск, не мог оказаться в ЦГАОР, поскольку в нем нет фонда Енисейского охранного отделения... Летом 1913 года Енисейского охранного отделения не существовало... Начальника Енисейского розыскного пункта, которому якобы адресовано письмо, звали не Алексей, а Владимир Федорович Железняков... Еремин 11 июня 1913 года был назначен начальником Финляндского жандармского управления, а последний подписанный им в должности заведующего Особым отделом документ датирован 19 июня... И, наконец, исходящий номер «письма Еремина» 2898, когда как за Особым отделом как раз на случай подделки были закреплены исходящие номера, начиная с № 93001».

Спрашивается, почему эту и ей подобные фальшивки на протяжении многих десятилетий с какой-то маниакальной настойчивостью использовали наши доморожденные и заграничные антисталинисты? Неужели в их пропагандистском арсенале не нашлось ничего более подходящего? Видимо, не просто не нашлось, а и не могло отыскаться. Ну а то, что в эту теплую компанию попала дочь великого русского писателя, говорит, пожалуй, только об одном, давно и всем известном обстоятельстве: у великих писателей порой появляются, мягко говоря, совсем невеликие дети.

Нагромождая горы всевозможных антисталинских фальсификатов, их изготовители и распространители, по-видимому, придерживались и придерживаются известного диалектического закона о непременном переходе количества в качество. Требовалось обвинить Сталина во всех крупнейших трагедиях, которые произошли в Советском Союзе в первой половине XX столетия, и ради решения этой сверхзадачи сил и средств явно не жалели. Стоит ли удивляться тому, что фальсифицированная продукция лжеисториков, накопившаяся в стране, на рубеже тысячелетий стала в больших объемах поставляться в школы и иные учебные заведения Российской Федерации.

Так авторы школьного учебника «История России. XX век — начало XXI века» Загладин и др. стали «информировать» наших учащихся о том, что в годы Великой Отечественной войны «потери Красной Армии составили 12 миллионов человек». Но эти историки-педагоги еще «поскромничали». Их коллега, широко известный в сужающихся год от года «демократических»

кругах филолог Б.Соколов не однажды во всеулышание заявлял, что потери «вооруженных сил СССР, пограничных и внутренних войск страны» во время той войны были в 8-10 раз больше, чем среди противостоявших им немцев и их вассалов-союзников. А те потеряли все вместе 8 649 500 человек убитыми.

Зачем нужно было преувеличивать и без того ужасающие, если вдуматься, данные о количестве потерь наших вооруженных сил (8 668 400 человек по подсчетам спецкомиссии Генштаба и Министерства обороны СССР, а также отделения истории АН СССР)? Да все за тем же — чтобы и в этом печальном контексте вспомнить нехорошим словом Верховного главнокомандующего и наслать на него очередную порцию проклятий. Ведь уже давно стало чуть не нормой винить его одного в гибели миллионов советских солдат и офицеров. При этом «обвинители» любят подчеркнуть: Сталин, мол, фактически призывал своих военачальников не считаться с жертвами, стремился, дескать, завалить трупамии соотечественников гораздо более сильного, более искусного и подготовленного противника. В том, что главный военный враг нашей страны в 1941 — 1945 годы был, как никогда в истории, силен, никто не сомневался и не сомневается. Однако в фанатичное стремление Сталина добиваться побед ценой огромных жертв не позволяют верить объективные факты. А они говорят о следующем: приказы, директивы, письма Верховного главнокомандующего, касавшиеся оборонительных и наступательных действий советских солдат и офицеров, содержали незабвенный суворовский призыв «Воевать не числом, а умением!». И само имя генералиссимуса Суворова в войсках Красной Армии стало тогда необычайно популярным.

Весьма примечательна еще одна неприглядная особенность перекладывания на И.В.Сталина ответственности за колоссальные жертвы той войны. Те, кто проявил в этой дурной кампании (ознаменованной «перекладыванием с больной головы на здоровую») особенное рвение, вольно или невольно в своих «теориях» «минимизировали» глобально-историческую вину Гитлера и его присных — за развязывание войны и вероломную, бесчеловечную агрессию, за геноцид и массовые убийства, за нацизм и все его последствия.

Откровенно принижают эти «теоретики» и роль массового героизма советских солдат и офицеров, выставляя их подневольным «пушечным мясом», изначально лишенным духа великого самопожертвования. Спросили бы лучше у оставшихся в живых героев-фронтовиков: кто их боевых товарищей и их самих толкал на подвиги и верную смерть с неперменным кличем «За Родину! За Сталина!» — заградотряды или собственная внутренняя убежденность в торжестве Правого Дела? Впрочем, тем, кто занимается грязной пропагандой, установление истины совершенно ни к чему...

Невозможно обойти вниманием и тему т. н. сталинских репрессий. Они, безусловно, имели место. Другой вопрос — насколько эти репрессивные действия были обоснованными или, напротив, необоснованными? Ответить на него кратко и четко — крайне сложно, а скорее всего попросту невозможно. С одной стороны, невинно пострадавшие при «чистках» и прочих «мероприятиях», осуществлявшихся органами НКВД, несомненно, были. С другой — не вызывают сомнений и факты антиправительственных заговоров, антисоветских (в основном троцкистских) диверсий (при чем не только идеологических), тайных антисталинских интриг, в которые оказались вовлечены многие представители тогдашнего «государственно-политического класса». В стране, находившейся в условиях невиданного доселе враждебного окружения, да еще и на пороге глобального военного противостояния, все эти явления были, по большому счету, неудивительными. А может, и вполне закономерными.

Вот тут бы беспристрастным историкам и политикам и взять инициативу в свои руки, предоставив обществу полный, всесторонний, а главное убедительный анализ предвоенного периода жизни Советского государства, указав все основные детали и обстоятельства,

повлиявшие на внутреннюю и внешнюю политику сталинского руководства. Но, увы, такой анализ не был востребован нашими позднесоветскими и постсоветскими «элитами». Вместо него снова, как и в случае с военными потерями, на идейно-политическую авансцену вытащили совершенно неадекватные цифры — на сей раз относящиеся к количеству репрессированных. Зачастую эти «численные показатели» можно было охарактеризовать лишь как плод большого воображения — индивидуального или коллективного.

Так советологи Р.Конквест и Т.Клифф уверяли «прогрессивную общественность», что в 30-е — 50-е годы репрессиям подверглись 40 — 60 миллионов советских людей. Но нашего «правдоруба» А.Солженицына не устроили и эти цифры. В 1976 году в интервью испанскому телевидению он утверждал, что число жертв сталинских репрессий составило 110 миллионов человек. Лаконично и емко обобщил подобные «изыскания» (попутно обратив внимание на «110 солженицынских миллионов») Д.Лысков в своей книге «Сталинские репрессии. Великая ложь XX века»:

«Демократические историки насчитали не менее 400 миллионов жертв коммунизма, исходя из данных о численности населения в 1913 г. и прогнозов его линейного роста. Лишь после того, как уже в середине XX века подобная методика «выведения русского народа» была поднята на смех в прессе («если бы каждая баба рожала каждые два года по одному ребенку...»), апологеты «демографического» подсчета потерь России ушли в тень. Демография не развивается линейно, на рождаемость оказывает влияние множество факторов, причем урбанизация, к примеру, влияет на темпы прироста населения даже сильнее, чем война».

Данные, представленные в книге М.Кодина «Поверженная держава» (почерпнутые в ЦГАОР, архивных фондах ГУЛАГа и Верховного суда СССР), свидетельствуют: «С 1921 по 1952 г. за контрреволюционные (в т. ч. воинские) преступления было осуждено 3,7 млн. человек. Число же казненных за этот период составило 799 455 человек... В 1937 г. из лагерей и колоний освобождено 32% заключенных, в 1938 — 27%». В 1939 — 1940 гг. освобождение из мест заключения, как нетрудно догадаться, продолжилось.

Лицемерно сыпля в сущности верными сентенция ми о бесценности каждой человеческой жизни, о безмерной трагичности всякой гибели, «обвинители» Сталина вот уже более полвека безответственно жонглируют многомиллионными цифрами «жертв сталинизма», в разы, а то и в десятки раз намеренно преувеличенными.

Глубокие революционные процессы, потрясшие страну до основания, братоубийственная Гражданская и мировые войны, разорвавшие ее дотла, постоянные угрозы извне и другие исполненные смертельной опасности эпизоды XX столетия с жестокой регулярностью ставили перед нашим народом невиданно и неслыханно сложные альтернативы. И нет ничего удивительного в том, что не всегда нашему обществу и руководству СССР удавалось найти бескровные, безболезненные выходы из запредельно критических ситуаций. Осуществляя свой беспримерный «пионерский» проект социальных преобразований, советские люди просто не могли не совершать ошибок, чреватых человеческими и иными тяжелыми потерями. Ведь преодолеть приходилось все, в том числе собственный недостаток опыта, образования, научного и производственного, культурного и гражданского развития.

Методы и сознание периода Гражданской войны долго довели над нашими соотечественниками, отзываясь непримиримостью в суждениях, склонностью к чрезвычайным решениям. Естественно, не были свободны от этого ни Сталин, ни другие партийные и советские деятели.

Тем не менее, пытаясь объективно оценивать «дела давно минувших дней», недопустимо игнорировать усилия Сталина, направленные на прогрессивное политическое реформирование нашего государства, его демократизацию. Именно Сталин стал главным инициатором введения

в стране всеобщих равных, прямых, тайных и альтернативных выборов. Именно он первым предложил план переподготовки партийных кадров и продвижения к руководству молодых образованных людей.

Однако эти усилия генерального секретаря и его сторонников наткнулись на упорное сопротивление, тех, кто опасался потерять в результате политических реформ свое властное положение.

Одни (к примеру, Енукидзе, Тухачевский, Ягода) плели военно-политические заговоры. И далеко не мнимые. «В день ареста Енукидзе 11 февраля (1937 г.) в Харькове и Петерсон 27 апреля в Киеве дали разным следователям идентичные до деталей признательные показания. Рассказали о том, что готовили переворот и арест или убийство в Кремле Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе... Трудно себе представить их предварительный сговор об идентичности показаний только ради того, чтобы обеспечить себе смертный приговор. Еще труднее представить и иное. То, что по крайней мере два, да еще работавших не в столице следователя, получив некие инструкции, добивались необходимых показаний Енукидзе и Петерсона. Ведь то, о чем поведали бывший секретарь ЦИК СССР и комендант Кремля, — четыре варианта ареста членов узкого руководства, все детали такой акции вплоть до указания расположения комнат и кабинетов, существующей там охраны, наилучшего варианта осуществления дворцового переворота — никак не могло быть доверено следователям» (Ю.Жуков, док тор исторических наук).

Другие изощрались в тихом саботаже и демагоги ческой риторике, заклиная «не торопиться» с кардинальными реформами, поскольку ими-де могут воспользоваться «те, кто лишен права голоса». (До принятия Конституции РСФСР 1937 года часть населения СССР была лишена избирательных прав по социальным признакам.)

В действительности же, как отметил историк Ю.Емельянов: «Такие руководители стремились обезопасить себя, боясь расплаты за свое неумелое руководство. Поэтому они стали сочинять версии о контрреволюционных заговорах. В конце июня — начале июля 1937 г. Эйхе, Варейкис, Багиров, Хрущев и многие другие секретари обкомов представили квоты на высылки и расстрелы потенциальных врагов. В этом они получи ли поддержку наркома внутренних дел Н.Ежова».

Кратко подытожить рассуждения о сталинских репрессиях, наверное, следует в духе хрестоматийной «шолоховской фразы» («был культ, но была и личность») — были репрессии, но и были и нешуточные основания для них.

Усилия клеветников-антисталинистов увенчались заметными успехами. Еще в хрущевские времена вышли из употребления популярные и знаковые словосочетания «Сталинская конституция», «сталинские пятилетки», «десять сталинских ударов в Великой Отечественной войне» и тому подобные.

Урон, нанесенный Хрущевым и его «единомышленниками» самим основам советского, социалистического общества, был поистине невосполнимым. Искренняя вера нашего народа в «светлое коммунистическое будущее» практически неразрывно связывалась с глубокой, почти религиозной (а может, и без «почти») верой в правоту сталинских действий, планов, призывов и требований. Подорвав и даже порушив эту веру, Хрущев ничего не предложил взамен и был в принципе не способен что-либо предложить (кроме клоунских обещаний — вроде построения коммунизма в 1980 году).

Тогда, в дни работы XX Съезда КПСС, в массовое сознание были вброшены семена идейного нигилизма, апатии, тотального скепсиса. Семена этих сорняков проросли и к концу тысячелетия сорная трава заполонила необъятные пространства некогда великой во всех смыслах державы. Вот эта чудовищная «диалектика» и стала, на мой взгляд, едва ли не главной

объективной причиной заката «коммунистической империи». Возможно ли было избежать подобных «диалектических» метаморфоз? На этот вопрос, наверное, нет четкого ответа, хотя...

Пережившие свои мощнейшие социальные катаклизмы китайцы после смерти Мао не кинулись сбрасывать с постаментов воздвигнутые в его честь памятники. Они, китайцы, разрушительным идейно-политическим «реформам» предпочли преобразования сугубо экономические. Без частичного ремонта политического фундамента также не обошлось, однако примеру своих северных соседей китайские коммунисты отнюдь не последовали. Потому и реформы, произошедшие в Ки тайской Народной Республике, принесли ее гражданам не катастрофические разрушения, а стремительное народнохозяйственное развитие. Но ведь у нас, как говорится, «свой путь», не так ли? Правда, ведет он в лучшем случае в неизвестность, в худшем — в никуда.

И уже нет ничего странного в том, что многие представители правящей российской «элиты», как черт ладана, боятся произнести вслух слова «победа советского народа над фашистской Германией», лукаво заменяя их какой-то абстрактной «нашей победой». Кто-то из этой властвующей публики по-прежнему старается «вычеркнуть» из Истории имя Верховного Главнокомандующего и Маршала Победы.

И все же подлинно образованные люди знают: без правды о Сталине то, что происходило в нашем Отечестве и во всем мире в XX веке, понять невозможно.

ВОПРОСЫ POST SCRIPTUM

— Геннадий Иванович, известна ли вам подлинная причина убийства С.М.Кирова? Или хотя бы версия, которой придерживались верхи СССР? Имел ли место пресловутый «треугольник»: Николаев — Драуле (жена Николаева) — Киров?

— По-видимому, Николаев просто-напросто был психически ненормальным, к тому же считал себя незаслуженно обиженным партией и ленинградским руководством. Был ли там любовный треугольник? Не знаю. Знаю только, что «убирали» многих свидетелей убийства Кирова, и едва ли в этом можно хоть в какой-то мере винить Сталина. Скорее всего троцкисты заматали следы, ведь их влияние в ленинградском политическом руководстве и органах НКВД было в то время очень велико. Именно в результате их попустительства (или даже пособничества) был совершен этот теракт. А вообще, гибель Кирова — чрезвычайно примечательный трагический феномен. В мировой истории и позже встречались довольно сходные во многих чертах политические убийства. Убийство президента США Кеннеди, на пример.

— Вы много читаете. Читали, судя по всему, и книги Ю.И.Мухина, регулярно выпускаемые издательством «Алгоритм». Насколько правдоподобным находи те предположение Мухина о том, что Сталину в марте 1953-го старательно помогли умереть?

— Нахожу более чем правдоподобным. У меня нет оснований в этом сомневаться. Изучение обстоятельств смерти Сталина, который отнюдь не был безнадежно больным, позволяет сделать вывод: главе Советского Союза как минимум «не помешали» умереть. Стоял ли за этим невмешательством Хрущев? Вполне вероятно. Руководствовался ли он личными обидами? Вполне допускаю, учитывая то, что сына Хрущева расстреляли за тягчайшие военные преступления с молчаливого согласия Сталина. Но с полной достоверностью всей картины его смерти нам никакие документы, по-видимому, уже не прояснят. Хрущев их уничтожил после смерти генералиссимуса целенаправленно.

— Доводилось ли вам или знакомым журналистам (по вашему ходатайству) покопаться в каких-нибудь особых архивах и выяснить в них то, что «широкой общественности» по сей день

не известно?

— Отвечу коротко: доводилось. А о подробностях распространяться не стану — по причине указанной ранее...

— Вы специально отметили в своей статье факт очень важной сталинской инициативы, направленной на продвижение умных, энергичных молодых людей к руководящим должностям. Ныне это явление нередко характеризуют такими выражениями, как «ротация элит», «социальная мобильность», «социальный лифт». Как работал этот «лифт» после смерти Сталина?

— Работал он по-разному и все же практически непрерывно. Ни для кого не секрет, что в годы «сталинской диктатуры» этот «лифт» двигался очень быстро и места в нем хватало для огромных масс перспективной молодежи. Затем его движение несколько замедлилось, а «площадь» этого подъемника сузилась. И тем не менее, даже в «застойные» времена, плавно пере текшие в «перестроечные», наиболее энергичные, или, как теперь говорят, «предприимчивые» молодые люди, не имея близкородственных связей в правящих кругах, успешно продвигались вверх по служебной лестнице. Естественно, своя «рублево-успенская прослойка» существовала всегда, однако, ознакомившись с биографиями нынешних «олигархов», мы легко установим, что далеко не все из них добились своего особого положения благодаря находившимся во власти папам и мамам, дедушкам и бабушкам. Другой вопрос — насколько полезна эта новая «элита» всему российскому обществу? Ответ лежит на поверхности: какое время — такая и элита с ее запросами, амбициями, морально-нравственной «начинкой». Как сказал Некрасов: «Бывали хуже времена, но не было подлей». Эту формулу, наверное, справедливо применить и к теперешней эпохе, и к ее наиболее влиятельным персонам.

КОМУ ВОЙНА, А КОМУ...

Тема Великой Отечественной войны мне всегда была близка особо. Не могу похвастаться тем, что хорошо помню свои детские годы, совпавшие с предвоенной порой, самой войной и жизнью сразу после нее. В памяти от тех лет сохранились лишь отдельные эпизоды, и вряд ли они представляют интерес для кого-нибудь кроме меня и моих близких. Неплохо помню своего отца, вернувшегося с фронта, чтобы вскоре умереть в «родной хате» от ран и болезней, скудное питание и неважнецкую одежду, надрывный плач соседок, получивших «похоронки»... В-общем, ничего для тех лет необычного. И все же этакую сыновнюю (извините за «патетику») любовь к фронтовикам я пронес через всю свою жизнь.

Совсем недавно мы с одним знакомым беседовали о поколении наших гэкачепистов — В.И.Варенникова, С.Ф.Ахромеева, Д.Т.Язова. Это — поистине уникальное, не имеющее себе равных во всей мировой истории поколение. Как говорили в свое время другие его замечательные представители, писатели-фронтовики Юрий Бондарев и Юлия Друнина, только ТРОЕ ИЗ КАЖДОЙ СОТНИ их ровесников, ушедших на фронт, вернулись с войны. У меня, к сожалению, нет точных статистических данных, чтобы документально подтвердить эти слова, однако тем, кто их произнес, не верить нельзя. Даже если Бондарев и Друнина ненамного ошиблись, потери среди их сверстников были не просто чудовищны ми, но абсолютно беспрецедентными. Перечислю только самых известных людей, принадлежавших этому поколению: Александр Матросов и Зоя Космодемьянская, помимо названных писателей-фронтовиков — их знаменитые коллеги Васильев, Быков, Астафьев, философ Зиновьев и правозащитник Сахаров («Да-да, дорогие товарищи!», — как любил восклицать Хрущев), легендарный Всеволод Бобров и его друг Василий Сталин, «Ночные ведьмы» и молодогвардейцы...

Неудивительно, что золотой генофонд Советского Союза после Великой Отечественной войны был невосполнимо подорван. Ведь именно это поколение должно было строить коммунизм (не мифический хрущевский, а самый настоящий), находиться в первых рядах его строителей. Именно оно обладало самым высоким духом героического созидания и самопожертвования. И именно оно, спасая великую страну и великую нацию, закрывало своими телами вражеские амбразуры. Как знать, не здесь ли кроется главная фундаментальная причина краха СССР и всей мировой социалистической системы.

Вот что говорил по этому поводу А.А.Зиновьев в одном из интервью: «Действительно, наше поколение, выигравшее войну, в основном было выбито и во время войны, и после нее — произошла смена поколений. Инициативу в стране захватили те, кто вступил во взрослую жизнь уже в послевоенные годы. Это были другие люди. И они, по существу, встали на путь разложения советской системы. В каком году родился Горбачев? В 1930-м. А Ельцин? В 1931-м. То есть всю перестройку фактически начали представители послевоенного поколения. И к чему привели страну эти люди, ставшие предателями, эта пятая колонна Запада?.. Для меня и моих сверстников великое значение и смысл имело освобождение от многовекового рабства — далеко не пустые слова для тех, кто это пережил. Всякое было: кошмарные материальные условия, аресты, тяготы, связанные с войной. И все равно свою тогдашнюю тяжелую жизнь я не променял бы ни на какую другую. Многие миллионы наших соотечественников в то время себя почувствовали свободными, осознали настоящими гражданами, людьми с большой буквы...

То, что происходило с нами, было сопряжено с высшим уровнем духовности, очень высоким качеством образования и воспитания. В своих выступлениях я неоднократно говорил: Великую Отечественную войну выиграл советский десятиклассник. Мы получали потрясающие знания,

вся страна ведь училась. В те годы Россия из самой безграмотной превратилась в самую образованную страну в мире. Нас приобщали к высочайшим достижениям культуры. Это была компенсация за убогость нашего быта. Мы ходили в драных штанах и без галстуков, но в головах и в сердцах носили нечто такое, что стоило для нас выше всех благ материального мира».

От себя могу к этому добавить только одно. Нельзя сказать, что наше поколение (те, кто родился незадолго до войны) было бездуховным, безыдейным или недостаточно грамотным, однако «все познается в сравнении»...

Первая половина 2010 года в той или иной мере прошла под знаком 65-летия Великой Победы. Российские власти всех уровней, от федеральных до местных, как будто не скупилась на громкие, приличествующие событию фразы и всевозможные мероприятия, посвященные Празднику. Ничего плохого в этом, разумеется, нет. Немногие участники Великой Отечественной войны, дожившие до наших дней, эти проявления внимания к ним и их проблемам воспринимают с радостью и благодарностью. Лишь бы это внимание было искренним или хотя бы походило на таковое. Однако с искренностью у власть имущих порой возникают непреодолимые проблемы, а забота о ветеранах войны не редко «осуществляется» в виде пустых деклараций.

К примеру, посулили российским старикам, проливавшим в годы Второй мировой свою кровь за Родину, а теперь остро нуждающимся в улучшении бытовых условий, новое благоустроенное жилье. Выполнено это обещание? Где-то худо-бедно выполнили, а где-то предпочли о нем «позабыть». И даже подконтрольные Кремлю телеканалы в своих предпраздничных новостных выпусках демонстрировали на всю страну невероятно убогий, поистине бедственный быт главных виновников общенациональных торжеств. Почему происходит такое? Ведь официальные хозяева Кремля контролируют не только телевидение, но и всю выстроенную ими за последнее десятилетие властную «вертикаль». Неужели у президента и руководителей федерального правительства не хватает сил и возможностей для решения такой пустячной задачи — обеспечения новыми квартирами представителей самой малочисленной (и самой почитаемой!) категории сограждан? Или верхи рассчитывают растянуть свое благодеяние до 70-летнего По бедного юбилея? Если так, то можно не сомневаться — в 2015 году практически все ветераны Великой Отечественной войны получат жилье, которое будет наиболее полно соответствовать их скромным потребностям...

В продолжение темы искренности бросим взгляд на телевизионщиков. И зададимся вопросом: когда их дружные, связанные единой редакционной политикой коллективы более верны себе — в часы съемок и показа ветхих лачуг ветеранов или при подготовке и трансляции «историко-политических» программ? Что касается последних, то они регулярно погружают телезрителей в бездну фальши, неприкрытых манипуляций, бессовестных искажений и извращений. Ладно бы это касалось современных реалий, но в том-то и дело, что нас постоянно норовят «лишить прошлого, чтобы отобрать будущее». Радзинские и радзиховские, познеры и сванидзе, гавриилпоповы и афанасьевы вот уже много лет упорно навязывают российскому обществу свои, давно опостылевшие всем, кроме них самих, «общечеловеческие» мировоззренческие установки. А в эти «общечеловеческие» рамки победа советских людей над гитлеровцами ну никак не вписывается. Для чего, спрашивается (в перерывах между «гламурно-скандальными шоу» и бесконечной сериальной чернухой), политологи и ведущие не раз обращались к «полемике» о том, следует использовать для праздничного оформления Москвы изображение Сталина или ни в коем случае его вывешивать нельзя? Да неужели такую «дилемму» не могли разрешить в узком кругу федеральные и столичные власти? Конечно, могли, однако предпочли санкционировать по этому поводу долгоиграющий «телереферендум». Причины, по которым вбрасываются в телестудии подобные предметы для «дискуссий», понять

нетрудно. С одной стороны, втянутые в эти споры политики, общественники и просто зрители отвлекаются от актуальных, куда более насущных проблем. С другой — у деятелей телеэфира, литературы и кинематографа вновь и вновь появляются поводы для того, чтобы рассказать народу «всю правду» и о войне, и во обще обо всем «проклятом советском прошлом», предложить свои «новые трактовки», открыть «тайны», дать «пищу для размышлений»...

Признаться, испытываю большие затруднения в использовании кавычек, поскольку периодически их нужно ставить чуть ли не в каждом слове — с тем, чтобы не скатиться на бранную лексику в адрес нынешних «властителей дум». Еще сложнее с пафосом. Его использование в последнее время стало прерогативой эдаких недохунвейбинов — беспринципных активистов ангажированной прокремлевской молодежи. Как в плохом самодеятельном театре с никудышным режиссером, эти юные ораторы столь громогласно и фальшиво произносят скверно заученные «патриотические» монологи (тем самым обесценивая, опошляя высокую фразеологию прежней эпохи), что от некогда привычных выражений — «беспримерный подвиг народа», «массовый героизм красноармейцев», «самобытный талант советских военачальников», «искусство наших военных конструкторов и организаторов промышленности» и тому подобных — приходится воздерживаться. Видимо, в уста новоиспеченных и самопровозглашенных «молодогвардейцев» пафосная риторика также вложена неспроста. На их сверстников эта напыщенная, лишенная всякой искренности болтовня действует скорее отталкивающе. Те, за пасшись попкорном и чипсами, с гораздо большим удовольствием посмотрят в кинотеатре самых сволочных в мире «Сволочей» или другие близкие по духу «шедевры», поток коих в последние годы отнюдь не иссякает.

Заградотряды, штрафные батальоны, подонки-особисты, свирепые уголовники, бездарные и безжалостные генералы, тупые политруки, безвольные, неисчислимы жертвы коммунистической деспотии — все они вышли на первый план в «художественных» и «документальных» фильмах, пьесах, романах и иных «произведениях» о войне. И на этом «постыдном» для всех нас, бывших советских граждан, фоне время от времени возникают благообразные старички-добрячки — уцелевшие ветераны-гитлеровцы. Такие, как, напри мер, в телефильме А.Пивоварова «Ржев. Неизвестная битва Георгия Жукова». Что за «истины» несут нам — при поддержке пивоваровых — убеленные благородными сединами бывшие оккупанты? Приблизительно следующие. На территории СССР они-де защищали свою любимую родину, а войну проиграли лишь потому, что красноармейцы воевали не по правилам, нецивилизованно. «Их гнали на убой, как скотов» Сталин и Жуков, которые таки завалили трупам своих солдат стройные армии благородных германцев...

Видимо, в дальнейшем нужно ждать появления на российских телеэкранах потомков или ближайших родственников главных нацистских бонз. Ведь о них небось тоже есть что рассказать интересного и поучительно го. Что они, скажем, любили слушать музыку Баха, Бетховена, Вагнера и (вы не поверите!) Петра Ильича Чайковского, читали не только Гете с Ницше, но и Достоевского, с удовольствием играли в футбол и теннис, обожали детей и были по-джентльменски обходительны с дамами. И вообще по сравнению с советскими тоталитарными варварами смотрелись значительно более выигрышно.

Я вовсе не сторонник перманентного шельмования «недобитых фашистов» — немцев, выполнявших бесчеловечные приказы гитлеровского командования. Однако «реабилитация» оккупантов, пусть и бывших, с одновременным унижением наших отцов — это в моей «совковой» голове никак не укладывается. И очень интересно было бы узнать мнение Владимира Путина по этому поводу. Ведь, наверное, не зря его по-прежнему считают лидером Российского государства. Экс-пре зидент, теперешний глава правительства жил какое-то время в Германии, неплохо овладел немецким языком, наверное, проникся уважением к германской

культу ре и ее носителям, среди которых, естественно, немало детей и внуков гитлеровских солдат и офицеров. Все это известно и особых комментариев не требует. Непонятно другое — почему он, сын ветерана Великой Отечественной войны и жительницы блокадного Ленинграда, имеющий, как принято полагать, немалое влияние на всевозможные «элиты» российского общества, спокойно взирает на всю эту многолетнюю антисоветскую, антирусскую кампанию. Неужели отец-фронтовик воспитал его в каких-то чересчур «прогрессивных», «демократических» традициях? Едва ли. Просто Владимиру Владимировичу в силу его возраста не довелось самому, воочию наблюдать как невыразимо горестные, так и счастливые житейские сцены той военной поры, и это обстоятельство, видимо, существенно отразилось на разнице в наших «базовых ценностях».

Из воспоминаний Нины Александровны Янаевой, матери Г.И.Янаева:

15 июля 1941 года ушел защищать Родину и мой Иван. Тяжело нам пришлось в это военное лихолетье. Каждый день ждали весточки с фронта, чего-чего, а весточки он старался присылать регулярно. Только вот с осени 1944 года мы не получали письма более двух месяцев. «Ну, — думаю сама про себя, — что-то, видно, случилось. Но вселяло надежду только одно обстоятельство: похоронку не приносили. Мы даже боялись встречи с почтальоном в то время... В конце ноября 1944 года поздно вечером к нам в избу вошел человек в солдатской шинели с рюкзаком на спине. Гена первым увидел отца и закричал: «Мама, мама, папка приехал!» Я в это время была на кухне. Приоткрыв занавес, увидела: на пороге стоял Иван Васильевич, держа на руках счастливого сына. По его небритым щекам от радости текли слезы. Этот полный неожиданностей вечер принес в наш дом счастье. Мы были очень рады, что семья теперь в полном составе. «Ну, пускай контужен, со множеством ран — главное, что живой вернулся к нам, а я здесь его подлечу», — подумала я. Гена почти целый вечер с какой-то не обыкновенной ревностью в глазах сидел у отца на коленях, затем достал школьный ранец, сшитый из вафельного полотенца, вынул из него тетради, собранные из обрезков бумаги, и стал показывать отцу свои «успехи» в учебе.

Наступил 1945 год. И хотя для всех он был годом долгожданной Победы, для меня оказался годом утрат. В середине января я схоронила маму, а 22 февраля умер наш горячо любимый Иван Васильевич. Как это мы все пережили, я не знаю... Смерть отца была тяжелым ударом для Гены: он стал не по возрасту серьезен, молчалив. Но, как бы тяжело ни было, время залечивает раны. С возрастом Гена все больше и больше походил на своего отца. Густые волосы, лицо, даже походка — все это напоминало мне покойного мужа...

(В.Рыньков. Геннадий Янаев: загадка эпохи)

Если ревизия итогов Второй мировой войны в Российской Федерации и дальше пойдет набранными темпами, то скоро, по-видимому, нам, презренным наследникам воинов-победителей, придется массово каяться перед теми, кто напал на нашу страну в 1941 году. Во всяком случае, телеисторики, морально-нравственные мазохисты из «интеллигентской прослойки» и кремлевские идеологи сделали все, чтобы похабный анекдот о незадачливом советском ветеране, плохом отечественном и отменном немецком пиве («нечего было воевать с таким усердием, сейчас бы баварское пил») воспринимался современниками как вполне

нормальная, совершенно безобидная шутка. Однако возможное признание нашей «национальной вины» перед немцами еще впереди, а вот перед поляками начали каяться уже пару десятилетий назад. Дал ход этому «процессу», само собой, Горбачев.

Ельцин сей почин поддержал — пусть и в полубессознательном состоянии, зато со всем прилежанием, какое только было свойственно этому «лидеру нации». За пресловутое «Катынское дело» он просил у поляков прощения задолго до того, как «катынская история» стала предметом тщательного анализа в широких кругах современных историков и самых разных политиков. Поразительнее всего то, что объективных исследований, связанных с этой давней историей, особо приближенные к нынешним властям ученые, судя по всему, так до сих пор и не провели. Похоже, их советские, несравнимо более совестливые, предшественники еще в первые послевоенные годы сняли большинство вопросов, касающихся массовых расстрелов в Катынском лесу (об этом чуть ниже)...

Покаянную эстафету вместе с браздами правления принял из рук «царя Бориса» его преемник. Для В.В.Путина извинения перед «многострадальным» польским народом «за Катынь» стало уже делом вполне обычным и даже в каком-то смысле регулярным. Не стал нарушать эту новую «демократическую» традицию и «преемник преемника» Дмитрий Анатольевич Медведев...

Тут, наверное, нелишне довести до самых непонятливых такую простую мысль. Извинения, сожаления, раскаяния, покаяния на самом высоком правительственном уровне уместны лишь в тех редких случаях, когда стопроцентно доказана преступность политики, проводившейся одним государством по отношению к другому. В чем выразилась реальная, а не мифическая, политика сталинского правительства в отношении польского народа? Перечислим лишь главные ее «преступные» проявления. Она выразилась, во-первых, в освобождении польских территорий от гитлеровцев, достигнутом ценой гибели 600 тысяч советских солдат и офицеров, в спасении поляков от практически полного истребления, которое значилось в планах нацистов (ну, возможно, уничтожили бы не всех, однако уцелевших обязательно обратили бы в рабов без роду и племени).

Во-вторых, в сохранении, а точнее возрождении Польши как отдельного государства, на чем настояла в Потсдаме в 1945 году советская делегация во главе со Сталиным. И в-третьих, в увеличении территории вновь созданного государства под названием «Польша» посредством присоединения к ней Штеттина и других восточно-прусских городов и земель. Вот, однако, какая загогулина получается, как говорил Б.Н.Ельцин, вот какая абсурдная ситуация складывается со всеми этими российско-польскими раскаяниями. Неужели эта абсурдность не очевидна руководителям РФ?

Неужто им представляется правильной популяризация в нашей стране гнусного фильма А.Вайды «Катынь», показанного по одному из российских телеканалов в апреле 2010-го? Что продемонстрировал нам «мэтр» польского и мирового кинематографа? Да все ту же покрытую плесенью клевету на «дохрущевское» Советское государство. Согласно этому вымыслу геббельсовской (во всех смыслах слова) пропаганды, с готовностью подхваченному польскими антисоветчиками, сотрудники НКВД в 1940 году расстреляли на территории СССР (в том числе в Катынском лесу на Смоленщине) более 20 000 поляков, в основном офицеров. Вайда сцены катынской трагедии описал языком кино, как нетрудно догадаться, в полном согласии с нацистской «версией». И даже добавил к ее «правде» своей собственной. Польский корифей убеждает нас с экранов, что русские (этакие ублюдки-дегенераты, которые, вести мо, хуже нацистов) уничтожили не только «цвет польской нации» в 1940-м, но и — несколькими годами поз же — талантливых и мужественных представителей польской молодежи, узнавших «правду о Катыни». Разумеется, Вайда не счел нужным поведать кинозрите лям следующие

обстоятельства.

Свирепые бериевцы, как видно, оказались настолько прозорливыми, что постарались скрыть следы своего непростительного злодеяния с помощью хитроумных инсценировок-комбинаций, сделанных с жертвами. Эти убийцы уже весной сорокового абсолютно точно знали, что фашисты через год-другой нападут на Советский Союз и молниеносно захватят территории, на которых вот-вот должно совершиться массовое уничтожение поляков. Предвидели энкавэдэшники и то, что гитлеровские завоеватели пробудут на Смоленщине ну два, ну максимум три года, а потом драпанут туда, откуда пришли. Но перед отступлением обязательно раскопают могилы в Катынском лесу и покажут всему человечеству свидетельства чудовищных преступлений большевизма. А потому провидцы из НКВД связали руки приговоренных к казни поляков НЕМЕЦКИМ шпагатом (вместо постоянно использовавшейся в СССР русской пеньки), а затем расстреляли их в затылки из ГЕРМАНСКОГО оружия.

Именно эти точные детали, неоспоримо указывающие на подлинных палачей нескольких тысяч польских пленных, выявили советские и зарубежные специалисты, осуществившие в послевоенный период тщательные обследования массовых захоронений в Смоленской области. Есть и другие неопровержимые факты, касающиеся катынской истории и однозначно свидетельствующие против гитлеровцев. Но не станем в эти подробности углубляться. Их описания многократно публиковались, и желающие с ними ознакомиться могут запросто это сделать.

Дотошный современный исследователь Ю.И.Мухин в своих книгах о Катынской трагедии еще в 90-е годы популярно и в то же время строго научно доказал: «документы», которыми оперируют вайды и им подобные, топорно сфабрикованы горбачевскими «историками». И вовсе неудивительно, что с этим писателем ни у нас, ни за рубежом никто даже и спорить не пытается. Лишнее (а скорее даже наоборот — совсем не лишнее) подтверждение правоты Мухина недавно прозвучало... из уст польских официальных лиц. У них, оказывается, «пропали» из особых правительственных архивов те самые, сфабрикованные горбачевцами «документы». И об этом казусе польские власти не преминули заявить на весь мир. Нужны тут какие-то комментарии? Да, нужны — подробные и обстоятельные. Но только со стороны российских властей... Справедливости ради отметим, что среди поляков, оказавшихся на территории СССР в начале Второй мировой войны, были и те, кто совершил тяжчайшие преступления в отношении советских граждан. И ВОЗМОЖНО, сотрудники НКВД их казнили.

Как бы там ни было, кульминации российско-польский ритуал принесения и благосклонного принятия официальных извинений достиг в дни, которые предшествовали трагической катастрофе авиалайнера с президентом Польши Лехом Качиньским и его ближайшими сподвижниками на борту (направлявшимся как раз к месту катынских захоронений). После крушения польско-президентского самолета под Смоленском извинения на некоторое время уступили место соболезнованиям. Безусловно, эта недавняя трагедия стала событием в высшей степени чрезвычайным, и выражение глубоких соболезнований полякам со стороны первых лиц нашего государства совершенно закономерный и абсолютно правильный поступок. И все же (возможно, я излишне придираюсь), как мне представляется, реакция высшего руководства страны на несколько не менее страшные катастрофы, происшедшие на российской земле в 2010 году, — аварию на Саяно-Шушенской ГЭС, подрыв «Невского экспресса», теракты в московском метро — была гораздо менее эмоциональной и даже заставила вспомнить один из переиначенных в последнее время афоризмов: «Гибель руководства Польши — это трагедия, многие десятки погибших соотечественников — не более чем статистика».

Кстати, о статистике. Президент Медведев недавно заявил на всю страну о том, что в

результате сталинских репрессий погибли более 50 миллионов человек. Откуда эти цифры? Или глава государства полагает, что простым делением на два он существенно «уменьшил» давнишнюю солженицынскую ложь? Но от этого новая ложь не стала в два раза более правдоподобной. Неужто Медведеву это невдомек! Как, впрочем, и то, что немногие дожившие до 65-летия Победы ветераны Великой Отечественной войны, несмотря ни на какую «статистику», по-прежнему с почтением относятся к единственному советскому генералиссимусу.

Так или иначе, подытожу. В том, что на Украине нацистских прихвостней объявляют национальными героями, а в Латвии ветераны СС выходят на свои жалкие, омерзительные парады, в том, что фабрику смерти «Саласпилс» в той же Латвии сейчас политкорректно именуют «воспитательно-трудовым лагерем», а в русских городах устанавливают мемориальные плиты военным преступникам-предателям, в том, что героических спасителей Польши в этой «удивительной» стране называют оккупантами и палачами, а германских нацистов повсюду начинают потихоньку реабилитировать — во всем этом огромная «заслуга» живущих (или еще недавно живших) в нашем государстве фальсификаторов истории.

Понятно, для чего ее переписывают в бывших советских республиках, когда-то занятых врагом. Их граждане хотят быть примерными подданными объединенной Европы, в которой Германия играет ключевую роль. Но вот зачем эта ревизия нужна российским властям — очень большой вопрос, по крайней мере для меня. Ведь по идее их уже не должны пугать «призраки сталинизма», возврат в «проклятое советское прошлое», «пересмотр итогов приватизации» — как следствие возникновения «призрака» или «возврата». Так не пора ли эту дурную и опасную ревизионистскую вакханалию прекратить. Тогда ни к чему будет оправдываться, например, перед украинцами, доказывая им, что голодомор — это не геноцид украинского народа, а наша общая прошлая беда. Да и перед поляками не нужно будет непрерывно извиняться и каяться. Наоборот, у них надо потребовать извинений за гибель в польских концлагерях десятков тысяч пленных красноармейцев — наших предков. По-моему, это элементарные, не нуждающиеся в дополнительной аргументации соображения...

И последнее. Я никогда не был воинствующим безбожником, хотя и к ревностным православным верующим себя, естественно, не относил. Мое поколение воспитывалось в духе, мягко говоря, несколько отдаленном от христианской ортодоксии, но не об этом речь. Сегодня Православная церковь в России как будто переживает своеобразный ренессанс. Тем удивительней недавняя проповедь Святейшего Патриарха Кирилла, в которой он определил Великую Отечественную войну как «наказание, божью кару за богоотступничество народа». С точки зрения людей воцерковленных, такой «вердикт» предстоятеля РПЦ, возможно, выглядит нормальным. Но, насколько я понимаю, еще далеко не весь российский народ успел воцерковиться. Для большинства граждан нашего подчеркнуто светского государства эти слова Патриарха равносильны грозному, гневному осуждению нескольких поколений советских людей. Достойны ли они посмертной «анафемы»? А может, со всем наоборот? Может, не наши отцы и деды, а сам Святейший пастырь несколько отступил — от данного ему Богом и людьми предназначения? Может, это он слишком увлекся греховной политикой и стал открыто подыгрывать теперешним околоцерковным власовцам, с радостью подхватившим «свежую» антисоветскую мысль? Ведь невооруженным глазом видно, на чью мельницу лил воду глава Русской Православной церкви. И тут, как никогда, уместно вспомнить другую проповедь — его дальнего предшественника Патриарха Алексия I, обратившегося к верующим в мае 1945 года с такими словами:

«День Победы, 9 мая 1945 г., совпал со светлыми днями Пасхи Христовой. Во всех

храмах Русской Церкви совершались благодарственные молебны и служились панихиды по погибшим. Особо торжественное богослужение было совершено Патриархом с сонмом иерархов, пресвитеров и диаконов в Патриаршем Богоявленском соборе. Но только ли сознание радости несет победа? Она несет также сознание обязанности, сознание долга, сознание ответственности за настоящее и будущее, сознание необходимости усилить труд, чтобы закрепить победу, чтобы сделать ее плодотворной, чтобы залечить раны, нанесенные войной. Много еще предстоит нам трудного дела, но мы теперь можем дышать свободно и радостно приняться за труд — тяжелый, но созидательный. Если во время войны в непоколебимой вере в конечное торжество правого дела мы победоносно преодолели все трудности, все лишения, все тяготы на фронте и в тылу, то с какою же удвоенной силой мы примемся за воссоздание наших городов, из которых каждый — герой войны; наших дорогих и священных памятников, всего того, что создала могучая воля и державная мощь нашего великого народа».

Какой разительный контраст в духовных наставлениях, не правда ли! Как-то совсем не верится по прочтении этой воистину праздничной патриаршей речи в отделение Русской церкви от сталинского государства, а уж тем паче — в богоотступничество народа, который по праву назвал великим тогдашний ее предстоятель.

Фундаментальные перемены, нетрудно заметить, в последние десятилетия затронули не только социальный уклад нашего общества, но и мировоззрение православных иерархов. И, как говорится, видит Бог — эти перемены отнюдь не к лучшему. Святейший Патриарх Алексий I будто к нашим современникам обратился. А звучат его слова сегодня в унисон с простейшей и по-особенному проникновенной лермонтовской фразой: «Богатыри не вы...».

ВОПРОСЫ POST SCRIPTUM

— Геннадий Иванович, почему вы особо выделили пивоваровский фильм о боях подо Ржевом?

— Трудно было не выделить. Мне пришлось обсуждать эту заведомо враждебную по отношению к советскому народу-победителю телевизионную поделку (и подделку) со своими знакомыми, друзьями. Все они были, с одной стороны, удивлены тем, что в год 65-летия Победы на экраны российского телевидения вышла эта дрянь, с другой — возмущены таким ненавязчивым, высокотехнологичным, «контекстным» зомбированием с использованием полуправды, лукавых передергиваний, псевдонаучных трактовок-интерпретаций. Ведь «целеполагание», которым руководствовались заказчики и авторы этого «документального» фильма, понятно любому здравомыслящему человеку. Они, обмозговав нынешнюю ситуацию в стране, в очередной раз пытались внушить нашим согражданам: «Вам не стоит гордиться победой ваших отцов, дедов и прадедов над гитлеровцами. Советские полководцы были бездарными и невероятно жестокими, с человеческими жизнями не считались и считаться не собирались. А солдаты и офицеры выступали в качестве безликой и безвольной массы, годной лишь на то, чтобы обеспечивать значительный перевес в живой силе».

Что, по большому счету, нам «показали и доказали» эти «телеисторики»? Что победы над фашистами порой достигались ценой огромных людских потерь? Что советские военачальники допускали стратегические и тактические ошибки? Так мы об этом как минимум на слышаны, как максимум немало читали — в том числе в «Воспоминаниях» Г.К.Жукова, которые для придания своему «шедевр» достоверности цитировал (вырывая из контекста) Пивоваров.

Хозяева пивоваровых, мнящие себя стратегами («видя бой со стороны»), категорически не желают понимать самого главного, причем для них же самих: ни их гадкого телебизнеса, ни их самих просто-напросто не существовало бы, если бы поля, леса и высоты подо Ржевом не были усеяны телами советских (и немецких, само собой) воинов. Вот в чем объективность и абсолютная достоверность, как ни печально это констатировать.

— Ненадолго вернемся к основной теме книги — теме ГКЧП. В дни его существования, насколько известно, лично вы и ваши товарищи обращались за поддержкой к ветеранам войны. Какова в основном была их реакция на ваши действия?

— Мы не могли и даже не имели морального права не обратиться к этим замечательным людям. Ведь именно они отстояли СССР в годы Второй мировой. Им, как никому, были (говорю «были» опять же потому, что осталось их очень мало) близки идеалы социализма, народовластия, дружбы народов в едином союзном государстве. В подавляющем большинстве своем ветераны создание ГКЧП одобрили. И в Москве, и в других регионах они активнее всех откликнулись на наше «Обращение»: слали нам телеграммы, спрашивали более или менее сведущих людей, чем можно помочь «чрезвычайному» комитету, не нужно ли организовать митинг в его поддержку, начать сбор подписей и т. д. Были даже такие, кто в столицу на подмогу ГКЧП намеревался из далека приехать.

— Так называемые «злые языки», прочитав выше сказанное, наверняка бросят вам упрек: мол, а стари ков-то зачем в свое дело втягивали, дескать, некрасиво это...

— Подобные упреки, если они будут высказаны, надо воспринимать как глупый вздор. Мы не собирались бросать ветеранов, фигурально выражаясь, «под танки», хотя многие из них, героических стариков, готовы были, как говорится, на самые решительные действия. Мы даже от митингов и других массовых мероприятий их отговорили, дабы не накалять и без того накаленную обстановку в стране. И лично мне, прежде всего, именно перед участниками Великой Отечественной войны стыдно до боли за то, что не смогли отстоять страну, за которую они проливали кровь, не щади ли своих драгоценных жизней...

— После провала ГКЧП покончил с собой Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны маршал С.Ф.Ахромеев. Вы не раз заявляли, что не верите в самоубийство Ахромеева? На чем основано (или было основано) это ваше сомнение?

— Я отнюдь не настаиваю на своем мнении и, наверное, не вправе исключать, что этот выдающийся человек, потеряв «почву под ногами», осознав полный крах идеалов и великого дела всей его героической жизни, в сущности мог свести счеты с жизнью. И все же, неплохо зная Сергея Федоровича, я не мог поверить в его самоубийство. И не я один. Валентин Иванович Варенников знал Ахромеева гораздо лучше и тоже не верил «официальной версии» гибели маршала...

РЕТРОСПЕКТИВА

В.Рыньков. Геннадий Янаев: загадка эпохи. Нижний Новгород, 2003 г.

— Вы верующий человек?

— Я думаю, что посещать церковь и верить в Бога — разные вещи. Мне говорили, что меня с амвона предавали анафеме. Можно отлучить от церкви, но не от веры. Я верю в человеческую порядочность, в силу человеческого разума. Извините, это не патетика — я верю в то, что добрых людей на земле больше, чем злых. Я верю в то, что, в конце концов, добро побеждает зло. Да, у меня в квартире есть иконы. Но я не молюсь каждый день. А когда выхожу, вижу Ново-Спасский монастырь рядом и всегда поклонюсь, но не крещусь. Почему — не знаю. Я верю в идею, которая мне кажется близкой и к коммунизму, и к христианству. Но я не верю

государственному безбожнику, который в храме в одной руке свечку держит, а другой, с мобильником, крестится. Борьба коммунистов с религией, думаю, была большой ошибкой.

— Как, по вашему мнению, в дальнейшей перспективе молодежь оценит ваш поступок в августе 1991 года?

— В условиях рыночной экономики молодежь в основном получает очень тенденциозную, дозированную информацию. Это чудовищно, когда учебник по истории (включающий в себя период Великой Отечественной войны) для общеобразовательных школ, написанный Кредером, профинансирован Соросом. Ведь задача последнего состоит в том, чтобы как можно быстрее перекачать мозги на Запад, а также вводить в заблуждение, дезинформировать в ходе общеобразовательного процесса молодое поколение. Учебник Кредера не содержит более или менее внятного рассказа о таких важнейших событиях, как Сталинградская битва, Курская дуга, битва за Москву и т. д. То есть практически всего того, что очень дорого нашему народу. По этому я не могу в нынешних условиях предположить, какую позицию займет молодежь по отношению к нашему, как вы выразились, «поступку».

СУДЬБА «МАВРА» В РОССИИ

В годы, следующие за революционными потрясениями и другими крупными социальными катаклизмами, будь то в нашей стране или в любом другом из государств мира, в порядке вещей было делить людей на своих и чужих. Это деление-отчуждение предварялось обычно сакраментальным вопросом: кем был и чем занимался в такой-то знаменательный период? Вариации этого «выявления подноготной» таковы: «Что вы дела ли в октябре семнадцатого?», «За кого воевали в Гражданскую — за красных или за белых? А может, за зеленых?», «С правотроцкистами якшались?» и т. д. и т. п. После Августа-91 ельцинские «демократы», устраивая «охоту на ведьм» и расталкивая друг друга локтями на пути к вожделенной властной кормушке, тоже не отказывали себе в удовольствии поиграть в строгих, дотошных следователей. Их вопросы звучали примерно следующим образом: «Что вы делали в дни августовского путча?», «Белый дом защищали?», «На демократические митинги протеста ходили?», «Ельцина поддерживали?». И хотя по сию пору «дело Ельцина живет и побеждает», немногие из тех, кто «защищал, ходил, поддерживал», ныне в этом публично признаются. Ибо стыдно, «не престижно» и даже глупо.

В мае 2010-го исполнилось 20 лет со дня первого заседания I Съезда народных депутатов РСФСР. Именно этот Съезд и избранный им Верховный Совет положи ли начало стремительной, целенаправленной кампании по развалу Советского Союза. Я далек от намерений обвинять депутатов этого Съезда в осуществлении какой-то невероятно сложной, особой, только им при сущей преступной «миссии». Разумеется, не они были пионерами в постыдном деле разрушения СССР, до них на этом «поприще» активно поработали более опытные, более искушенные в деструктивных начинаниях политические деятели. И все же им, российским республиканским депутатам, досталась самая заметная, с точки зрения историков, самая первоплановая роль в самой удручающей планетарной драме второй половины XX века.

15 мая около трех сотен бывших народных представителей бывшей Российской Советской Федеративной Социалистической Республики собрались в большом зале Российской академии наук, дабы отметить 20-летие своего «исторического» съезда. Это собрание они назвали «юбилейной научно-практической конференцией». Никого из моих друзей и близких знакомых на ней не было (что, в общем-то, вполне естественно), а узнал я об этой «конференции» из периодических изданий, прежде всего из «Советской России», которую неизменно выписываю около полувека. В номере этой газеты за 18 мая был опубликован очень любопытный для меня отчет Галины Платовой под названием «Наша громадная вина...». Статья написана весьма компетентно (и адекватно моим представлениям), потому считаю совсем нелишним привести из нее большие цитаты. Читая эти фрагменты, представим «на минуточку», что мы вдруг оказались на месте судей, прокуроров, адвокатов (на выбор), стремящихся установить некую историческую истину и дружно вопрошающих: «А вы, непосредственный участник того съезда, что имеете сообщить о нем суду?». Итак...

«Справедливые оценки I съезду народных депутатов РСФСР дали вице-президент Торгово-промышленной палаты Владимир Исаков, профессор Юрий Воронин, депутат Госдумы фракции КПРФ Олег Смолин.

Огромной трагической ошибкой Верховного Совета В.Исаков считает поддержку Беловежских соглашений, принятие Декларации о суверенитете России, под толкнувших развал СССР «Нам тогда обещали: только проголосуйте... Дайте срок, произойдет новая сборка (республик)... на здоровой демократической основе». Однако

«каждый год приносит только утраты и проблемы». От распада СССР выиграла бюрократическая верхушка, стремившаяся к президентской власти. На род безоговорочно проиграл. «И в этом наша громадная вина перед народом», — признал В.Исаков. Второй проблемный узел, «завязанный» тем съездом, — экономическая реформа, приватизация. Корни растущего имущественного неравенства, деформированной на логовой системы, всемогущества олигархов, разгула коррупции, рейдерства, криминала уходят в начало 90-х. Тогда же советскую Конституцию заменили буржуазной, на писанной под Ельцина, — несбалансированной, противоречивой, полной юридических тупиков. Но сегодня и она не выполняется... Нынешний парламент забыл о народе и его правах, принимая законы, которые выводят людей на улицы...»

В.Б.Исаков в свое время так же, как и Ельцин, переехал в Москву из Свердловска. По-видимому, благодаря в первую очередь именно этому обстоятельству (земляческим связям, личному знакомству) депутат быстро достиг высокого положения в российском парламенте, заняв пост председателя одной из его палат — Совета Республики. Но, не пробыв на этом посту и года, Владимир Борисович в полной мере осознал преступность замыслов и действий республиканской «демократической» верхушки и уже в начале 1991 года перешел в оп позицию тогдашнему председателю Верховного Совета Ельцину. Да, перед этим Исаков проголосовал (в июне 1990-го) за пресловутую «Декларацию о суверенитете РФ», в чем уже давно искренне раскаялся. Однако вину за ратификацию «Беловежских соглашений» он принимает на себя зря, поскольку этот стовор депутат В.Б.Исаков никогда и никоим образом не поддерживал. Более того, 19 августа 1991 года, находясь в «Белом доме», в окружении его бесноватых «защитников», председатель Совета Республики категорически отказался поставить свою подпись под «манифестом» ельцинистов, которые назвали организацию ГКЧП «путчем» и призвали граждан страны к «всеобщей бессрочной забастовке». Никакими забастовками в те дни и не пахло, а лично меня, осыпанного «демократическими» проклятьями «путчиста» Янаева, поступок Владимира Борисовича тогда в немалой степени тронул и даже несколько вдохновил. За что ему большое человеческое спасибо!

Очень показательны прозвучавшие на «юбилейной конференции» его слова о буржуазности Конституции, росте имущественного неравенства, всемогуществу олигархов. Казалось бы, такие рассуждения давно стали «прерогативой» членов КПРФ, а вовсе не бывшего лидера свердловских организаций «Демократического выбора» и «Мемориала» Владимира Исакова. Однако никакого парадокса в этом нет. Люди могут придерживаться самых разных политических взглядов и оставаться при этом ЛЮДЬМИ — порядочными, последовательными, принципиальными. Иными словами — есть «демократы» и есть демократы. В свое время я был убежденным противником отмены самой дискуссионной «6-й статьи» (провозглашающей руководящую и направляющую роль КПСС). Исаков, надо полагать, выступал за ее изъятие из Конституции Советского Союза. Кто из нас оказался прав? По большому счету и поныне этот вопрос остается дискуссионным. Жаль только, что дискутировать, по сути, уже некому...

Но продолжим цитирование.

«Трамплином народному бесправию послужил «самый демократический съезд», выплеснувший шквал критики на КПСС, Советскую власть, на социалистический уклад. Тот съезд стал, по определению О.Смолина, «не оптимистической трагедией парламентаризма». Да, он заложил основы многопартийности, послужил «уроком для любой партии, которая должна объединять людей по убеждениям, а не по формальной

принадлежности». Но «внес вклад в эскалацию буржуазной революции и пал ее жертвой». Декларация о суверенитете России, принятая 12 июня 1990 года, по мнению О.Смолина, явилась мощнейшим фактором разрушения Советского Союза со всеми вытекающими последствиями, которые даже В.Путин назвал величайшей геополитической катастрофой XX века... Россия перестала быть социальным государством. Ее оттеснили на задворки нового миропорядка. Социальные законы отменены зурбовской монетизацией. За образование, медицину народ заставляют платить второй раз, один раз все уже заплатили налоги. Откровенное мошенничество! Россия идет по пути разрушения законодательства, направленного на защиту человека. А без вложений в человека разговоры о модернизации — пустые слова. Вместо удвоения ВВП к 2010 году, обещанного Путиным, Россия побила рекорд по падению экономики среди стран «Большой двадцатки»...»

О.Н.Смолину, последовательному защитнику интересов не только его собратьев по несчастью (незрячих), но и десятков миллионов иных «рядовых» соотечественников тоже едва ли следует стесняться своего многолетнего депутатского прошлого (и настоящего). Еще в далеком 1990 году став членом российского парламента, Олег Николаевич не шел на поводу у разрушителей-демократов» и не голосовал ни за декларативное «освобождение» России от СССР, ни за одобрение «беловежской сходимости». А потому имеет полное моральное право говорить и о трагедии парламентаризма, и о вопиющей порочности нынешнего законодательства, и о химере под названием «модернизация», и о подлинной роли нашего государства в современном мире.

Что же касается «социального государства», то, даже несмотря на плачевное положение в Российской Федерации огромного количества бедных и нищих (десятков миллионов в совокупности), некоторые наши эксперты предупреждают: погодите, мол, «еще не вечер», вот пройдут президентские выборы 2012 года, и вы вообще навеки забудете и о бесплатном медицинском обслуживании (даже таком убогом, как сейчас, при системе ОМС), и о бесплатном высшем образовании (вернее — его жалких остатках). И подобные прогнозы «почему-то» совсем не кажутся заурядными пессимистическими страшилками. Не нужны теперешним властям, судя по всему, ни социальные программы, ни сильная боеспособная армия, ни по-настоящему образованный народ. А что нужно? Олимпиада в Сочи, на которую уже выбросили и еще выбросят из казны колоссальные средства (в несколько раз превышающие первоначальную сметную стоимость самих олимпийских объектов и их инфраструктуры), саммит АТЭ-2012 на Дальнем Востоке, универсиада в Казани и прочие подобные демонстрации «державного величия». Лично я не против олимпиад и других крупных спортивных (и не только) форумов в нашей стране. Однако смею утверждать, что не олимпиадами и не саммитами в первую очередь обеспечивается высокий престиж государства, а благосостоянием его граждан...

«Нить размышлений О.Смолина подхватил профессор Юрий Воронин, народный депутат РСФСР, первый заместитель председателя Верховного Совета РФ (1992 — 1993). По его глубокому убеждению, базу социально-экономического, политического и правового упадка России заложил тот I съезд. Он привел в «кабинет реформ» профессионально непригодных, нравственно нечистоплотных и корыстно озабоченных людей. «Перестройка» сломала государственность страны, ликвидировала Советы, отдала в руки криминальных «собственников» всенародное добро. С тех пор социально-экономический кризис стал непрекращающимся. Начиная с 1990-го страна переживает катастрофу более губительную по своим масштабам, чем великая

депрессия США 30-х годов прошлого века. ВВП потерял за годы гайдаровских «реформ» 2,8 трлн. руб. Трагические события на Саяно-Шушенской ГЭС, шахтах Кузбасса — результат гайдаризации, некомпетентности руководства всех уровней, безудержной жадности собственников-капиталистов. Преемники Ельцина продолжают вести Россию по пути монетаризма, что усугубляет экономический кризис...»

Вы таки будете смеяться, как говорят в Одессе, но в августе 1991-го Ю.М.Воронин был среди тех (троих — вместе с В.Б.Исаковым и Б.М.Исаевым) членов Президиума Верховного Совета РСФСР, которые не скрепили своими подписями истеричное «Обращение» ельцинских сторонников к «дорогим россиянам», содержащее, как указано выше, призыв к повсеместным стачкам и осуждение «путчистов». Анализ безрадостной действительности, сделанный профессором Ворониным, подкреплен многочисленными аргументами его книги, название которой говорит само за себя — «Стреноженная Россия: Политико-экономический портрет ельцинизма». О событиях, связанных с ГКЧП, в этой книге, кстати, рассказано довольно подробно.

Ельцин не оставлял идею развала Советского Союза, он к ней возвращался неоднократно. На помню читателю и для истории, что еще 19 февраля 1991 г., выступая по телевидению, он призвал не просто к отставке Горбачева, но и к передаче всей полноты власти в СССР Совету Федерации. Тогда эта попытка встретила резкий отпор в обществе. Тихий государственный переворот не прошел. Ельцину ничего не оставалось, кроме как ждать своего «звездного часа». Этот час для него наступил в августе 1991 г. Поэтому, когда сегодня многие политики, особенно «демократы» типа Г.Бурбулиса, С.Шахрая, А.Козырева или бывшие помощники Б.Ельцина — Ю.Батулин, А.Ильин, В.Костиков, Г.Сатаров и другие, защищая Бориса Николаевича, а самое главное — оправдывая свою роль в развале великой державы, обосновывают развал Советского Союза объективными условиями, заявляют, что Соглашение о создании Содружества Независимых Государств стало закономерным результатом послеавгустовского кризиса, — это явная ложь. Факты свидетельствуют об обратном. Ельцин последовательно, шаг за шагом, шел к разрушению Союза и задолго до предательского соглашения в Беловежской Пуще ратовал за создание СНГ...

Американская разведка действительно помогала Ельцину, выделив ему связиста из посольства США со спецоборудованием, обеспечивая команду Ельцина данными электронного перехвата о переговорах ГКЧП с военачальниками на местах.

Не знали мы тогда и того, что 20 августа министр иностранных дел РСФСР Козырев вылетел в Париж, чтобы «мобилизовать Запад на поддержку российского руководства».

Я считал тогда и тем более считаю сейчас, по прошествии времени, что ГКЧП был отчаянной попыткой спасти от развала Советский Союз, выполнить решения Четвертого съезда народных депутатов СССР и волю народа, закрепленную итогами Всесоюзного референдума 17 марта 1991 г.

В.Гусев, член Совета Федерации от Ивановской области, бывший заместитель Председателя правительства СССР, вспоминая атмосферу обсуждения вопроса о ГКЧП в правительстве СССР, отмечает, что «большинство коллег высказались в том смысле, что нужно использовать этот последний шанс для наведения в стране порядка, вернуть страну в нормальное русло экономического развития».

А что же остальные участники «юбилейной научно-практической конференции»?.. Неужели им нечего сказать в оправдание своих депутатских решений 20-летней давности? Практически нечего, во всяком случае в статье Галины Платовой об этом написано предельно кратко. И все же для пересказа выступления знаменитого Руслана Имрановича Хасбулатова в статье, опубликованной в «Советской России», нашлось место.

«Пытался анализировать уроки I съезда демспикер Верховного Совета Руслан Хасбулатов. По его оценке, динамитом, взорвавшим Союз, была не Декларация о госсуверенитете России, а горбачевская политика, каверзный Союзный договор и бесславный ГКЧП. «Та игра горбачевских людей мне до сих пор непонятна», признался Руслан Имранович. Своими действиями того времени он вполне доволен. «Историческая правда в том, что мне пришлось отговаривать Ельцина, испугавшегося ГКЧПистов, от бегства в американское посольство», — делился воспоминаниями Хасбулатов. А последующие разногласия с Ельциным «возникли из-за несогласия с пагубными гайдаровскими реформами». Расстрел парламента в 1993 году показал народу, что он больше властям не нужен, что он сделал свое дело, поверив перестройщикам, отдав им бразды правления, а теперь место масс — подчинение Чубайсам. «Не верь те словам о том, что мы великая держава, — предостерегал собравшихся Хасбулатов, — это иллюзия, РФ — в полной зависимости от Запада»...»

Ну в то, «что мы великая держава», верят нынче разве что не вполне нормальные люди. Да в том, что «РФ — в полной зависимости от Запада», сегодня мало кто сомневается. Не вызывает ни малейших со мнений и факт «сценарного» предназначения «мавра»-парламента, сделавшего свое неблагодарное дело, а затем изгнанного с политической сцены ельцинскими танками.

Удивляют скорее неуклюжие попытки неглупого вроде человека Р.Хасбулатова выдать черное за белое, государственную подлость за стремление к всеобщему благу. От имени бесславного ГКЧП я вправе спросить славного, хотя и бывшего председателя Верховного Совета РСФСР.

Руслан Имранович, в ваших благородных устремлениях чем ГКЧП помешал? Он что, не позволил вам до биться государственной независимости, декларацию о которой вы с вашими единомышленниками под фанфары и салюты провозгласили? А может, «путчисты», и находясь в тюрьме, срывали ваши прекрасные планы по обустройству великой России? Или это мы, а не ваш патрон Ельцин, окружили себя в начале 90-х «консультантами», прибывшими с нелюбимого вами Запада? Это мы в ваши стройные ряды внедрились Гайдаров и Чубайсов?

Вы гордо и громогласно свидетельствуете о том, что уговорили Ельцина не драпать в американское посольство. А зачем уговаривали-то? Чтобы он вас впоследствии танками из «Белого дома» «выкурил»? И, наконец, пора бы вам понять самое главное: и гибель великой державы, и кровь героических защитников Дома Советов, пролившаяся в октябре 1993-го, не только на упокоенной совести (если таковая вообще имела место) Бориса Ельцина, но и на вашей, Руслан Имранович, тоже...

Мне хотелось бы обратиться к тем, кто 12 лет назад победил. Если вы в 1991 году хотели разрушения страны, если вы жаждали, чтобы 25 миллионов россиян на правах изгоев находились в так называемых «новых независимых государствах», если вы выступали за то, чтобы экономика страны была отброшена на 40 лет назад, если вы

стремились к тому, чтобы уделом 90 процентов населения страны стала бедность, если вы ставили целью раз рушение страны путем воровской приватизации по Чубайсу, если вам мило национальное унижение своей страны, если вы добивались для бабушек свободы рыться в мусорных ящиках, чтобы не умереть с голоду, если вы хотели, чтобы возрождение России обернулось возрождением безработицы, туберкулеза, то поздравляю вас с праздником! А у народа — это день трагедии. Спросите у людей, нравится ли им жить так, как они живут? Спросите, хотят ли они работать и отдыхать, хотят ли давать своим детям бесплатное образование и иметь гарантированное медицинское обслуживание? Хотят ли они социальной справедливости? Нравится ли им свободная торговля оружием? Нравится ли им вымерзание городов, отключение электричества? Нравится ли им мир, ставший таким рекламно ярким и трудным для жизни?

Народ вашу победу не принял. И у него еще наверняка будет своя победа. Наша победа.

(В.Рыньков. Геннадий Янаев: загадка эпохи, 2003 г.)

ВОПРОСЫ POST SCRIPTUM

— Геннадий Иванович, если бы вам довелось вы ступить с высокой трибуны, обращаясь к высшим властям Российской Федерации, что бы вы им сказали?

— Боюсь, что не уложился бы в регламент, не сказал бы и половины того, о чем следовало бы...

— А все-таки?

— Ну, во-первых, наверное, затронул бы тему демократии. Ведь именно под флагом демократизации разрушали СССР Горбачев и Ельцин. Сейчас нашим государством управляют их, что называется, прямые наследники. Ну и где она, эта демократия, в чем выражается? В отмене всенародных выборов губернаторов? В превращении Совета Федерации в этакий политический отстойник? В бесконечных издевательствах над Ходорковским? Я ему не адвокат, и все же вправе спросить у властей предрержащих: чем этот бывший олигарх хуже олигархов нынешних?

И сам же отвечаю: ничем, а может, и намного лучше. Во всяком случае, огромное хозяйство, которым он управлял, было гораздо более прозрачным, с финансово-экономической точки зрения, нежели монополии его прежних конкурентов, теперешних лидеров списков журнала «Форбс». И в социальном плане бывшие владельцы «Юкоса» отличались в лучшую сторону от тех, кто с ними конкурировал. Социальная «температура» в городках нефтяников, построенных компанией «Юкос», была существенно комфортней, чем в районах месторождений, которые эксплуатировали и продолжают эксплуатировать другие олигархи. Так в чем же главная вина Ходорковского? Опять отвечаю: именно в том, что он начал активно участвовать в политической жизни государства. Вот и «загремел под фанфары». За такую демократию боролись Ельцин и все, кто ему «наследовал»?

— Ну а кроме «демократии» что вам категорически не нравится в сегодняшней РФ?

— Мне, наверное, проще было бы перечислить то, что нравится... Впрочем, нет, не проще — долго придется напрягать извилины...

О развале экономики в постсоветский период и о том, что восстанавливать ее, по большому счету, до сих пор никто не удосужился, наверное, рассказывать не стоит. Об этом без конца твердят более или менее толковые и добросовестные экономисты. Важнее заострить внимание

на другом — на заявленных планах государственного руководства.

Вот президент Медведев провозгласил курс на модернизацию и вроде начинает строить какие-то «силиконовые долины». Но резонно спросить у него: какой будет толк от этих «долин», ежели с «нефтегазовой иглы» государство и «придворные» олигархи «слезать» не намерены? Как Медведев будет осуществлять модернизацию, покуда за разговорами о диверсификации нашего чисто колониального типа экономики не следуют никакие реальные дела. Кто будет вкладывать деньги в создание новых наукоемких производств? Государство, с его главной «проблемой» под названием «Сочи-2014»?

Как президент Медведев будет модернизировать экономику в условиях неуклонного падения образовательного уровня народа? Ведь что представляют собой «реформы образования», проводимые у нас Фурсенко и его командой. Не что иное, как вчерашний день Запада. Его элиты, стремясь внедрить у себя все лучшее, что было в советской системе образования, навязывают нам через своих посредников все самое никудашное. На пример, пресловутый ЕГЭ. Сдавая этот «экзамен» старшеклассник или абитуриент вместо того, чтобы продемонстрировать свои подлинные знания и способности, играет в «угадайку». Нас «реформаторы» пытаются убедить в том, что ЕГЭ нужен для предотвращения повальной коррупции среди преподавателей. Но ведь все понимают, что это чушь: как продавали ответы на экзаменационные вопросы, так и по сей день продают...

Еще бы я спросил у кремлевских властей, зачем они добивают армию и ядерный щит страны. Ни для кого не секрет, что теперешнее сокращение российских ядерных вооружений по своим масштабам может сравниться разве только с горбачевской сдачей национальных интересов. Похожая ситуация происходит у нас и с обычными вооружениями: за рубеж продают на миллиарды долларов, а своим вооруженным силам поставляют считанные единицы относительно новых видов оружия и боевой техники. Такое количество этих самых «единиц», какое получает за год (или даже годы) Российская армия, раньше у нас выпускал один крупный завод в течение дня, максимум — недели. Короче говоря, все идет к тому, что наша оборонная мощь скоро станет еще в два раза слабее.

Можно долго говорить о продолжающемся кризисе практически во всех сферах нашей жизни — в промышленности и сельском хозяйстве, науке и культуре, образовании и здравоохранении, о том, что по уровню жизни мы скатились в конец списка государств мира... И уже в экспортно-нефтегазовом секторе видны первые кризисные (ну или предкризисные) тенденции.

За без малого 20 лет во многих отраслях не достигли экономических показателей последних лет СССР. При Сталине за 20 лет создали мощнейшую индустрию, провели коллективизацию в сельском хозяйстве (кто бы и что бы о ней ни говорил, без нее победить в вой не с гитлеровской Германией было невозможно), совершили культурную революцию.

И, конечно же, нельзя не коснуться кадровой политики. Мне трудно понять, ради чего той же армии, здравоохранению и другим государственным сферам и структурам навязываются в качестве руководителей абсолютные непрофессионалы. Это что, тоже необходимое условие модернизации?

— Вы со студентами на политические темы беседуете, дискутируете?

— Очень редко. Свой взгляд на вещи навязывать им не пытаюсь, больше интересуюсь их мнениями. К примеру спросил у них: «Что вы считаете главным завоеванием властей и общества в постсоветской России?». Один из ответов (по-видимому, довольно распространенных) меня, честно признаюсь, обескуражил. Молодые люди полагают, что «новая Россия» даровала им право и возможность выбирать профессии по призванию. Я даже комментировать это не хочу...

В.Рыньков. Геннадий Янаев: загадка эпохи. Нижний Новгород, 2003 г.

— Геннадий Иванович, социально-экономическая обстановка в стране напряженная. Почему же парламент не принимает законы, которые облегчили бы жизнь простого народа?

— Для того, чтобы парламент принимал законы в интересах народа, необходима политическая воля. О какой политической воле парламента можно говорить, когда две трети депутатов Государственной думы представляют интересы олигархического капитала, а остальная часть — кремлевского руководства. Чтобы изменить социально-экономическую ситуацию в стране, необходимы кардинальные изменения в политике государства, высшим приоритетом которой было бы обеспечение национальных интересов государства, реальное обеспечение прав граждан, развитие демократического процесса. Но если страной по-прежнему будут управлять олигархи, то прогресса в нашем государстве в обозримом будущем ожидать не приходится. Решения по вопросам внутренней и внешней политики России должны приниматься в Москве, а не в Вашингтоне.

ПО НЕСВЕЖИМ СЛЕДАМ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ. Открытое письмо А.А. Проханову

Здравствуйтесь, многоуважаемый Александр Андреевич! Это письмо, если оно, конечно, попадетсЯ Вам на глаза, возможно, несколько удивит Вас. Ведь такая форма заочного общения в наших давних и, смею надеяться, приятельских, союзнических отношениях еще не использовалась (мои тюремные месяцы не в счет). Прибегнуть к ней меня подтолкнуло одно немаловажное обстоятельство: я страшно далек от журналистского и уж тем паче писательского ремесла, и потому некое подобие эпистолярного жанра представляется мне наиболее подходящим для выражения своих мыслей на бумаге.

Александр Андреевич, Вам наверняка известно, что я давным-давно состою в рядах огромной армии поклонников Вашего многогранного таланта — литературного, политического, ораторского, вдохновенно публицистического и т. д. Этот же текст прошу воспринимать как некое проявление обратной связи, читательский отклик на Ваше чрезвычайно богатое творчество. Мы с Вами сверстники и полные единомышленники, а значит, отдельные мои сомнения и замечания, высказанные вслух (точнее — письменно), не должны ни в коей мере Вас огорчить, раздосадовать.

Примерно полгода назад я прочитал Вашу очень яркую и — по первом прочтении — во всем убедительную статью под названием «Свидетель перестройки». Сперва мне показалось, что Вы абсолютно точно и объективно выявили, отразили окаянные параллели дня нынешнего и наших прежних этапов истории. Однако, когда я тщательно обдумал прочитанное и мысленно разбил эту статью на фрагменты, у меня возникли некоторые принципиальные возражения. Нахожу правильным поделиться ими и лично с Вами, и с теми, кто много лет совершенно справедливо считал (и по-прежнему считает) Вас самым мощным, самым эффективным генератором востребованных обществом патриотических идей и теорий. Итак, перейду к сути.

В самом начале статьи вы написали (приведу большой фрагмент, чтобы не вырывать из контекста):

«Наши дни загадочным образом напоминают перестройку 80-х годов. Некоторые из сегодняшних политологов называют процесс, начатый с приходом президента Медведева, «перестройкой-2». Слишком много совпадений, слишком много одних и тех же тенденций, прерванных путинским правлением.

Наряду с кремлевским центром перестройка выделила и второй, параллельный центр. С какого-то момента рядом с Горбачевым появился Ельцин, в стране возникло своеобразное двоевластие. Вокруг них начинали группироваться люди, пошла тихая аппаратная борьба, потом она переросла в партийные столкновения, а в итоге расколола все основы советского общества, армию, госбезопасность, культуру. Эта борьба окончилась катастрофой ГКЧП, сдвинулась лавина, и мы лишились великой страны.

Сегодняшнее двоевластие не так явно, но уже заметно. Вокруг Медведева и Путина складываются разные кольца. Разные имена, разные репутации. Модернисты-обновленцы окружают нынешнего президента. Они идеологически конфронтуют с такими людьми, как Сечин, Абрамович, старой олигархической гвардией, включая Фридмана и Дерипаску.

Существуют и другие симптомы. Вспомним «путинский застой». Путин заморозил процессы распада, остановил сепаратизм, войны. Но одновременно

остановил нарождающееся развитие, законсервировал страну. Ему на смену пришла динамика медведевско го ренессанса, модернизации. То же самое было и при Горбачеве. После застоя наших геронтократов он пришел как буря, предлагая стране динамику обновления, ускорения.

В чем трагедия перестройки? Вместо того чтобы ставить новые станки, строить заводы, Горбачев пустился в трансформацию политической системы, уничтожив централизм. То же самое делает сейчас и Медведев. Лучше свобода, чем несвобода, сказал он. Но всякая модернизация предполагает несвободу, ограничения, концентрацию».

Вряд ли я готов спорить с Вашим, Александр Андреевич, утверждением относительно путинского замораживания «процессов распада». Наверное, так и про исходило — этот «процесс» был остановлен и в государстве установилась относительная стабильность. Но противопоставляя в этом смысле Медведева Путину, Вы как бы намекаете: нынешний президент в отличие от его предшественника своими действиями вольно или невольно подготавливает дальнейшую дезинтеграцию страны, то есть ее распад на регионы. И в этом, судя по всему, Вы усматриваете (пусть и гипотетически) самую зловещую параллель нынешнего «двоевластия» с разрушительным горбачевско-ельцинским «тандемом». Может статься, проводя такую аналогию, Вы, дорогой товарищ Проханов, правы, а может, и нет...

Полагаю все же, что развал Союза был выгоден очень и очень многим, прежде всего — здешним (в первую очередь республиканским) и западным «эли там». Гибель СССР означала кончину не только союзного государства как такового, но и крах социализма, советской системы, стремительный переход к хищнической форме капиталистических отношений, интеграцию в «мировое сообщество» на правах сырьевой колонии Запада и все такое прочее. Все эти цели, как не трудно заметить, были достигнуты.

Разделение же Российской Федерации на отдельные куски, по большому счету, невыгодно никому — ни «вашингтонскому обкому», ни постоянным обитателям Кремля, ни Фридману с Дерипаской, ни тем, кто с ними, по вашим словам, «идеологически конфронтирует», ни даже лидерам национальных республик. Последние благодаря установившимся, весьма льготным для них, межбюджетным отношениям живут в сытости («горячие» территории Кавказа — отдельная тема) и даже известной изолированности от других областей. И если чем-то недовольны, то это недовольство не носит взрывоопасного характера. За счет русских налогоплательщиков и большого запаса природного сырья пока еще можно подобные проблемы решать более или менее успешно.

Наш известный философ и социолог Александр Зиновьев в свое время говорил о нынешней России примерно следующее: это государство-ублюдок (буквальное выражение Зиновьева) может существовать бесконечно долго — и 100, и 200, и даже 300 лет. Пока на территории РФ есть сырье, огромные неосвоенные пространства («годные» для захоронения ядерных и прочих отходов из-за рубежа), дешевая рабочая сила и прочие атрибуты колонии, у западных держав нет никакой необходимости покушаться на «целостность» такого государства. В самом деле, зачем «цивилизованному миру» организовывать у нас неуправляемый экономический хаос, разрыв колониально-наместнических управленческих связей, локальные или тем более повсеместные очаги социальной напряженности? Вас смущает слово «модернизация»? Но оно никуда и не уходило из обиходного лексикона российских политиков все последние десятилетия. Всевозможные «модернизации», «диверсификации», «демонополизации» довольно громко декларировались и во время президентства Владимира Путина. Другое дело, за грохотом военных кампаний в Чечне эти декларации были не очень хорошо слышны...

Что же касается «идейной конфронтации» разных групп олигархов, то она суть неперемное условие жесткой и порой жестокой компрадорско-капиталистической конкуренции, нередко влекущей за собой передел собственности. Причем далеко не только в нашей стране. А мировой финансовый кризис эту непримиримую конкурентную борьбу только усилил, обострил.

Так что извините, уважаемый Александр Андреевич, вышеприведенная аналогия мне представляется несколько спорной. Хотя, еще раз оговорюсь, возможно, Вы правы. Но пойдём по статье дальше...

«Тема глобализации и общечеловеческих ценностей, разрушения перегородок между странами и нациями — это любимая тема президента Медведева. А Горбачев с его «Европа — наш общий дом»?»

Есть более неприятные совпадения. Помните, как мы в одностороннем порядке убрали свои дивизии из Восточной Европы? Победоносные дивизии, которые за три дня могли дойти до Пиренеев, в спешке возвращались в Россию и исчезали в русских полях. Сейчас мы уничтожаем армию и готовы перед лицом Америки сократить наше ядерное вооружение на две трети.

В период горбачевской перестройки по всей периферии Союза прокатились конфликты, зажглись горячие точки. Сегодня снова горит Кавказ. Горбачевская перестройка была отмечена знаменьями. Катастрофа в Чернобыле — это был знак беды. А сейчас трагедия на Саяно-Шушенской ГЭС».

Насчет «любимой темы президента Медведева» ничего сказать не могу. Однако осмелюсь заметить, что президент Путин едва ли стремился к политической или экономической самоизоляции. «Дружественный» экспорт российского сырья и «при Путине» был главным источником бюджетных доходов, а также «стабилизационных» и золотовалютных накоплений. А если вспомнить, где эти накопления хранились и хранятся, то и вовсе отпадает охота обвинять экс-президента и премьера правительства в проведении какой-то враждебной по отношению к Западу политики. Более того, именно путинские пропагандисты придумали для нашего государства красивый эвфемизм «энергетическая империя», за которым как бы спрятали подлинное предназначение российской «экономики» — добровольно и регулярно поставлять «странам и нациям» дешевые энергоресурсы.

И в таком глобальном «альтруизме» наши владельцы недр и скважин дошли до того, что установили цены на бензин в Российской Федерации гораздо выше, чем, например, в Америке, которая нефть в основном импортирует. Оправдывая самопровозглашенный статус «энергетической державы», мы отнюдь не торопимся восстанавливать нашу разгромленную наукоемкую промышленность. Как заявлял два года назад лидер КПРФ Г.А.Зюганов, производство металлорежущих станков по сравнению с началом 90-х у нас сократилось в 11 раз, тракторов — в 14 раз, вычислительной техники — в 15 раз. Это ли не показатели нашей самозабвенной открытости перед Западом, постоянного стремления уступить, освободить для него нишу индустриального и постиндустриального производства? Ведь такое его падение, как в РФ, больше никому из более или менее развитых (а тем паче развивающихся) стран и не снилось. Как не снился и такой, как у нас, износ «основных фондов» — более 50%.

А еще Зюганов привел такие отрадные для лидеров развитых стран и совсем безрадостные для нас данные: «Обрабатывающая промышленность выпускает продукции лишь 45% от уровня 1991 года. Такое падение производства происходило только в момент, когда фашисты захватили треть европейской, наиболее развитой, части страны. После 1991 года не построено ни одного

крупного современного предприятия. Исчезли целые отрасли, определяющие технический прогресс, — электронная, радио- и приборостроение. Россия способна производить лишь половину комплектующих для своего ВПК. Полувековой юбилей первого спутника и 45-летие полета Гагарина страна встретила без единого метеоспутника. О каком статусе сверхдержавы можно говорить в этих условиях?.. Из России уже выехали около 800 тыс. специалистов высшей квалификации и более 100 тысяч ученых. Двадцать тысяч ученых работают на страны ЕС, оставаясь сотрудниками российских учреждений. Страна становится интеллектуальным донором и кадровой колонией для «золотого миллиарда»...»

Так что правителям западных государств, право же, грешно на нас обижаться.

Не могу согласиться, уважаемый Александр Андреевич, и с Вашим мнением о том, что при президенте Медведеве какими-то ускоренными темпами пошла «демилитаризация» РФ. На протяжении всех постсоветских лет и ядерное вооружение у нас планомерно сокращалось, и армия неуклонно теряла численность, и военные базы за рубежом (например, во Вьетнаме и на Кубе) прекращали свое существование.

«Знаковые» катастрофы, кстати, «при Путине» тоже случались, достаточно один «Курск» упомянуть...

Следующая часть Вашей статьи, Александр Андреевич, заслуживает того, чтобы процитировать ее полностью. Ибо это не просто фрагмент газетной публикации, а «концентрированное выражение» целой теории. Конспирологической...

«Сталинское время было наполнено тайнами. Многие из них не раскрыты, иные не будут раскрыты никогда. Ключи от этого великого проекта были у одного человека. И он, уходя из жизни, выкинул эти ключи в реку времени.

Таковыми же тайнами окружен распад Советского Союза. Либералы, демократы говорят: «СССР распался сам». Но Советский Союз — это не ком сухой глины. Это галактика, наполненная тысячами явных и неявных связей. Распад Союза — огромная тайна. Перестройка была утонченной формой насилия над социумом. Одной из загадочных фигур является отец перестройки. Вы думаете — кто? Михаил Сергеевич Горбачев? Нет.

Юрий Андропов является отцом перестройки, ее теоретиком, концептуалистом. Таинственный гений или демон нашей истории. Он был модератором тех процессов. Начал свое правление с провозглашения курса на усиление производственной дисциплины и модернизацию.

Всемогущий глава КГБ долгое время скрыто управлял процессами внутри партии и страны. Он стал главой страны, генсеком. Комитет госбезопасности стал управлять Советами, партией, экономикой — всем. Триумф госбезопасности абсолютно изменил структуру нашего общества. Это был один из первых государственных переворотов. Смещение Хрущева в сравнении с ним — это всего лишь внутривнутрипартийные разборки. Приход к власти госбезопасности в лице Андропова — переворот иного плана, структурный.

Академик Сахаров призывал сблизить нашу систему с западной. Но первыми сблизилась не экономики, не культуры, а разведки СССР и США. Началось интенсивное взаимное разоружение, собрались переговорщики. Кто мог этим заниматься? КГБ и ЦРУ. Тогда и возникла эта таинственная, нигде не описанная конвергенция разведок. И Андропов был ее частью.

Он массу времени посвящал чтению советских документов, исторических манускриптов. Изучал страну. Он хотел найти ключи, которые Сталин выкинул в океан

истории. И отомкнуть сейф великого советского проекта. Он хотел понять, как устроена советская мегамашина. Но не для того, чтобы ее смазать, заменить изношенные узлы. А для того, чтобы узнать, как ее разрушить. Империя казалась ему нерентабельной. Нужно было сбросить окраины. Сбросить Украину, Белоруссию, Среднюю Азию, оставить вместо красной империи русское национальное государство. В результате этой операции мы не досчитались 10 миллионов русских.

И это были не просчеты. Это были четкие расчеты.

Еще один персонаж тех времен — Александр Яковлев. Простоватый, окаяющий ярославский мужичок с животиком, милый человек. Но он был послом в Венгрии и, по существу, руководил подавлением восстания в Будапеште. Пошехонский мужичок вдруг отправился учиться в колумбийский университет в США. Он вернулся, напитанный таинственной, мощной культурой американских политических технологий. Он вернулся в Россию кибернетиком перестройки».

В общем и целом эту Вашу теорию, уважаемый Александр Андреевич, ни подтвердить, ни опровергнуть не представляется возможным. Конечно же, СССР распался не сам, и какие-то тайны, связанные с его гибелью, еще долго будут будоражить умы просвещенной публики. Вряд ли можно исключить и то, что Андропов являлся в каком-то смысле «модератором (т. е. главным регулировщиком) тех процессов». Он твердой рукой ввел в советский истеблишмент Горбачева. Он негласно поощрял «либеральные настроения» отдельных (подчеркиваю — ОТДЕЛЬНЫХ) представителей околокремлевской интеллигенции. В конце концов, он чрезвычайно удачно воспользовался «уходом» с его пути к вершине власти таких сильных конкурентов в борьбе за партийно-советский трон, как Машеров, Романов, Кулаков, Щербицкий...

Но можем ли мы быть на 100 процентов уверены, что Андропов желал конца Союза Советских Социалистических Республик? А если все-таки желал, то почему никак не проявил это желание во время своего руководства страной? Ради чего он «собирался сбросить окраины» (Украину с Донбассом и Крымом, Киевом и Харьковом, подлинно братскую Белоруссию) «и оставить русское национальное государство»? Ради «странного», неведь кем внушенного «русского национализма»? Но подобного национализма как полноценной идеологии, слава богу, не существовало и не существует. Русские националисты не считают белорусов и украинцев (по крайней мере восточных) какими-то инородцами или иноверцами. Да и вообще, говорить об Андропове в сочетании с «русским национализмом» лично у меня с трудом язык поворачивается. Как писал в своих воспоминаниях о семидесятых годах в СССР В.А.Казначеев, бывший партийный руководитель из родного Горбачеву Ставрополя: «Подъем русского национального самосознания подавлялся нещадно. Множество русских молодежных организаций национального толка были истреблены, а их участники получили не символические сроки, как, напри мер, прозападные правозащитники, а совершенно реальные, полновесные 10 — 15 лет».

Мне немного «не с руки» заниматься рассуждениями о разного рода национализмах, поскольку себя я все-таки к интернационалистам причисляю, и тем не менее меня слегка смутило упоминание о «брежневском» председателе КГБ в означенном контексте. Хотя, конечно, готов признать, что чего-то недопонимаю...

Может, все-таки причины особенности и обособленности Ю.В.Андропова следует искать не в теории заговора, а в чем-то другом? Допустим, в обычной человеческой природе, с ее причудами, недостатками и комплексами. Что я имею в виду? Ну, например, ощущение себя чужаком в брежневском Политбюро, в котором доминировали либо фронтовики, либо крупные

государственные руководители времен Великой Отечественной войны. Во времена «застоя» такое деление на своих и чужих было в порядке вещей. Андропов не являлся ни фронтовиком, ни членом сталинского правительства. И как знать, не в этом ли кроется тайна его планов и поступков... Известно, что среди высших партийных и советских руководителей Юрий Владимирович слыл самым ярко выраженным «ястребом». К примеру, в то время, когда бывшие фронтовики, будущие гэкачеписты (пусть и неформальные), крупнейшие специалисты и начальники Генштаба С.Ф.Ахромеев с В.И.Варенниковым высказывали сомнения в необходимости ввода войск в Афганистан, Андропов на этом вводе буквально настаивал.

Чем подпитывался столь радикальный милитаризм — не давним ли комплексом человека, в сущности не шибко причастного к величайшему подвигу советского народа? А совершенно очевидный андроповский цинизм — чем он был обусловлен? Не пресловутыми ли «хрущевскими разоблачениями»?

Сталин при жизни воспринимался как «царь и бог». Когда же он умер, да еще и удостоился посмертных проклятий с трибуны XX съезда, сработала знамени тая «формула» Достоевского: «Если Бога нет, то все позволено». Позволено распивать за милой беседой чай с «замаскировавшимися» ненавистниками советской власти, позволено заступаться за мерзавца-двурушника, будущего изменника Родины Калугина, позволено покровительствовать Горбачевым и Яковлевым...

Кстати, меня и некоторых моих знакомых весьма удивило то, что Вы, уважаемый Александр Андреевич, «отправили» А.Яковлева послом в Венгрию, да еще и во время тамошнего антисоветского восстания (1956 года). Андропов был тогда послом в этой стране, а не Яковлев.

Эту Вашу ошибку мы с друзьями сочли преднамеренной. Всем известны Ваши своеобразные, только од ному Вам присущие розыгрыши. Наверняка и эта «дипломатическая миссия» Яковлева задумана Вами с тем, чтобы немного подурочить читателей. А если и нет, то опять же ничего страшного. Андропов, Яковлев — какая в сущности разница. Через Горбачева они навеки «породнились», и Вы справедливо назвали Яковлева «кибернетиком перестройки». Но читаем далее.

«Перестройка была начата с пафосного заявления Горбачева о начале модернизации и ускорения. Это всех вдохновило. Кто же не хотел рывка, преодоления застоя? Кто же не хотел свежего ветра в наших застоявшихся домах? Но вместо этого был нанесен удар по советской индустрии. При крупных предприятиях, при огромных монопольных заводах были созданы кооперативы, маленькие хищники, которые набросились на гигантских советских ящеров и стали пить из них кровь. За год они истощили эти предприятия. Перекачали к себе ценности, разбазарили сырьевые запасы, переманили лучшие кадры.

Пришла теневая экономика. Те, кто скрывался, кого ловили, судили, иногда расстреливали, вышли на свет со своей грабительской психологией. Одновременно была введена процедура избрания директоров. Чудовищная идея! Крупные производства нуждались в централизованном управлении. «Красные директора» обладали огромным опытом, волей, властью и гигантской ответственностью перед Центром. И теперь их надо было избирать. Толпы рабочих сминали их, выкидывали, заменяя дилетантами, избранниками народа. Это подрывало основы управления советской экономики. И промышленность начала стремительно разрушаться.

Включилась пропаганда по обвинению военно-промышленного комплекса во всех наших бедах. Говорили, что ВПК сожрал нашу экономику, высосал из нас все деньги. Но во всех цивилизованных странах ВПК — это локомотивы развития. В нем

рождаются все современные технологии. Фундаментальная наука работает на ВПК, там лучшие умы, там открытия, там все средства. Под видом конверсии стали убивать закрытые высокие технологии. ВПК превратился в труху. Теперь мы можем сделать соломенную ракету, берестяной танк, деревянные компьютеры».

В процитированном отрывке комментировать и пытаться оспаривать абсолютно нечего. Лучше Проханова тут, как говорится, хоть умри — не скажешь, не напишешь. Вот за это, уважаемый Александр Андреевич, Вас и считают бесспорно лучшим, поистине уникальным выразителем народно-патриотической идеологии. К Вашим хлестким метафорам можно разве что добавить парадоксальный факт: на «трухлявом», давно устаревшем, морально и физически, оборудовании как-то исхитрились до последнего времени производить оружие и военную технику, разработанные еще ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. И даже «толкать» эти изделия за рубеж, выйдя на второе место в мире по экспорту военной продукции. Но если все пойдет так и дальше, то очень скоро и этому бизнесу настанет конец. Не только станочный парк приходит в полную негодность. Рабочий класс также «устарел», «изношен» до предела. А молодого пополнения ждать неоткуда, поскольку система профтехобучения разрушена. Уже даже олигархи, паразитирующие на старом ВПК, буквально взвыли, заголосив о необходимости возродить ПТУ. Вот только найдут ли они желающих обучаться рабочим профессиям? У молодежи-то нынче совсем другие запросы...

«Следующий удар пришелся по армии. Армию сна чала бросили с лопатками на толпу, а после этого предали, обвинив в жестокости. Отреклись от собственноручно отданных приказов, представив солдат кровожадными монстрами. Горбачев уничтожил командующего округом генерала Родионова, обвинив его в тбилисской трагедии. Армия была демонизирована и деморализована. Собчак ратовал за свободу Грузии, защищал грузин от жестоких русских палачей. И во что превратилась Грузия? В Грузию Гамсахурдия и Саакашвили. Армия пыталась усмирить эти безумства, но вышла оттуда униженной, оскорбленной и подавленной. В Вильнюсе произошло то же самое. Сначала военных кинули на подавление мятежей, а потом Горбачев их предал. Алма-Ата, Фергана — везде один сценарий. Армия, как вернейший институт государства, была уничтожена. Как результат, во время ГКЧП армия вошла в столицу, погрохотала, попытала и позорно ушла из Москвы».

А эти Ваши, Александр Андреевич, в высшей степени правдивые заметки я почти дословно пересказываю всюду, где это в той иной степени уместно. И подобные заимствования отнюдь не считаю зазорными. Уверен, что другие члены ГКЧП полностью разделяли (большинство из них, увы, уже «в прошедшем времени»...) мое мнение относительно Вашего яркого, благо родно-ядростного творчества. В нем, помнится, в свое время нашло отражение и такое справедливое замечание: совершенно безропотно взирают на все, что про исходит с нашими вооруженными силами, их «униженные-оскорбленные» офицеры. Они вместо того, чтобы припугнуть имеющимся у них оружием могильщиков армии и всего Отечества или хотя бы решительно выступить на защиту своих прав, нередко с помощью это го же оружия сводят счеты с жизнью...

Пользуясь случаем, кстати или некстати упомяну один любопытный эпизод, связанный с вышеупомянутым Гамсахурдией: в дни работы ГКЧП он присылал в Москву своих «эмиссаров», дабы выразить от имени грузинского народа всеобщее стремление «жить и процветать» в составе СССР. Такая вот грустная ирония судьбы...

Как бы там ни было, раз уж взялся обильно перепечатывать статью, то доведу это дело до

конца.

«Сейчас Горбачев празднует объединение Германии, сидит вместе с Колем, как триумфатор. Он сдал соцлагерь, он снял с Советского Союза защитную оболочку. Он раскрыл врата НАТО к советским границам. Он наслаждается этой победой с лицом иуды.

Еще предстоит узнать, о чем говорил Горбачев, будучи секретарем ЦК, в Лондоне с Тэтчер. Почему состоялась эта аттестация? Почему таинственная леди Тэтчер, представитель английской аристократии и английских спецслужб, дала ход Горбачеву? О чем говорил Горбачев в Рейкьявике с Рейганом? После завершения этих переговоров он вышел со страшным лицом, будто убил свою мать. Он совершил ужасное предательство. Когда они встречались потом на Мальте на борту корабля, поднялась страшная буря. Даже море не могло стерпеть предательства, которое там совершалось.

Горбачев потом признавался, что всю жизнь мечтал порвать с коммунизмом. И все, что он делал, он делал сознательно. Он сознательно уничтожил Советский Союз».

Верно, уважаемый Александр Андреевич! Но о чем говорят нам иудины муки, отразившиеся на лице Горбачева после встречи с Рейганом? Наверное, все же о том, что давно вынашиваемого, якобы разработанного еще Андроповым стратегического плана развала СССР скорее всего не существовало. По-видимому, имела место «всего лишь» цепь чудовищных предательств и, как когда-то говорили, перерождений. И абсолютно очевидно то, что морально-нравственной основой всем этим мерзостям послужили укоренившиеся в позднем советском обществе безыдейность, безверие, беспринципность.

А они суть прямые следствия хрущевского ПЕРЕВОРОТА. Переворота не только в политике и общественной жизни, но и, что самое страшное, — в массовом сознании. Поэтому, как мне кажется, есть все основания полагать, что не Андропов был первым архитектором перестройки по-горбачевски, а не кто иной, как Никита Хрущев. И если вспомнить, с чего Горбачев и Яковлев ее начинали — со второй волны «разоблачений сталинизма» — то все в этой гипотезе становится на свои места.

Уважаемый Александр Андреевич, то, что вы делаете все последние десятилетия, обеспечило Вам достойное место в истории Государства Российского. И даже Ваши апелляции к В.В.Путину с расчетом на то, чтобы «чувства добрые лирой пробуждать», свидетельствуют лишь об одном. О том, что Вы по праву находитесь на вершине не только литературного, но и общественно-политического олимпа.

Искренне желаю Вам отменного здоровья и всяческих успехов на Вашем многотрудном и почетном поприще!

С неизменным особым уважением к Вам, Ваш постоянный читатель (и почитатель)
Геннадий Янаев.
Июнь 2010 г.

ВОПРОСЫ POST SCRIPTUM

— Геннадий Иванович, в некоторых изданиях описывается такой случай. В 1972 году Яковлев, «трудившийся» тогда в отделе пропаганды ЦК КПСС, «в один прекрасный день» зачитывал свою знаменитую русофобскую статью «Против антиисторизма» перед партийными и комсомольскими работниками, а также представителями творческой интеллигенции. Во

время этого выступления «главный пропагандист» нашел взглядом в зале писателя Валерия Ганичева (нынешнего председателя Союза писателей России) и отпустил в его адрес какую-то ядовитую реплику. Это была очевидная для всех «черная метка». В тот момент вы поднялись со своего места, подошли к Ганичеву и демонстративно встали рядом с ним, выразив таким образом солидарность с писателем. Было такое?

— А где вы это прочитали?

— В частности, в одной биографической книге о Ганичеве.

— Ну, если в книге писали, значит, наверное, что-то подобное было...

— А почему вы «для прессы» об этом своем поступке никогда не рассказывали? Ведь он дорогого стоит.

— Зачем? Мало ли все мы плохих и хороших дел наделали. О плохих, может быть, и надо иногда рассказывать, признавая свои ошибки и слабости. Да и то вряд ли — не так поймут... А бахвалиться по принципу «сам себя не похвалишь — от других не дождешься» вряд ли стоит.

— Яковлев, по вашему мнению, работал на американские спецслужбы?

— Могу сказать на эту тему не больше, нежели со держится в «открытых источниках»... Да ведь Владимир Александрович Крючков не раз выступал по этому вопросу в прессе. И в своих книгах об этом писал. Мне известно, что он докладывал Горбачеву о возможной причастности Яковлева к деятельности американской разведки. Однако, как я понимаю, неопровержимыми доказательствами этого (возможного) тягчайшего преступления председатель КГБ не располагал. Да и откуда было им взяться. Если Яковлева завербовали американцы (как предполагал Крючков — еще в 60-е годы), то, конечно же, сделали это по всем правилам строжайшей конспирации. И чтобы получить об этом достоверные сведения, нужно было иметь свою агентуру в руководстве ЦРУ или Белого дома. Ну или как минимум пере вербовать тех, с кем Яковлев в Америке контактировал. Вряд ли такое было возможно. Но, как бы там ни было, Яковлев и ЦРУ делали общее дело. И этому факту не требуются какие-то дополнительные подтверждения.

РЕТРОСПЕКТИВА

В.Рыньков. Геннадий Янаев: загадка эпохи. Нижний Новгород, 2003 г.

— Геннадий Иванович, в СМИ много говорится о начале распада КПРФ и негативной роли в этом Г.А.Зюганова. Хотелось бы узнать вашу позицию по этому по воду.

— Ни к каким негативным оценкам Зюганова я присоединиться не могу. Его огромная заслуга в том, что в сложной политической ситуации он создал одну из самых крупных политических организаций, представ ленных в Государственной думе. Он мобилизует массы против политики правительства, направленной на ущемление прав и свобод трудового народа. Вот уже на протяжении многих лет Г.А.Зюганов является обще национальным лидером, удерживает партию на плаву и проводит ее между Сциллой и Харибдой как реально существующих политических проблем и разногласий, так и намеренно раздутых, привнесенных. Но в то же время в его руководстве КПРФ есть существенные недоработки: отказ от принципа историзма, недостаточное, особенно в провинциях, омоложение рядов КПРФ, отказ от интернационализма...

Уважаемому мной Г.Зюганову я бы посоветовал разнообразить тематику своих выступлений. Нужно посвятить одну пресс-конференцию политике партии в молодежном вопросе, другую — в женском, третью — вопросам религии, четвертую — бизнеса и т. д. Пока во всех этих направлениях ничего другого, кроме политики антинародных властей, не видно.

Зюганову, может быть, стоит выглядеть несколько пораскованнее. Это очень импонирует

людям...

Успех оппозиции, по моему мнению, зависит от умения правильно, грамотно, учитывая современные политические технологии, выстроить свою политику. Не надо забывать, что Москва — это еще не вся Россия. Россия — это Волга, Урал, Сибирь, Дальний Восток, и там решается многое.

Я вполне солидарен с ученым, известным своей объективностью и провидческой глубиной социального анализа, Александром Александровичем Зиновьевым. Вот что он пишет по поводу «распада» КПРФ: «...В партии есть Устав, и ее члены добровольно принимают обязательство выполнять этот Устав. Они ДАЮТ СЛОВО выполнять его. А они хотят нарушить Устав и одновременно оставаться в партии, потому что они «яркие личности»... (речь идет об исключенных из партии Селезнев, Горячевой, Губенко).

Партия вправе поступать так, как она поступила. И с точки зрения интересов партии такое решение майского пленума (2002 года) было правильным. В этой ситуации уход людей со своих постов способствовал бы укреплению партии... Вспомните о Горбачеве, Ельцине, Яковлеве, Шеварднадзе и других, которые сделали карьеру за счет партии. Чем быстрее она избавится от предателей, тем лучше будет и для нее, и для истории, и для мира в целом...

— Как вы относитесь к президенту Российской Федерации как к политику?

— Как к политику к В.В.Путину я отношусь неоднозначно. С одной стороны мне нравится его патриотическая риторика. С другой — она так и остается политической риторикой. По существу, Путин продолжает политику, которую продиктовали Международный валютный фонд, Международный банк развития и Соединенные Штаты Америки. До тех пор пока национальные интересы страны не будут четко определены и гарантированно защищены, Россия не осознает своего национального величия. А для этого нужно изменить экономическую политику, так как величие государства определяется его экономической мощью. Если Путин будет продолжать тот же политический курс, что проводил Ельцин, то будет происходить дальнейшая стратификация общества, и это, в конечном счете, приведет страну к положению «Верхней Вольты с ядерным оружием».

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

— Геннадий Иванович, расскажите о начале своей политической судьбы. Кто и что на нее особенно повлияли?

— В первую очередь мать — редкостно энергичная, волевая и умная женщина. Она, не являясь членом партии, в плане политической, производственной и любой другой общественной активности была, наверное, на голову выше всех, с кем ей доводилось работать, в том числе коммунистов с партбилетами. К тому же считалась, и видимо небезосновательно, квалифицированным и эффективным специалистом-аграрником, если выразаться современным языком. Не могу сказать, что мне в полной мере передались ее таланты или некая «предрасположенность», связанные с сельским хозяйством (в частности, с пчеловодством, которому она посвятила многие годы), но что-то я от матери, безусловно, унаследовал. Например, ту же социально-политическую активность...

Так или иначе, мое поступление в сельскохозяйственный вуз было продиктовано желанием, с одной стороны, «угодить» родительнице, с другой — приобрести специальность, которая бы позволила трудиться и совершенствоваться не только в аграрной отрасли.

Окончив среднюю школу в родном Перевозе, я сдал экзамены в Горьковский сельскохозяйственный институт и стал учиться на инженера-механика. По окончании, в 1959 году, получил не только диплом о высшем образовании, но и — как отличник учебы и комсомольский активист — преимущественное право выбора при распределении. Попросил отправить меня на Алтай, и эту просьбу, пусть и нехотя, удовлетворили. Мне тогда казалось, что молодым специалистам, как в популярной советской песне, дорога открыта буквально везде. По большому счету так оно и было, однако вакансии под ногами не валялись, и, прибыв в административный центр Алтайского края Барнаул, я столкнулся с несколько неожиданной для себя проблемой трудоустройства.

Вспоминает Геннадий Иванович Янаев:

Я был неисправимым романтиком. С большим трудом получил назначение на Алтай. Приехал, а там — как в известной картине Репина — «не ждали». Неделю жил в гостинице. Потом направили меня в Белокурихинский район — это курортное местечко на Алтае. Не нужен. Снова вернулся в барнаульскую гостиницу ждать назначения. А рядом на стадионе футбольная команда «Урожай» тренировалась. Во второй лиге играла. От нечего делать подавал им мячи... С мячом несколько финтов показал. Тренер и говорит: «Полетели во Фрунзе, за нас сыграешь». Почему нет? Слетали, сыграли, вернулись. Тренер опять говорит: «Зачем тебе в колхозе надрываться, оставайся с нами». Но я-то за песней приехал, а не за футболом — помните: «Здесь на далеком Алтае голос услышал я твой...»

(В.Рыньков. Геннадий Янаев: загадка эпохи)

Нарвавшись в нескольких местах на вежливый отказ, я уже было приуныл и собрался возвращаться не солоно хлебавши в родные края. Но удача мне все ж таки улыбнулась — меня направили в Крутихинский район, в деревню Заковряжино. Там находился колхоз, в котором председатель и основные специалисты в большинстве своем были немцами... Кстати, неподалеку от этих мест родился наш знаменитый космонавт Герман Титов. С ним мы, предаваясь воспоминаниям об Алтае, можно сказать, подружились во время поездки на одну международную конференцию, когда я уже был на комсомольской работе, а Герман Степанович

по обыкновению тех лет выполнял — наряду с другими прославленными космонавтами — роль «свадебного генерала» на различных крупных форумах и мероприятиях...

Так вот, несмотря на то, что в заковряжинском колхозе имелся свой главный инженер (правда, со средне-техническим образованием), встретили меня там радушно и предоставили работу по специальности. Нетрудно догадаться, что по сравнению с обычными тогдашними коллективными хозяйствами (например, в Средней полосе России) в немецком колхозе был, можно сказать, исключительный, образцовый порядок. Но, видно, не зря у нас говорят: «Что русскому хорошо — для немца смерть». Это неписаное правило только в несколько другой трактовке (например, в такой: «что немцу безразлично — для русского тяжелая головная боль») сыграло со мной злую шутку. Получив мое первое письмо с Алтая, мать пришла в ужас от названия деревни, в которой я начал свою трудовую деятельность. Мы ведь в отличие от немцев — народ «загадочный», непредсказуемый и действуем порой под влиянием каких-то сильных впечатлений-эмоций, а не рассудка. Представилось русской женщине, что Заковряжино — это нечто запредельно нехорошее, гиблое, и вот, проработав около двух месяцев, я получил с малой родины телеграмму: мать в тяжелом состоянии, при смерти. Испуганный-придавленный таким известием, первым делом обратился, естественно, к председателю колхоза за: «Как быть, что делать?». А он: «Ну что тут поделаешь. Получай зарплату за отработанное время да за месяц вперед и домой срочно отправляйся».

От незаработанных денег отказался, взял причитавшееся и моментально собрал вещи. На колхозной машине повезли меня к Чуйскому тракту. Добрались туда к сумеркам. Машину пришлось отпустить (случалось «шалили» тогда в тех глухих местах). Переночевал в стоге соломы на обочине тракта, а наутро с первым проходившим автобусом поехал в Новосибирск. Оттуда — в Горький и в райцентр Перевоз. Всю дорогу, конечно, переживал, боялся, что не застаю мать живой. А дома ждал «сюрприз», который поначалу меня, разумеется, обрадовал, но потом... Короче говоря, не было у матери ни малейших оснований в то время считать себя смертельно больной. Она, может, и прихворнула, однако не сильно. Гораздо сильнее было стремление выгнать меня во что бы то ни стало из далеко го и «ужасного» Заковряжина, дабы не сгубило оно ее молодого, образованного, подававшего какие-то надежды сына.

Здорово поругались мы с ней в тот день. Хлопнув дверью, пошел куда глаза глядят. Они же, в сущности, никуда не глядели. Положение-то у меня было на редкость дурацкое и даже, как мне тогда казалось, безвыходное. Слегка поостыв, вернулся домой и стал думать, как быть дальше... А дальше устроился в Работкинскую машинно-тракторную станцию (неподалеку от Перевоза) начальником торфо-мелиоративного отряда. Приступил к заготовке торфа для удобрения.

Гордо шествуя в высоченных болотных сапогах по непролазной грязи, с семиэтажными матюгами в повседневном лексиконе, я быстро стал в МТС своим, что называется, в доску. Не скажу, что до этого моя речь сплошь состояла из сугубо парламентских выражений, однако так, как «приучился» браниться там (под стать товарищам по работе, само собой), больше я никогда и нигде не ругался. Ну да это не суть важно, просто к слову пришлось...

Не забывал, разумеется, и «международной обстановкой» интересоваться. Регулярно проводил по заведенному в те времена порядку политинформацию в трудовом коллективе. Помнится, тогда были нередки всевозможные «реформации-революции» в языкознании. И в какой-то период вместо слова «лаосский» всем настоятельно рекомендовали говорить «лаотянский» (Вьетнам, Лаос, Камбоджа были в центре внимания мировой общественности, в этом регионе пересеклись интересы СССР и США и наблюдалась «особая напряженность»). Во время политинформации на «лаосские темы» вначале я один раз употреблял неологизм «лаотянский», а затем переходил на использование привычного слова «лаосский». Вот так, «ориентируясь» в сложной, невероятно запутанной «лаосско-лаотянской ситуации», я стал

главным инженером Работкинской МТС. В 1962 году вступил в Коммунистическую партию Советского Союза.

Однажды в мастерской отделения «Сельхозтехники», в котором меня поставили управляющим, прозвенел телефонный звонок, определивший всю мою дальнейшую политическую жизнь. Звонил завотделом кадров Горьковского сельского обкома партии (тогда, по инициативе Хрущева, обкомы были «двух видов»): «Геннадий, завтра ждем тебя здесь» — «Понял, Иван Федорович. Что-то брать с собой нужно?» — «Только голову».

На следующий день мне предложили работу в сельском областном комитете ВЛКСМ... Вспоминает Геннадий Иванович Янаев:

И началась моя стремительная карьера: второй секретарь сельского обкома комсомола..., избрание вторым, а затем первым секретарем Горьковского обкома комсомола. Первое предложение возглавить отдел в ЦК ВЛКСМ. Отказался. Но в мире партийной номенклатуры не каждый отказ правильно поймут. Да и зачем всегда отказываться?

В 1968 году во главе молодежной группы я поехал в Гренобль на Олимпийские игры. По возвращении в аэропорту меня встретил работник «Спутника» и сказал, что я завтра должен быть в ЦК партии. Был тогда у секретаря ЦК КПСС Ивана Васильевича Капитонова первый заместитель — Николай Александрович Петровичев. Он встретил меня и сказал: «Мы решили рекомендовать тебя председателем Комитета молодежных организаций СССР». Поняв всю важность предложения, я ответил: «Николай Александрович, Горький — это же закрытый город. Я одного-единственного иностранца принимал — первого секретаря ЦК ревсомола Монголии Пуревджава!» — «Ничего, поможем, справишься», — последовал ответ. Тогда в КМО были какие-то скандалы, какие-то нарушения, сняли председателя, чуть ли не судебные дела начались. В общем, направляют меня туда комиссаром, и разговор заканчивается тем, что в 15.00 я должен быть на Секретариате в ЦК КПСС. Все в один день! Вел Секретариат Суслов Михаил Андреевич. После этого провел я в Горьком пленум, освободили меня от занимаемой должности, и — снова в Москву, прямо в аэропорт, — полетел в Будапешт на Ассамблею Всемирной федерации демократической молодежи. Так началось мое вхождение в международную жизнь...

Союз советских обществ дружбы возглавляла удивительная женщина — Круглова Зинаида Михайловна, бывший секретарь Ленинградского обкома партии по идеологии. Я таких никогда не видел... Знаете, она любила парня, который в первые же дни войны погиб. И она не стала выходить замуж, всю жизнь прожила одинокой. Редкой теплоты человек.

Проработал я там до 1986 года. В субботу, как сейчас помню, работаю в кабинете с бумагами. Время не протокольное. Звонок. Звонит Шалаев Степан Алексеевич — председатель ВЦСПС. До сих пор я с трепетом вспоминаю этого замечательно го принципиального человека. «Геннадий Иванович, можете ко мне сейчас приехать?». Я ответил: «Степан Алексеевич, да я вроде бы не протокольно одет». — «Ничего! Сейчас машину пришлю за вами». Посылает машину, я к нему приезжаю, он говорит: «Вот, есть предложение — поработать секретарем ВЦСПС по международным делам». Я говорю: «Степан Алексеевич, это для меня большая честь, естественно, но как там, в Кремле, к этому отнесутся?» — «Это, — говорит, — не ваша забота. Послезавтра — на беседу в ЦК КПСС». Опасения мои были обоснованны. Когда на стол Е.К.Лигачеву легла «объективка» на меня, он ее просмотрел и отшвырнул со словами: «Опять этот

комсомол!»

Я улетел с делегацией в Японию, а на следующий день после возвращения — в Америку. Там меня встречают и поздравляют с назначением. Ша лаев, оказывается, пошел к Лигачеву, говорил с ним. Тот согласился с моей кандидатурой, а решение было принято на Секретариате ЦК КПСС да же без собеседования: «Рекомендовать пленуму ВЦСПС избрать...» И через два дня я был избран секретарем ВЦСПС, потом, спустя некоторое время, заместителем председателя, а в 1990 году — председателем...

(В.Рыньков. Геннадий Янаев: загадка эпохи)

Все последние годы возвращаюсь мысленно в тот день и то место, которые были «ознаменованы» получением тревожной телеграммы от матери. Скорее всего именно это почтовое отправление кардинально повлияло на мою судьбу. Множество раз спрашивал себя: а что было бы, если бы?.. Ведь, несмотря на подчеркнутую нелюбовь историков к сослагательному наклонению, практически все мы то и дело к нему обращаемся...

Далекая «многослойная» эпоха, немецко-советский колхоз в красивой алтайской провинции, хорошая инженерная специальность и некоторые способности к профессиональному росту-развитию, неотъемлемое чувство коллективизма и «высокая политическая активность», желание быть полезным стране и обществу и обыкновенные, чисто человеческие качества-наклонности — что предвещали все эти исходные данные, сложись моя жизнь не так, как она сложилась? Такой бесполезный, в сущности, вопрос время от времени свербит в мозгу. Но ответа на него при всем желании не сыскать. А может, это и к лучшему...

КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

ЯНАЕВ Геннадий Иванович родился 26 августа 1937 г. в с. Перевоз Перевозского района Горьковской области. Специалист по сельскому хозяйству, Геннадий Янаев вступил в КПСС в 1962 г. Начиная партийную карьеру как комсомольский лидер в Горьковской области, где занимал должности второго (1963 — 1966), а затем первого секретаря обкома ВЛКСМ. В 1968 г. назначен председателем Комитета молодежных организаций СССР. В 1980 г. становится заместителем председателя президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

В ходе «перестройки» Янаев занял более значительный пост — секретаря ВЦСПС по международным вопросам (1986 — 1989), затем получил должность заместителя председателя ВЦСПС (1989 — 1990). В апреле 1990 г. возглавил ВЦСПС как председатель (апрель — июль 1990), но на XXVIII съезде КПСС был избран членом ЦК (1990 — 1991), который, в свою очередь, утвердил Янаева членом Политбюро и секретарем ЦК по между народным вопросам (14 июля 1990 — 31 января 1991). 27 декабря 1990 г. Президент СССР М.С.Горбачев выдвинул Янаева на пост вице-президента СССР. Вскоре после избрания (Съездом народных депутатов СССР) Янаев оставил работу в Полит бюро и Секретариате ЦК (31 января 1991). 19 августа 1991 г. Янаев и семь других высших советских руководителей провозгласили создание Государственного комитета по чрезвычайному положению и объявили о принятии Комитетом верховной власти в стране. В то время, как президент Горбачев был объявлен неспособным исполнять свои обязанности по состоянию здоровья, Янаев принял на себя полномочия Президента СССР. Плохо спланированный захват власти провалился на третий день, и Янаев был арестован 22 августа 1991 г. по обвинению в государственной измене. Суд над Янаевым и 11 другими политическими деятелями откладывался до мая 1993 г. В феврале 1994 г. Государственная дума Российской Федерации одобрила законопроект об амнистии, в связи с чем уголовное преследование было прекращено.